

Алексей Ракитин

ИСТОРИЯ БОСТОНСКОГО ДУШИТЕЛЯ

Хроника подлинного расследования.
Книга II

Алексей Ракин

История Бостонского Душителя

*Хроника подлинного расследования.
Книга I*

Издательские решения
По лицензии Ridero
2019

УДК 159.9
ББК 84
Р19

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Ракитин Алексей

Р19 История Бостонского Душителя : Хроника подлинного расследования. Книга II / Алексей Ракитин. — [б. м.] : Издательские решения, 2019. — 292 с.
ISBN 978-5-0050-5484-5 (т. 2)
ISBN 978-5-4496-7560-6

Вторая книга дилогии. В начале 1960-х гг. американский город Бостон и его пригороды были потрясены серией жестоких убийств, жертвами которых становились женщины всех возрастов. Таинственный убийца вошёл в мировую историю сыска и криминалистики под прозвищем «Бостонский душитель». В книге анализируются известные преступления, изложен ход расследования, рассмотрены персоналии подозреваемых. Автором привлечен большой объём малоизвестной информации, на основании которой сделаны неожиданные выводы.

УДК 159.9
ББК 84

18+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

ISBN 978-5-0050-5484-5
ISBN 978-5-4496-7560-6

© Алексей Ракитин, 2019

Часть V. Складывая пазл

Признания ДеСальво

Фрэнсис Ли Бэйли всю свою жизнь подавал большие надежды. В начале 1950-х гг он поступил в Гарвардский университет, но бросил его в 1952 г для того, чтобы отправиться служить в армию, точнее, в авиацию морской пехоты. И вроде бы очень преуспел на этом поприще, прошёл необходимую подготовку, стал летающим офицером. Однако через 5 лет посчитал отказ от учёбы ошибкой и, демобилизовавшись, вернулся в Гарвард. Оттуда перешёл в Бостонский университет, где блестяще обучался на юридическом факультете (точнее, в т.н. юридической школе). Ли Бэйли был круглым отличником, признанный лучшим учеником факультета за всё время его существования. В 1960 г он закончил университет со званием бакалавра права. От него ждали многого, но как это часто случается с талантливыми студентами, на практическом поприще он отнюдь не блистал.

В начале 1965 г Фрэнсису шёл уже 32-й год. Конечно, это не тот возраст, когда пора подводить итоги прожитых лет, но четыре с лишком года работы на адвокатском поприще не принесли Фрэнсису ни громких успехов, ни известности, ни богатства. Впоследствии Фрэнсис очень прославится и разбогатеет, станет сочинять книги, давать интервью, консультировать съёмки кино- и телефильмов, его образ сделается экранным и узнаваемым. Фильмы о нём станут снимать при жизни, часто ли так случается? Но всё это будет потом, а в начале 1965 г будущность Фрэнсиса выглядела довольно безрадостной. Впереди у него маячила обыденная и довольно напряжённая жизнь — многочасовые высиживания в судах на скучных процессах, бесконечные поездки в тюрьмы к подзащитным, унылые рожи уголовников... Тоска, суета и рутина!

Это очень интересный момент, о котором следует помнить. В начале 1965 г «Бостонский Душителъ» был нужен всем! Речь даже не о горожанах — они-то как раз уже успокоились насчёт таинственного маньяка, поскольку тот перестал убивать... Злобного убийцу очень хотел разоблачить Генеральный прокурор Брук, поскольку годом ранее он помпезно открыл охоту на преступника, а охота эта никакого видимого результата не приносила! Провал грозил Бруку крахом блестящей карьеры... «Бостонский Душителъ» был очень нужен Джону Боттомли по той же самой причине — его дальнейший успех в профессии напрямую зависел от успеха расследования... И наконец, в таинственном маньяке нуждался адвокат Ли Бэйли — его рывок на адвокатском поприще был возможен только в случае участия в сенсационном деле.

Хотя на первый взгляд может показаться, будто все трое — Брук, Боттомли и Ли Бэйли — преследовали далеко не совпадающие цели, на самом деле ими двигал одинаковый интерес: каждому из них нужна была слава. Славу гарантировало разоблачение таинственного «Фантома». Даже если этого преступника на самом деле не существовало, как уверяли почти все причастные к расследованию детективы, его следовало выдумать.

Как там написал поэт: меня обманывать легко, я сам обманываться рад... Так кажется? Это именно наш случай!

После того, как Ли Бэйли поговорил с ДиНатале о том, чем занимается в Бриджуотере маньяке, Боттомли приказал установить кого именно этот адвокат посещает в лечебнице. Логично было предположить, что признания в убийствах Ли Бэйли услышал от подзащитного. Оказалось, что Фрэнсис приходит к некоему Джорджу Генри Нассару (George Henry Nassar). Эти имя и фамилия членам Бюро «Душителъ» ничего не говорили, поскольку

Френсис Ли Бэйли был тем человеком, кто явил миру «Бостонского Душителя». Адвокат прославился и выжал из своей славы всё, что только было возможно. И даже чуточку больше...

ранее он в поле их зрения не попадал.

Поначалу это показалось обнадеживающим, поскольку прекрасно объясняло почему же «Бостонский

«Душитель» до сих пор не разоблачён, однако, надежды скоро сменились разочарованием. Полицейские документы довольно убедительно свидетельствовали против предположения, согласно которому маньяком мог быть Нассар.

Родившийся в июне 1932 г Джордж Нассар, сириец по национальности, как никто другой соответствовал типу тех людей, которых мы ныне называем социопатами. Он производил на окружающих прекрасное впечатление в тех случаях, когда считал это необходимым. И равно убедителен он бывал в тех случаях, когда желал обратного. Сложно сказать, когда Джордж был самим собою.

В детские и юношеские годы за ним ничего особенно плохого не замечали: вплоть до 16 лет Джордж рос замкнутым, скрытным мальчиком, не попадавшим в скверные ситуации и много занимавшимся спортом. Так продолжалось до мая 1948 г, когда Нассар в компании с двумя друзьями в течение одного вечера совершил ограбление четырёх питейных заведений. В пятом по счёту хозяин схватил бутылку и двинулся на обнаглевшую молодёжь, но Нассар неожиданно для всех вытащил из кармана револьвер и 4 раза выстрелил в мужчину. Тот умер на операционном столе через 3 часа.

Использование оружия удивило даже друзей Джорджа, поскольку за четверть часа до убийства троица сдалась под натиском владелицы магазина, бросившейся защищать своё имущество с метлой в руках. Грабители убрались несолоно хлебавши и Нассар не пытался запугивать женщину пистолетом. Но по прошествии совсем небольшого интервала времени пустил его в ход без раздумий.

Опознать и арестовать его удалось очень скоро. Не прошло и недели, как Нассар угнал автомобиль и попал в ДТП. Хотя он успел выбросить пистолет до прибы-

Джордж Нассар в полицейском автомобиле между конвоирующими его полицейскими.

тия полицейского патруля, в его кармане остались два патрона, что насторожило полицейских. Они внимательно осмотрели место аварии и отыскали револьвер, который удалось связать с убийством владельца магазина. Нассар, опасаясь смертной казни, выдал дружков и сознался в убийстве, в результате чего всю троицу приговорили к пожизненному заключению в тюрьме.

Джордж тянул тюремную лямку до 1961 г. В том году его освободили. Впоследствии вопрос о том, как приговоренный к пожизненному сроку заключенный умудрился выйти на свободу, поднимался неоднократно. Внятного ответа так никто и не дал. Безусловно, помог-

ло заступничество тюремного священника, очень довольного тем, как Джордж «несёт Слово Божие» в заблудшие души тюремных сидельцев. Надо сказать, что Нассар, несмотря на то, что являлся этническим сирийцем, происходил из католической семьи и с самого детства великолепно знал Библию, цитируя наизусть огромные фрагменты её текста.

Выйдя на свободу, Джордж зажил жизнью доброго самаритянина — так в Америке принято обозначать смиренного, богобоязненного и милосердного члена общества. Его соседи не сомневались в том, что он очень хороший человек. Ещё бы, ведь в свободное время Джордж ходил в воскресную школу, где бесплатно занимался с детьми! Перед прихожанами своей церкви он произносил проповеди, известны по меньшей мере два таких случая! Одно время Джордж работал репортёром в газете. Вообще же, интерес к журналистской работе он почувствовал ещё во время пребывания за решёткой, когда участвовал в издании тюремного журнала. Также Нассар около двух лет достойно трудился санитаром в больнице. Впечатленный успехами советской космонавтики, Нассар в 1961 г. принялся изучать русский язык и даже в камере в Бриджуотере держал самоучитель.

Впрочем, после освобождения в 1961 г. в его жизни нашлось место и для других увлечений. Так, например, в вещах Джорджа при аресте в 1964 г., о котором в своём месте будет сказано подробнее, оказалась найдена переписка, из которой можно заключить, что Нассар интересовался возможностью заняться сексом с семейной парой. Для этого он покупал журналы знакомств и рассылал соответствующие предложения. Причём, он был готов заняться этим как в одиночку, так и в компании с бисексуальной подружкой переводя, так сказать, формат «шведской тройки» в «свинг-вечеринку». Помимо сексуальных увлечений Джордж ценил и менее греховные удоволь-

ствия — он отлично и с удовольствием танцевал. Женщины отмечали его обходительность и хорошее воспитание. А ещё Джордж ходил на собрания левацких организаций, в ходе которых обсуждались варианты того, как лучше провести социалистические преобразования в «обществе безудержного потребления». Там выступали разного рода поклонники идей анархизма и маоизма, публика, состоявшая преимущественно из студентов местных ВУЗов, неистово аплодировала и требовала радикальных преобразований. Нассар не выступал, поскольку выглядел недостаточно образованным на фоне местных гиков, но слушал с интересом. Ещё бы, начнись тогда в США своя социалистическая революция, уголовники, вроде него, явились бы одной из её движущих сил!

В общем, окидывая его жизнь ретроперспективным взглядом, следует признать, что Джордж Нассар являлся человеком всесторонне одаренным. Разумеется, мы признаём таланты Нассара с сугубо негативным подтекстом, поскольку наряду с довольно безобидными оценками личности этого человека, существовали и совсем иные. Бостонские детективы считали, что вышедший в 1961 г на свободу Джордж Нассар пользовался большим авторитетом в местной уголовной «тусовке». Ведь он был осужден по серьёзной статье и вёл себя в заключении правильно, что обусловило его довольно высокий криминальный статус как в тюрьме, так и на воле. Джордж принял активное участие в бандитских войнах в Бостоне в период с 1961 г по 1964 г. За это время он по разным оценкам лично убил от 17 до 30 человек.

Сюзанн Келли (Susan Kelly), американская писательница, занявшаяся ещё в конце 1970-х гг изучением истории бостонских убийств, лично встречалась с детективами, работавшими с Нассаром. В своей книге «Бостонский Душителъ» («The Boston Stranglers») она приводит их суждения — все полицейские сходились

в том, что Нассар был скверным человеком и очень опасным преступником.

29 сентября 1964 г Джордж Нассар решился на преступление, которое вновь привело его за решётку. В тот день около 15:40 он совершил нападение на автозаправочную станцию на шоссе I-125 в городе Андовер, пригороде Бостона. Управляющего станцией 43-летнего Ирвина Хилтона (Irvin Hilton), пытавшегося бежать, преступник нагнал на улице и сначала ударил ножом в спину, а затем велел ему стать на колени и умолять сохранить жизнь. Когда тяжелораненый мужчина подчинился, Нассар выстрелил ему в грудь, а затем после некоторой паузы продолжил стрелять в лежавшее тело. Впоследствии судмедэксперт извлёк из тела убитого 6 пуль. Эту расправу увидели подъехавшие к автозаправочной станции Рита Буоте (Rita Buote) и её 14-летняя дочь Дайан (Diane). В момент убийства они находились на удалении 12—15 метров от места расстрела. Нассар, обнаружив присутствие свидетелей, направился к ним. Растерявшаяся Рита не догадалась включить двигатель своей автомашины и либо уехать на ней со стоянки, либо попытаться задавить преступника (последний вариант, кстати, представляется во всех отношениях предпочтительнее!). Мать успела лишь крикнуть дочери «пригнись!», а сама осталась за рулём, зачарованно наблюдая за тем, как преступник, поравнявшись с её автомашиной, постучал по обшивке и приказал открыть дверь. Поскольку Рита не подчинилась, мужчина поднял пистолет и нажал на спусковой крючок.

Курок сухо щёлкнул. Выстрела не последовало.

Преступник, не спуская глаз с Риты, взвёл курок и повторно нажал на спусковой крючок. Снова раздался шелчок и ничего более. Мужчина ещё дважды с тем же успехом повторил свои действия, после чего остановился. Он, по-видимому, сообразил, что в барабане нет патронов.

Сложно сказать, что произошло бы далее, возможно, он перезарядил бы барабан и расстрелял свидетельниц преступления, но тут на автозаправку стала заезжать ещё одна автомашина — грузовик, в кабине которого находились двое мужчин. Число свидетелей явно умножалось!

Нассар понял, что ограбление пошло не по плану, подбежал к своей автомашине и покинул место совершения преступления. Номер седана, на котором он уехал, свидетели запомнили и сразу же сообщили полиции. Оказалось, что машина была угнана несколькими часами ранее, её быстро нашли неподалёку от места угона — это означало, что Нассар вернул её с таким расчётом, чтобы хозяин не заметил временного отсутствия машины. В салоне преступник оставил два пистолета: полуавтоматический 22-го калибра и револьвер 32-го.

Благодаря счастливому стечению обстоятельств розыск преступника много времени не занял. Рита и Дайан Буоте отлично рассмотрели убийцу. Хотя они не опознали его на представленных детективами фотографиях известных преступников, им удалось не без пользы пообщаться с полицейским художником. В результате появился портрет, очень похожий на Нассара и неудивительно, что детектив Чарльз Кинэн (Charles Keenan), арестовавший Джорджа в 1948 г, сразу же опознал старого знакомого. Фотография Нассара была показана матери и дочери, и свидетельницы без колебаний подтвердили, что именно этот человек убил управляющего автозаправкой.

Дальнейшее явилось делом техники. 2 октября суд санкционировал арест Нассара. Последний вину свою не признал. Поскольку денег для выпуска под залог у Джорджа не имелось, ему пришлось в ожидании суда остаться за решёткой. Удивительное дело, но у Нассара отыскались таинственные друзья и покровители! В ноябре был создан общественный комитет с тенденциозным

Нассар (в наручниках) с сопровождающими полицейскими перед отъездом из окружного суда.

названием «Комитет за здоровое правосудие» («Committee for reasonable justice»), поставивший перед собой цель собрать 7 тыс.\$, необходимых для внесения залога. В число учредителей этой странной организации вошёл журналист, ведущий информационное шоу на одной из местных радиостанций.

Появление этого комитета косвенно подтверждает

предположение о связи Нассара с местными преступными группировками. Бандиты не могли дать деньги адвокату напрямую, поскольку такое расточительство сразу вызвало бы вопросы об источнике щедрого финансирования, но создание якобы общественной организации и объяснение появления нужной суммы поступлением добровольных пожертвований, представлялось шагом вполне разумным. Пока нужная сумма собиралась (не забываем, что в нынешних ценах это более 250 тыс.\$!), суд постановил направить Нассара на психиатрическую экспертизу в Бриджуотер.

Джозеф появился там 18 января 1965 г. Экспертиза должна была продлиться месяц, однако 10 февраля её продлили ещё на 35 суток.

Дабы более не возвращаться к вопросу о здоровье этого человека, отметим, что в начале 1965 г специалисты Бриджуотера признали его «параноидальным шизофреником с исключительно тяжёлым социопатическим расстройством личности» («a paranoid schizophrenic with an extremely severe sociopathic personality disorder»).

Вот с таким человеком адвокат Фрэнсис Ли Бэйли работал в начале 1965 г. Никто не подозревал Нассара в том, что тот может быть загадочным «Фантомом» — полицейские на основании имевшихся в их распоряжении оперативных материалов считали его грабителем и убийцей. Но никак не сексуальным преступником! Поэтому предложение Ли Бэйли организовать контакт с «Бостонским Душителем» было воспринято членами Бюро с хорошо понятным скепсисом. Тем не менее, адвоката решили не игнорировать и представили ему 5 «контрольных» вопросов, на которые предстояло ответить «Фантому» или тому, кто себя за такового выдавал.

Как было отмечено выше, точного содержания этих вопросов мы не знаем. Один из них, вроде бы, был связан с маркой сигарет, которые курила Софи Кларк.

Об этом в одном из своих многочисленных интервью много лет спустя вспоминал Ли Бэйли. По его словам, ответ, полученный им, оказался даже более точным, нежели рассчитывал Боттомли — предполагаемый убийца не только сообщил тип сигарет, но и добавил, что открывая тумбочку, уронил пачку на пол. На месте преступления действительно была найдена пачка, лежавшая у ножки кресла. Об этой детали не мог знать человек, не бывавший на месте совершения убийства, ни в одном газетном или ТВ-репортаже об этом не сообщалось.

Другой вопрос, вроде бы, касался способа проникновения в квартиру Эвелин Корбин. Напомним, что на подоконнике окна, выходящего на пожарную лестницу, оказался найден пончик, который местные детективы связали с действиями преступника. При ответе на этот вопрос никаких чудес не произошло, полученный Ли Бэйли ответ можно даже счесть тривиальным. Предполагаемый «Бостонский Душителъ» заявил, что постучал в дверь жертвы и заявил, будто он сантехник и его прислал «супер» (т.е. «супервайзер», смотритель здания), после чего женщина якобы ему открыла. Ответ, кстати, выглядел совершенно недостоверным, поскольку в городе Салем, где проживала Корбин, администраторов зданий тогда не называли «суперами» — это было чисто бостонское словечко. Имела место и другая серьёзная нестыковка — Эвелин Корбин проживала в доме более 4 лет и хорошо знала сантехника, привлекавшегося для работы в здании. Она бы никогда не открыла дверь незнакомому мужчине, назвавшемуся «сантехником» и заявившему, что его «прислал супер». Но, говоря об эти деталях, мы забежали далеко вперёд, поскольку известны они стали много позже, уже в 1990-х гг.

Пока же просто остановимся на том, что некие 5 вопросов Ли Бэйли получил от ДиНатале, а спустя сутки передал детективу ответы, который в свою очередь сооб-

шил об их получении начальнику. Ответы, по-видимому, впечатлили Боттомли, который посчитал необходимым поддержать инициативу Ли Бэйли. Начались переговоры об условиях, на которых «Бостонский Душителъ» готов признать свою причастность к преступлениям. Сводились эти условия к следующему: а) он не будет обвинён в совершении тех убийств, причастность к которым признает; б) он может написать автобиографические книгу и сценарий, в которых будут описаны убийства, и за эту работу получит авторские права и гонорары; в) его не переведут из Бриджуотера и он останется в больнице вплоть до окончания срока лишения свободы, к которому будет приговорён за другие преступления. Помимо интересов таинственного преступника адвокат оговорил и гарантии собственного гешефта, а именно — деньги, которые он получит, представляя интересы «Бостонского Душителъ», не подлежали аресту, блокировке, штрафам и каким-либо иным видам отчуждения.

На первый взгляд требования Ли Бэйли кажутся вполне обыденными и понятными, но как станет ясно из дальнейшего, обеспокоенность адвоката по поводу соблюдения собственного материального интереса оказалась отнюдь не беспочвенной. Запутанность денежных отношений между ним и «Бостонским душителем» создаст в конечном итоге серьёзный и затяжной конфликт, о котором ещё будет сказано в своём месте.

Впрочем, в начале марта 1965 г условия Ли Бэйли выглядели вполне разумными и адекватными, а потому особых вопросов со стороны Боттомли не вызвали.

После того, как соглашение было достигнуто, адвокат назвал фамилию того, кто являлся маньяком. Члены Бюро ожидали, что Ли Бэйли назовёт Нассара, но... адвокат заявил, что преступником являлся Алберт ДеСальво.

Здесь уместно задаться вопросом: а когда же сам Ли Бэйли узнал, что ДеСальво тот самый неуловимый «Фан-

том», которого безуспешно ловили полтора года по всему Бостону и пригородам? Адвокат утверждал, что впервые услышал об этом 10 февраля 1965 г от Нассара во время перерыва между судебными заседаниями, во время которых решался вопрос о продлении срока психолого-психиатрической экспертизы, назначенной Нассару ранее. Ли Бэйли вспоминал, что не выразил поначалу ни малейшего интереса к этой информации, но Нассар настаивал на том, что адвокату следует поговорить с предполагаемым «Бостонским Душителем», уж больно человек необычный! Ли Бэйли в конечном итоге согласился и не прогадал — его сенсационное восхождение к адвокатской славе началось именно с момента знакомства с ДеСальво.

Итак, последний сумел заинтересовать сначала Ли Бэйли, а потом и Боттомли.

Среди бостонских полицейских бытует предание, согласно которому лейтенант Донован, начальник Отдела расследования убийств городского департамента полиции, услышав от Боттомли заявление, будто ДеСальво может быть «Бостонским Душителем», издевательски расхохотался. «Вас провели!» — заявил он прокурору и рассказал о том, что в январе месяце адвокат Джон Эсгейрссон, представлявший интересы ДеСальво, уже связывался с подчиненными Донована и сделанное им сообщение о возможной причастности его клиента к убийствам «Фантома», подверглось надлежащей проверке. В ходе неё выяснилось, что ДеСальво не имел никакой информации об убийстве Мэри Салливан, хотя и утверждал обратное. В частности, он не знал как была одета убитая, как использовалась метла и в какой форме преступник осуществил с жертвой половой акт. Посрамление Боттомли, казалось, не имело границ, он так наивно «повёлся» на интригующую басню Ли Бэйли! Конечно, можно было обвинить в некорректном пове-

дении самого лейтенанта Донована, не проинформировавшего Боттомли о проведенной проверке подозреваемого, но положила руку на сердце, сие обвинение вряд ли было справедливым. В конце концов, лейтенант не обязан сообщать начальнику Бюро «Душитель» обо всей текущей работе собственного отдела, тем более что проверка ДеСальво оказалась обычной рутинной, не имевшей никаких последствий. Боттомли сам виноват в том, что принял за чистую монету бредни шизофреника!

Казалось бы, после такой новости Джон Боттомли должен был потерять всякий интерес к ДеСальво, но случилось странное. Начальник Бюро «Душитель» не только не отказался от встречи с заключенным, но напротив, скорректировал программу встречи соответственно полученной от лейтенанта Донована информации.

Мы знаем, что первая встреча Боттомли с ДеСальво произошла в Бриджуотере 6 марта 1965 г. В тот день начальник Бюро «Душитель» расспрашивал готового сознаться ДеСальво о 5 преступлениях, а именно — убийствах Анны Слесерс, Иды Ирги, Нины Николс, Хелен Блейк и Софи Кларк. О Мэри Салливан не было задано ни единого вопроса! Допрос этот известен в деталях, поскольку он не только записывался на магнитофон, но и стенографировался. Протокол был обнародован в 2001 г, но проделано это было очень интересно — была скрыта «шапка» документа, в которой назывались поименно присутствовавшие при допросе. И сейчас читатель поймёт, чем была обусловлена подобная забота о сохранении приватности участников этого мероприятия.

Боттомли расспрашивал ДеСальво о всевозможных деталях перечисленных выше пяти убийств: планировке помещений, обивке мебели, расположении окон, предметах, использованных для душения и т. д. и т. п. Если читать протокол, то может показаться, будто встреча носила ознакомительный характер и Боттомли присматри-

вался к непонятному человеку, дабы понять, насколько тому можно доверять. Однако не всё так просто. Джон Боттомли не только пытался определить, насколько хорошо ДеСальво ориентируется в обстановке на местах совершенных убийств — он готовил заключенного к тому, чтобы тот давал правильные ответы в будущем.

Боттомли продемонстрировал ДеСальво фотографии тел убитых и обстановки в их квартирах. Причём — что особенно интересно! — он постарался сделать это так, чтобы факт демонстрации фотографий не нашёл отражения в протоколе и магнитофоной записи. Боттомли ни разу не сказал «я предъявляю вам фотографии» или «посмотрите на предъявленные фотографии» и присутствовавший при допросе стенограф не оставил запись, вроде «заключенному демонстрируются фотоснимки, сделанные на месте преступления». Эта маленькая деталь свидетельствует о том, что Боттомли прекрасно понимал незаконность того, что он делает, ведь фактически он не проверял осведомленность преступника о деталях совершенных им убийств, а «натаскивал» ДеСальво на дачу ложных показаний.

Но фотографии в тот день ДеСальво предъявлялись — в этом можно не сомневаться!

Во-первых, во время допроса ДеСальво неоднократно допускал выражения вроде: «Да, я вижу, что...» или «посмотрев, я припоминаю...» По смыслу сказанного можно понять, что он рассматривал лежавшие перед ним фотографии. А во-вторых, известна собственноручная запись Джона Боттомли, оставленная им в рабочей тетради 24 августа 1965 г возле подзаголовка «Лента I». Текст гласит: «Альберт уже просмотрел полицейские фотографии места преступления» (дословно: «Albert has already viewed the police photographs of the crime scene»). «Лента I» — это та самая первая магнитофонная плёнка, что записывалась во время допроса 6 марта.

Демонстрацию фотографий в той обстановке следует признать равносильной преступлению. Дабы исключить самооговор допрашиваемому нельзя показывать фотографии и схемы с мест преступлений. По той же самой причине следовало исключить любые наводящие вопросы в ходе допроса! Допрашиваемый должен вспоминать все детали сам. Именно незнание деталей является вернейшим индикатором лживости показаний допрашиваемого. А Боттомли, получается, сам же снабдил ДеСальво информацией, способной заморочить следствие!

Что это: непрофессионализм? наивность? необдуманность поведения? Или мы имеем дело с осознанным решением, к которому Боттомли склонился, объективно оценив шансы собственной группы на успех?

Больше всего верится в последнее. На пятнадцатом месяце расследования вероятность разоблачения «Фантома» уже стремилась к нулю. Трудно поймать чёрную кошку в чёрной комнате, особенно когда её там нет и точно также сложно разоблачить серийного убийцу, если того не существует в природе! Эту истину к марту 1965 г стал понимать и сам Боттомли, а потому появление Ли Бэйли с рассказом о странном человеке, выдающим себя за несуществующего убийцу, оказалось как нельзя кстати. Если дурачок ДеСальво хочет стать «Бостонским Душителем», то почему бы ему в этом не помочь, ведь подобный выход устроит всех — и Генерального прокурора Брука, и членов Бюро «Душителю», и жителей Бостона, и самого ДеСальво! Боттомли мягко подтолкнул ДеСальво в нужном ему, Боттомли, направлении, как бы сказав: «хочешь сознаться и заработать денег — что ж! — давай попробуем, только сильно не лажай, начни с просмотра фотографий, попробуй запомнить больше деталей».

Любопытна следующая деталь: даже на том, самом первом допросе 6 марта ДеСальво наговорил довольно

много несуразностей. Рассказывая об убийстве Хелен Блейк в конце июня 1962 г в Линне, ДеСальво заявил, что совершил с нею законченный половой акт, что не соответствовало результатам судебно-медицинской экспертизы, не обнаружившей спермы. Помимо этого ДеСальво допустил другую примечательную ошибку. Хелен оказалась задушена двумя чулками и бюстгальтером, причём чулки были затянуты узлом на затылке, а бюстгальтер — под подбородком жертвы. Альберт, рассказывая Боттомли об этом преступлении, перепутал расположение узлов, заявив, что узел чулков располагался под подбородком, а бюстгальтера на затылке. Трудно отделаться от ощущения, что посмотрев на фотографию и вернув её Боттомли, Альберт запомнил противоположное расположение узлов, но позабыл где какой был завязан.

Тем не менее, результаты общения с ДеСальво в целом Боттомли устроили.

После этой встречи руководитель Бюро «Душитель» отдал распоряжение не допускать к ДеСальво полицейских без его, Боттомли, разрешения. Очень примечательное распоряжение, учитывая, что Альберт являлся подследственным по весьма серьёзному многоэпизодному делу, в рамках которого к нему могли возникать самые разные вопросы.

Казалось бы, после того, как в распоряжении Бюро появился отличный кандидат в «Бостонские Душители» имело смысл бросить все силы на проверку обстоятельств его жизни, в частности, изучить прошлое Альберта, проверить существование alibi на дни совершения известных убийств. Но нет! Произошло нечто совсем иное — Боттомли на несколько месяцев позабыл о ДеСальво.

Пройдёт некоторое время и начальник Бюро станет ездить в Бриджуотер почти как на работу — два-три раза

в неделю. Но это случится много позже — в июле и августе 1965 г. Но марте Боттомли почему-то потерял интерес к перспективному кандидату в «Фантомы». Действительно ли помощник Генпрокурора утратил интерес к ДеСальво и если да, то почему?

Думается, что пауза явилась вполне умысленной и Боттомли взял её не без далеко идущей цели. Во время первой встречи он сумел оценить актёрские способности ДеСальво, которые отмечали все, общавшиеся с ним лично. Альберт умел произвести нужное впечатление, всегда выглядел уверенным в себе, речь его звучала непринужденно и убедительно. Из него вышел бы отличный карточный шулер, он явно годился на ту роль, на которую претендовал. Но Боттомли, затевавшему серьёзную игру, было важно убедиться в том, что ДеСальво через месяц-другой не взбрыкнёт и не откажется играть по правилам. Ведь он шизофреник, находящийся в психлечебнице, он лишился в этой жизни всего и если Альберт откажется от своих слов, то его даже наказать за это будет невозможно — он и так уже наказан! А вот Боттомли предстояло рискнуть своей профессиональной репутацией и притом подставить непосредственного начальника! Если выяснится, что разоблачение «Бостонского Душителя» фикция, то Боттомли с большой вероятностью придётся уйти из профессии и возможно — уехать из Массачусетса. Разоблачение маньяка открывало перед Боттомли две дороги — одна вела к признанию, популярности и успеху, а вторая — к позору и катастрофе. Руководителю Бюро «Душитель» следовало очень крепко подумать перед тем, как публично объявить о разоблачении преступника.

Боттомли, будучи опытным юристом и знатоком преферанса, решил не показывать ДеСальво собственной заинтересованности. Он оставил Альберта, что называется, «вариться в собственном соку». Пусть ДеСальво хо-

рошенько подумает насколько сильно он хочет сознаваться в убийствах? Альберту посулили деньги за книгу и сценарий и он заглотив эту наживку — что ж, пусть как следует её переварит, пересчитывает мысленно пачки долларов, свыкнется с мыслью, что они у него есть. Точнее, будут.

А через несколько месяцев к начатому разговору можно будет вернуться и поглядеть, не изменилось ли его настроение. Если изменилось, то признания надо будет отложить в долгий ящик. А если нет, то вот тогда и начнётся предметный разговор.

Взяв паузу, Боттомли ничем не рисковал. Новых убийств, связанных с удушениями женщин и девушек, в Бостоне не происходило. Убийца, если только тот вообще существовал, либо находился в тюрьме, либо умер, либо уехал из штата. В любом случае, никакой угрозы для горожан он сейчас не представлял. Так что тянуть время можно было без особого риска, никто не требовал от Бюро «Душител» срочного рапорта о проделанной работе.

Фрэнсис Ли Бэйли, убедившись в том, что Джон Боттомли не спешит поведать миру о признаниях ДеСальво, решил зайти с другой стороны. Адвокат надумал подогреть интерес к Алберту и с этой целью решился на нетривиальный и довольно-таки рискованный шаг. Он подверг ДеСальво сеансу гипноза, во время которого была предпринята попытка получить от Алберта сведения о деталях убийств, в которых тот признавался. Строго говоря, этот сеанс оказался разбит на две части, проводившиеся с интервалом в сутки, хотя изначально такое деление не планировалось и чуть ниже читателю станет ясно почему так получилось.

Первый раз Алберт был загипнотизирован 20 марта 1965 г. Несколькими днями ранее — 17 марта — ДеСальво позвонил домой и в телефонном разговоре с женой Ирм-

гард заявил, что он — «Бостонский Душитель». Алберт предупредил жену, что сделал соответствующее признание представителю прокуратуры, а потому Ирмгард должна быть готова к тому, что газеты и телевидение объявят об этом. Разговор с женой получился крайне тяжёлый, Ирмгард утратила самоконтроль, стала кричать, с ней приключилась истерика и она бросила трубку. О содержании этого телефонного разговора правоохранительные органы, разумеется, узнали, поскольку все переговоры заключенных записывались, из чего, кстати, тайны не делалось. Поэтому Боттомли был проинформирован о признании ДеСальво в убийствах собственной жене.

Остаётся добавить, что после этого разговора Ирмгард прекратила всякое общение с мужем, подала на развод и в скором времени покинула Соединенные Штаты. Она выехала в Европу, там вторично вышла замуж и с мужем возвратилась в Бостон. В своём месте мы ещё скажем несколько слов об этой женщине, пока же вернёмся к событиям марта 1965 г.

Итак, за несколько дней до сеанса гипноза ДеСальво имел тяжёлый разговор с женой и об этом бэкграунде в контексте последовавших событий следует помнить. Сеанс гипноза проводил Уилльям Брайан-младший (William J. Bryan), специально для этого приехавший в Массачусетс из Калифорнии, где он жил и работал. Это был очень опытный психиатр, специализировавшийся на гипно-психоанализе. Хорошо известно, что психоанализ очень популярен в США, но далеко не все знают, что в Штатах принимались попытки усовершенствовать концепции Фрейда, что выражалось, в частности, в попытках как можно шире применять во время сеансов психоанализа гипноз, поскольку последний снимал торможение коры головного мозга и делал пациента совершенно искренним. Уилльям Брайан считался одним из самых опытных

Уилльям Брайан пользовался вполне заслуженной репутацией компетентного врача-гипнолога. Хотя своей основной специализацией он считал психоанализ, круг профессиональных интересов Брайана был много шире и включал в себя психологию свидетельских показаний, особенности работы памяти, правовые аспекты использования гипноза и т. п.

специалистов этого направления, он проводил сеанс психоанализа под гипнозом от начала до конца. Брайан имел большой опыт практической работы с правоохранительными органами, участвовал в раскрытии преступлений, допрашивал подозреваемых и преступников и даже написал книгу об использовании гипноза при расследовании преступной деятельности.

Фрэнсис Ли Бэйли слушал лекции Уилльяма Брайана во время обучения в университете, остался весьма ими впечатлён и предложил доктору поработать с ДеСальво. За ходом сеанса следила группа врачей Центра содержа-

ния сексуально опасных преступников, в числе которых были Сэмюэл Аллен, Эймс Роби и некоторые другие. Сеанс записывался на магнитофон, его расшифровка сохранена, как впрочем, и оригинальная аудиозапись.

Для того, чтобы удостовериться в полном погружении ДеСальво в транс, доктор Брайан в самом начале сеанса прибег в довольно грубому, но эффективному приёму. Он медленно проколол насквозь левую ладонь Алберта толстой 5-сантиметровой швейной иглой. ДеСальво боли не почувствовал — это означало, что он впал в глубокий транс и полностью подчинён воле гипнотизёра. В таком состоянии он мог правдиво отвечать на вопросы, даже вопреки собственной воле¹. Уильям Брайан применил регрессивный гипноз, при котором пациент погружался во всё более отдаленное прошлое, рассказывая о событиях конкретного дня и даже часа. Гипнолог «вернул» ДеСальво в 8 сентября 1963 г, в тот день, когда была убита Эвелин Корбин, и стал расспрашивать о событиях того дня.

Однако ничего криминального Алберт не сказал. В его ответах фигурировала «Джуди», которой он массирует ноги, и по смыслу сказанного можно было понять, что речь идёт о дочери ДеСальво, родившейся с патоло-

¹ В истории криминалистики мы можем отыскать множество попыток преступников использовать сеансы гипноза для введения следствия в заблуждение. Некоторые из этих попыток были успешны, некоторые — нет. Известно, что серийный убийца Кеннет Бьянки согласился на допрос под гипнозом, рассчитывая ввести в заблуждение следствие, более 40 минут имитировал транс, однако врач, используя особую речевую стратегию, догадался, что преступник занимается симуляцией и тем сорвал его затею. В случае с ДеСальво врач-гипнолог добился глубокого погружения проверяемого в транс, что и подтвердил болевой тест.

гией тазовых суставов и неспособной ходить. Убедившись, что ДеСальво ничего об убийстве не рассказывает, доктор Брайан изменил тактику — он дал поручение Алберту проснуться ночью и записать яркое сновидение, связанное с женщиной, которое тот увидит. После этого гипнолог прервал сеанс и разбудил Алберта. Проснувшись, тот ничего не знал о содержании закончившегося сеанса и установке, данной доктором.

В ночь на 21 марта ДеСальво действительно проснулся и на листе бумаги, имевшемся в его распоряжении, записал сновидение, которое видел той ночью. Сон имел эротическое содержание, ДеСальво снилось, будто некая женщина занималась с ним оральным сексом. Запись прерывалась на полуслове, никаких указаний на насилие и тем более убийства текст не содержал. По мнению доктора Брайана поведение ДеСальво под гипнозом и содержание его сновидения указывали на то, что дочь-инвалид мешала реализации его либидо и толкала на поиск сексуального удовлетворения вне семьи. ДеСальво насильничал потому что был не удовлетворён интимными отношениями с женой, а убивал жертвы потому, что видел в них символ дочери.

Это была довольно странная логическая конструкция, но доктор Брайан посчитал, что она хорошо объясняет результаты первого сеанса гипноза. 21 марта ДеСальво был загипнотизирован вторично, врач опять «вернул» его в 8 сентября 1963 г и попытался реконструировать события того дня. ДеСальво рассказал о том, как вошёл в квартиру, представившись водопроводчиком, затем сказал женщине, что у него есть нож и он хочет её изнасиловать. Нож, впрочем, он доставать не стал, поскольку женщина не сопротивлялась и не шумела. ДеСальво потребовал удовлетворить его орально, заставил опуститься на пол и бросил под колени подушку... На этом он замолчал. Доктор Брайан

несколько раз побуждал его рассказать об удушении, но ДеСальво никак не реагировал на его команды. Тогда гипнолог сменил тему и потребовал рассказать о дочери. Алберт стал показывать, как завязывал шнурки на её ботиночках, но доктор Брайан прервал его неожиданным вопросом, спросив, хочет ли он убить девочку? Дальше произошло такое, что нечасто происходит на сеансах гипноза — ДеСальво попытался ударить врача! Брайану пришлось приложить немало сил, чтобы успокоить впавшего в ярость пациента. Доктор вернулся к воспоминаниям об оральном сексе ДеСальво с неизвестной женщиной, но рассказа об убийстве так и не добился.

В конечном итоге сеанс гипноза закончился без единого свидетельства физического насилия ДеСальво в отношении женщины¹. Результат — что и говорить — оказался неожиданным! Человек, будучи в ясном уме, признавался в многочисленных убийствах, а в состоянии гипнотического транса ничего об этом не помнил!

Очевидно, что это было совсем не тот результат, на который рассчитывал Фрэнсис Ли Бэйли, затеявший всю эту авантюру. Адвокат проводил Уильяма Брайана в Калифорнию и постарался забыть о результатах гипноза. Джон Боттомли, который, разумеется, знал обо всём,

¹ Очень странно читать в англоязычной «Википедии» о том, что ДеСальво в ходе сеанса гипноза якобы сознался в убийствах. Необходимо ещё раз подчеркнуть: ДеСальво **НЕ** сознавался в убийствах, будучи в состоянии гипнотического транса, причём в это состояние он вводился дважды с интервалом в сутки. Также ДеСальво **НЕ** оставил никаких записей об убийстве при изложении сновидения, причём запись эту он делал внерассудочно, иррационально, не отдавая себе отчёта в том, что и для чего делает. Он выполнял установку, полученную в ходе сеанса гипноза, не зная о том, что таковая была ему дана.

произошедшем 20 и 21 марта, также интереса к работе доктора Брайана не выказал. Какое трогательное единодушие прокуратуры и защиты!

Неудивительно, что о допросе под гипнозом, проведенном доктором Брайаном, сейчас мало кто знает. В документальных фильмах о «Бостонском Душителе» об этом нет ни единого слова, полная тишина в газетных публикациях и книгах. Оно и понятно — подобный результат заставляет серьёзно усомниться в том, что признания ДеСальво в убийствах искренни.

Заканчивая рассказ о сеансе гипноза, нельзя не сказать несколько слов о проявленной ДеСальво агрессии в отношении доктора Брайана. Это довольно редкая и даже нетипичная реакция, с которой большинство специалистов-гипнологов вообще не сталкиваются за все годы профессиональной работы. Тем не менее, продемонстрированное ДеСальво поведение не является ни аномальным, ни уникальным. Загипнотизированный может проявить агрессию в отношении гипнолога в том случае, когда последний даёт команду категорически неприемлемую и невыполнимую. Неправильно думать, будто человек в состоянии гипноза полностью утрачивает волю и самоконтроль — это не так! — снижается торможение в коре головного мозга, но фундаментальные установки и ограничения сохраняются. Вопрос Брайана о желании убить дочь, погруженный в транс ДеСальво расценил как недопустимый приказ, реакцией на который явилась агрессия. Это означает, что Алберт полностью исключал какое-либо насилие в отношении дочери. Только такую трактовку поведения ДеСальво следует считать правильной.

Спустя некоторое время после сеанса гипноза Алберт ДеСальво улучил момент и поинтересовался у своего лечащего врача, психиатра Эймса Роби (Ames Robey), что тот думает о совершенных им убийствах? Роби, наблю-

давший работу Уилльяма Брайана от начала до конца и слышавший прежде рассказы ДеСальво от первого слова до последнего, только отмахнулся и высказался в том духе, что, дескать, я не прокурор и мне ты эту чепуху не продашь. Почтенный врач, проживший долгую и очень насыщенную жизнь — а умер Роби в октябре 2004 г — до последнего дня своей жизни в виновность ДеСальво не верил категорически.

Пока в Бриджуотере происходили описанные выше события, Бюро «Душитель» занималось своей обычной работой. Неизвестно в точности, что именно изучали Боттомли и его подчиненные в период с марта по июль 1965 г и эта безвестность — лучшее свидетельство того, что ничего экстраординарного они не делали.

Мы знаем только, что в апреле Боттомли затеял какой-то малопонятный публичный скандал, обвинив судмедэксперта из округа Миддлсекс Питера Дельмонико (Peter Delmonico) в должностном правонарушении. Тот якобы отвёл репортёров из журналов «Рекодр Америкэн» («Record American») и «Глоуб» («Globe») в квартиру, являющуюся местом убийства Беверли Саманс, а также предоставил журналистам возможность ознакомиться с результатами судебно-медицинской экспертизы по этому делу.

Автор должен признаться, что начало этой истории установить так и не смог, по-видимому, на каком-то этапе Бюро получило конфиденциальную информацию об утечке информации и какие-то основания побудили Джона Боттомли заподозрить в нечистоплотности Питера Дельмонико. Видимо в упомянутых журналах ранее имели место публикации, выдававшие хорошую осведомленность журналистов об обстоятельствах убийства Беверли Саманс и некие детали бросали тень именно на Дельмонико. Во всяком случае 10 апреля Боттомли подал Генеральному прокурору штата служебную запис-

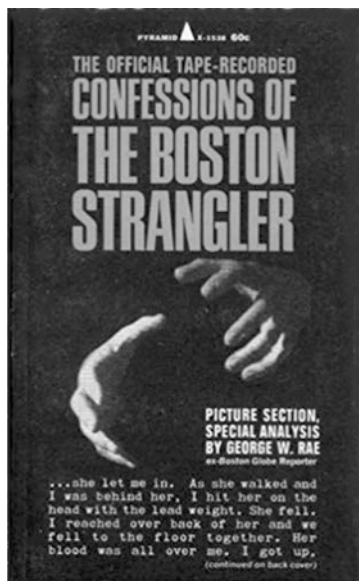
ку с обвинениями в адрес окружного судмедэксперта. Информация об этом документе попала в прессу, что побудило Дельмонико отреагировать. 15 апреля он распространил открытое письмо, адресованное Боттомли, в котором просил последнего не обращаться к слухам, а изложить конкретно те факты, на которых тот основывает свои несправедливые подозрения. Прошла ровно неделя и Боттомли извинился перед Дельмонико.

В общем, история получилась странная и не до конца понятная.

Что происходило далее?

Боттомли в конечном итоге вернулся в Бриджуотер к ДеСальво. Примерно с середины июля до последней декады августа начальник Бюро встречался с последним в изолированной комнате и заслушивал его признания. Общение работника прокуратуры и сумасшедшего преступника записывалось на магнитофон, общая продолжительность сделанных тогда записей превышает 20 часов, а их расшифровка занимает более 2 тыс. страниц. В 1967 г писатель Джордж Уильям Рэй (George William Rae) получил возможность ознакомиться с записями этих разговоров, в результате чего появилась книга «Признания Бостонского Душителя» («Confessions of the Boston Strangler»), текст которой, следует грамматическим формулировкам (дословно «grammatical formulations») ДеСальво. По крайней мере в этом уверяет читателя автор. Интересно то, что следуя «грамматическим формулировкам», Джордж Рэй не приводит «юридически точных цитат» — такой вот интересный дуализм, о котором автор предупреждает в первой же главе своей книги.

Чуть ниже мы вернёмся к этому странному обстоятельству и попытаемся понять, что же оно означает, но пока скажем о другом. В 1992 г американская писательница Сюзан Келли получила доступ сначала к части

В 1967 г Джордж Уильям Рэй выпустил книгу «Признания Бостонского Душителя», представляющую собой фрагменты признаний ДеСальво, сделанных Джону Боттомли летом 1965 г. В предисловии к книге подчёркивалось, что текст следует стенограммам допросов, хотя, разумеется, в силу ограниченного объёма книги, не воспроизводит их полностью.

расшифровок бесед Боттомли с ДеСальво, а потом, спустя почти 10 лет, и к большей их части. Документы эти намного более информативны, нежели их изложение Джорджем Реем, поскольку позволяют представить процесс непосредственного общения Боттомли с подозреваемым.

Для правильной оценки рассказов ДеСальво нам

важно помнить тех о критериях истинности, которыми руководствуется следователь при оценке показаний, получаемых в ходе допроса. Существует особое направление в криминальной психологии, которое называется «психология свидетельских показаний», в рамках которого разрабатываются правила, приёмы и методы такого поведения следователя во время допроса, которое позволило бы выявлять ложь допрашиваемого и склонять к сообщению правдивой информации. Психология свидетельских показаний стала развиваться как обособленное научное направление ещё в конце XIX столетия и с течением времени из него выделились отдельные подразделы: анализ свидетельских показаний детей, оценка и анализ показания жертв преступлений и т. п. В конце XX появились довольно необычные методики оценки письменных показаний, которые предполагают исключение всякого вербального общения участников процесса и получение и последующий анализ показаний исключительно в письменной форме. В общем, психология свидетельских показаний в настоящее время является большим и хорошо разработанным направлением юридической психологии.

Итак, при оценке полноты, точности и правдивости рассказов, связанных с криминальными эпизодами, следует иметь в виду следующие обстоятельства:

— на способность человека свидетельствовать влияют индивидуальные черты его личности: полноценность органов чувств, интеллектуальное развитие и надёжность памяти. Дисфункция хотя бы одного из этих элементов может повлиять на способность правильно воспринимать события и, соответственно, свидетельствовать о них;

— степень вовлеченности допрашиваемого напрямую влияет на детализацию сообщаемых сведений. Рассказ постороннего человека всегда лаконичнее рассказа непо-

средственного участника. Также степень вовлеченности проявляется в эмоциональной окраске сообщаемых сведений;

— в случае невовлеченности допрашиваемого в криминальный эпизод рассказ о событиях до, во время и после его окончания сбалансирован и состоит из примерно одинаковых частей. В том же случае, если рассказчик каким-то образом вовлечён в излагаемые им события, резко возрастает подробность описаний эмоционально значимых фрагментов. При этом увеличивается продолжительность рассказа, имеет место фиксация на многочисленных деталях. Сексуальные преступники, совершающие многоэпизодные посягательства, обычно прекрасно помнят незначительные нюансы и мелочи, связанные с подготовкой преступления и реализацией замысла, они способны логично объяснять разного рода странности и нестыковки, ставящие в тупик посторонних. Нарушение баланса между отдельными частями рассказа (вступлением, основной частью и заключением), а также отсутствие в нём деталей, является указанием на несоответствие истине сообщаемой информации.

— связный рассказ в произвольной форме (вербальной, письменной — неважно) более точен, чем ответы на вопросы. Причина этого феномена кроется в том, что люди обычно рассказывают то, в чём не сомневаются, вопросы же могут касаться тех деталей, в которых рассказчик не уверен или вообще не осведомлен. Поэтому при ответах на вопросы рассказчик может произвольно «реконструировать» неизвестные ему обстоятельства, разумеется, ошибаясь при этом. Считается, что при ответах на вопросы свидетели допускают в 5—6 раз больше ошибок, чем при рассказе в свободной форме.

— способность людей ориентироваться и оценивать протяженность событий во времени зависит от пола,

возраста и отчасти образования. Женщины оценивают время хуже мужчин (в их понимании время течёт быстрее), а также больше ошибаются при определении расстояний и количества предметов. Оценки свидетелей с гуманитарным образованием как правило менее точны, нежели свидетелей с техническим или вообще без образования. Утверждения детей вообще не должны приниматься на веру и требуют отдельной проверки. Может показаться удивительным, но у всех свидетелей особые затруднения вызывают оценки небольших величин — интервалов времени, дистанции, количества предметов.

— специфические проблемы доставляют свидетели, имеющие профессиональную деформацию мышления, связанную с родом работы. К таковым относятся преподаватели и юристы. Они обычно грешат безапелляционностью суждений и не признают собственных ошибок.

Теперь перейдём непосредственно к рассказам Алберта ДеСальво и попробуем объективно оценить их.

Вот, например, как он рассказал Джону Боттомли об убийстве Анны Слесерс: «В день совершения первого преступления — а это было летом 1962 года — лил дождь или собирался дождь, поскольку я помню, что взял плащ. Я сказал жене, что собираюсь на рыбалку, и прихватил удочку и рыболовную сеть, к которой крепились свинцовые грузила. Я знал, что собираюсь сделать это [то есть убить], поскольку, входя в здание, положил в свой карман свинцовые грузила. Я не знаю, зачем я туда поехал, я просто катался, чувствуя, как накапливается напряжение и когда оно сделалось таким сильным, что я уже не мог терпеть, я просто припарковал автомобиль и пошёл в ближайшее же здание. Я пошёл так, словно мне требовалось туда пройти. Я вошёл в здание с номером 77, там на стекле над дверью имелась надпись золотыми буквами, дверь была массивная, тяжёлая, но она была открыта и я просто вошёл. Я поднялся на верхний этаж и она впу-

стила меня без опаски. Поначалу большинство женщин пугаются, но я хорошо разговариваю и веду себя так, словно мне всё равно, впускают ли меня или нет. Я говорю быстро и не уверен в том, что именно говорю, понимаете? В её квартире налево от входа располагалась кухня, а ванная комната находилась через маленький коридор в футах десяти. Горел свет. Я заметил швейную машинку. Там было темновато. Окно со шторами, спальная гарнитура светло-коричневый, диван, проигрыватель с темной панелью и ещё более тёмными ручками регуляторов. Ванная комната с жёлтыми стенами, сама ванна белая, женщина намеревалась принять ванну, поскольку в неё набиралась вода. Играла музыка, длинная переливчатая симфония и после того, как всё случилось, я проигрыватель выключил, хотя я и не уверен, что у меня всё получилось правильно. Женщина, отвернувшись, повела меня за собой, чтобы показать ванную комнату, там мне надо было поработать. Когда я увидел затылок, я ударил женщину по голове свинцовыми грузилами. Она повалилась, я схватил её за шею и мы вместе опустились на пол. Рана сильно кровоточила, просто ужасно. После того, как я надел ремень на шею женщины, я распахнул полы халата, раздвинул ноги и поиграл с нею, вот так. Я думаю, она была ещё жива, пока я занимался с нею этим. После, после всего этого, я осмотрелся и испытал гнев, не знаю почему, не знаю, что я увидел такого, понимаете меня? После этого я снял пиджак и рубашку, умылся и расчесался. Я достал женский плащ из коричневого шкафа в спальне. Я вышел в этом тёмном плаще, завернув рубашку и пиджак в собственный плащ. И первым, что я увидел, выйдя из дома, оказался полицейский. Он смотрел прямо на меня, но я прошёл мимо, не обращая на него внимание. Я уселся в свою автомашину и уехал, отправился в магазин военной униформы. Я снял женский плащ и оставил его в машине, зашёл в магазин, ку-

пил белую рубашку и надел её прямо там. Я уехал в Линн, разрезал свои рубашку и пиджак рыболовным ножом и бросил их в болоте, так, чтобы вода скрыла их. А после этого отправился домой.»¹

¹ На английском языке этот рассказ дословно выглядит так, желающие могут самостоятельно поупражняться в литературном переводе: «That day of the first one, it was in summer of 1962 and I think it was raining or going to rain because I remember I had a raincoat with me. I told my wife I was going fishing and I took my rod and a fishing net that had these lead weights in it, I must have known I was going to do it because I had the lead weight in my pocket when I went into her building. I don't know why I went there, I was just driving around feeling the thing build up, the image, and when it got strong so I just couldn't stand it, then I'd just park and go into the first place coming along like it was just right for me to go in there. I went into number 77, I remember it said that on glass over the door in gold letters, and that the door was heavy but it was open and I just walked in. I went up to the top floor and she let me in without no trouble. Most of them was scared at first but I talk good and act like I don't care whether they let me in or not. I talk fast and I ain't sure what I'm saying sometimes, you know? Inside her apartment to the left was a kitchen then, down a little hall maybe ten feet, the bathroom. The light was on. I see a sewing machine. It was brown. A window with drapes, a light tan bedroom set, a couch, a record player, tan with darker colored knobs. The bathroom is yellow, the tub would be white and she was going to take a bath because there was water in it. Music is playing, long-hair symphonies and stuff like that, after I turned it off but I ain't sure if I got it all the way off. She took me along to show me the bathroom, what had to be done there for work, turning her back on me. When I see the back of her head I hit her on the head with the lead weight. She fell. I put my arm around her neck, and we fell together on the floor. She bleed a lot, terrible. After I put the belt around her neck I ripped open her robe and I played with her and pulled her legs apart, like this. I think she was still alive when I had intercourse with her. Then I look around and I'm angry, I don't know why and I don't really know

Как видим, собственно преступление описано предельно лаконично. Из него мы лишь узнаём, что ДеСальво ударил жертву по затылку свинцовыми грузилами для рыболовной сети, душил оглушенную жертву ремнём и совершил с нею половой акт. Единственная деталь, связанная с Анной Слесерс, касается раны на её голове — та сильно кровоточила. Сообщенное Албертом описание изнасилования и убийства занимает совсем небольшую часть признания. Если считать, что это описание начинается со слов «She took me along to show (...)» и заканчивается словами (...) what I'm looking for, you understand me?», то содержательная часть укладывается всего в 579 знаков с пробелами из 2837. Другими словами, самая эмоционально значимая для преступника часть его действий составила всего 20,4% общей продолжительности его признания!

Это непозволительно мало для человека, рассказывающего о действительно совершенном преступлении. В признательных показаниях сексуальных преступников всегда присутствуют довольно подробные описания их действий и переживаний, причём, порой очень яркие.

what I'm looking for, you understand me? After, I took off my jacket and shirt and washed up and made a bundle. I grabbed her raincoat out of the brown cabinet in the bedroom. I went out wearing her raincoat, a tan one, carrying my shirt and jacket wrapped in my own raincoat. The first thing I see when I come out of the apartment is a cop. He looks at me but I don't pay no attention and go right past him to my car. I got into my car and drove around until I came to an army and navy store and I took off her raincoat and left it in the car and went into the store and bought a white shirt and put it on in the store. I drove towards Lynn and cut up my shirt and jacket with my fishing knife and threw them into a marsh where I know the waves will come and wash them away. Then I went home.»

Преступники рассказывают о пережитом возбуждении, об эрекции или её отсутствии, о семяизвержении, о запахах, словах, криках и т. п. Для них это очень важные моменты, ведь это возжеланный пик их потуг... А в признании ДеСальво мы ничего этого не видим.

Зато мы видим, что все, сообщенные им детали, связаны с предметами мебели и обстановки: швейная машинка, опущенные шторы, тёмный шкаф в спальне, у проигрывателя ручки темнее, чем его передняя панель... Все эти вещи и детали попадали в кадры полицейской фотосъёмки, которые ДеСальво, как отмечалось выше, имел возможность рассматривать во время своего общения с Боттомли.

Насколько Альберт был точен в мелочах? Скажем прямо, не очень точен. О чём идёт речь?

1) ДеСальво сообщил, что поднялся наверх и убил женщину из квартиры на последнем этаже. На самом деле Анна Слесерс жила на **предпоследнем**, причём соседи сверху и снизу в момент совершения преступления находились дома. **В дверь соседа сверху, жившего на последнем этаже дома, в тот вечер никто не стучал.**

2) ДеСальво заявил, будто душил женщину ремнём («belt»). На самом деле Анна Слесерс была задушена пояском собственного халата.

3) ДеСальво утверждал, будто при его появлении проигрыватель грампластинок был включен и он его выключил. На самом деле, **выключатель проигрывателя был неисправен и его невозможно было выключить штатно.** Юрис Слесерс, сын убитой женщины, перепаял схему и вывел тумблер выключения электропитания на заднюю стенку проигрывателя. Убийца Анны не нашёл выключатель и просто уменьшил громкость звука, повернув регулятор громкости в крайнее левое положение. Полицейские, вошедшие в квартиру после поступления вызова, обнаружили проигрыватель включенным.

4) ДеСальво рассказал, будто в состоянии гнева бесцельно осматривал квартиру, явившуюся местом преступления. Не совсем понятно, почему преступник после убийства испытывал гнев (он должен был, напротив, успокоиться!), но в данном случае интересно даже не это. ДеСальво никак не объяснил для чего переворачивал мусорную корзину на кухне и осматривал её содержимое. Полицейские считали, что убийца искал в мусоре какой-то предмет, связанный с ним (например, визитную карточку, которую мог вручить ранее). Было бы любопытно послушать объяснение этим действиям, но... никаких объяснений не прозвучало. Джон Боттомли осведомился у ДеСальво, находилась ли мусорная корзина в спальне, на что последний ответил без затей, что не помнит. На этом все разговоры о корзине закончились.

Конечно, в этом месте кто-то может возразить, что со времени совершения преступления минули 2 года и ДеСальво вполне мог позабыть многие нюансы. Что ж, возражение уместно, поэтому можно изучить содержание других показаний ДеСальво, связанных, скажем, с убийством Нины Николс. Сразу заметим, что это один из самых «гладких» рассказов Альберта и чуть позже станет ясно почему.

Итак, вновь передаём слово ДеСальво: «В общем, я нарезал по центру круга на машине целый день и я добрался до парковки на Коммонвэлф-авеню, где и оставил свою машину, и дошёл пешком до дома номер 1940. Было ужасно жарко, и я чувствовал собственный пот и его запах, и мне это не нравилось, поскольку я люблю держать своё тело очень чистым. Я посмотрел на имена на почтовых ящиках и на звонках внутри дома под номером 1940, выбрал пару женских имен и нажал на звонок рядом с первым именем. Я стоял там, дожидаясь, чувствуя, что воображение играет и совершенно не задумываясь о том, что именно я собираюсь сказать, поскольку

знаю, что что-то придет ко мне, как обычно. Ничего не происходило. Я тогда нажал на второй звонок, и через несколько минут дверь зажужжала... дважды... и я вошёл холл. Лестница наверх заворачивалась вокруг лифта справа, и я стал неторопливо подниматься по ней, шагая по одной ступеньке. Забавно, не так ли, что первая женщина не ответила на звонок или её попросту не было дома, или нечто подобное, что обычно так маловероятно, понимаете, о чём я?

На открывшей дверь женщине была роба, вы можете называть её домашним халатом, цвет, по моему мнению, был красноватый или розоватый. Женщина, насколько я помню, была в очках и синих снечерсах [разновидность кед — прим. А.Р], не так ли? «Что вы хотите?» — сказала она, и голос звучал несколько диковато, немного нетерпеливо, как будто её беспокоило моё присутствие. Я сказал: «Мне хотелось бы проверить вашу квартиру на наличие протечек воды». Всегда находилось, что сказать, и всегда объяснение оказывалось каким-то простым и лёгким, и происходило это естественно, вы же знаете? И женщина сказала: «О, отлично, заходите, только сделайте всё быстро, я собираюсь уходить». Однако я уже знал, что она никуда не уйдёт после того, как я закрою за собой дверь, хотя я боролся с этим всю дорогу. Забавно, я ведь не хотел входить туда, я просто не желал, чтобы это случилось. И вот я иду, шагаю с ней из одной комнаты в другую. В спальне она отвернулась, я увидел затылок, мне стало жарко, голова словно взорвалась, едва я увидел её затылок, а не лицо. Я схватил её сзади и мы упали на кровать. Я не расскажу о том, как это случилось. Я не хотел бы об этом говорить. Я схватил её и она повалилась со мною на кровать, сверху меня. Потом мы скользнули с кровати и я оказался вот в таком положении, вы видите, мои руки на шее женщины, а ступни моих ног охватывают нижние части её ног, вы понимаете?

Это очень тяжело и я сожалею, что настолько всё запутал, но о том, что происходило после, я не хотел бы говорить, понимаете? Я имею в виду бутылку и её ноги — как вы сказали? — да, и бутылка там лежала, и то, что я делал с бутылкой, понимаете? Это очень сложно для меня. Изначально, насколько я помню, на ней были туфли, возможно, кеды, домашние тапочки или что-то в таком духе. Просто я до сих пор не уверен в этом. Я пытаюсь отвечать на ваши вопросы, сэр, так, чтобы всё стало ясным и помогло мне самому разобраться в произошедшем. Я хочу это сделать и я отвечаю: да, когда она повалилась на меня сверху, она всё ещё оставалась в сознании, я поднял её с кровати и я не знаю, может быть, я положил её на пол? Я лежал с нею на полу, я не могу сказать, был ли этот пол деревянным или мы лежали на ковре, я открыл её халат, оборвав несколько пуговиц и что-то, что было надето под халатом. Я полагаю, что это были бюстгальтер и трусики, и я их снял. Нет, это был просто слип и я поднял его выше талии. И у меня был с нею половой акт с нею там, на полу, и в течение минуты я чувствовал себя хорошо. А потом я посмотрел на неё — она всё ещё выглядела живой и тогда я пошёл, отыскал шёлковый чулок, завязал его туго, три раза вот так. И всё это время гнев накапливался во мне, я чувствовал, что злюсь, очень злюсь, когда смотрю на её лицо без очков с широко открытыми глазами, которые могут быть как мертвы, так и нет. Она не двигалась, меня это бесило, очень бесило то, что видел её такой, поэтому я взял другой шёлковый чулок, скрутил с ещё одним и обмотал шею, да так сильно, что они врезались в шею. И вот тогда я уже знал, что она больше дышать не будет».

Этот рассказ считается одним из самых полных описаний, сообщенных ДеСальво во время допросов летом 1965 г. Несложно догадаться почему — потому, что в нём очень мало деталей. Это криминальное эссе, если

можно так выразиться, сплошь пересыпано оговорками вроде, «мне не хотелось бы об этом говорить», «вы же понимаете, что я хочу сказать», «мне тяжело об этом говорить» и т. п. Подобные «описания в свободном стиле» не принял бы ни один объективный суд в мире, потому что из сказанного картина преступления остаётся совершенно непонятной. В какой форме ДеСальво осуществил половой акт? Был этот половой акт законченным, т.е. имело ли место семяизвержение? Как именно использовалась бутылка из-под вина? Какой-либо другой предмет применялся в качестве сексуальной игрушки? И самый главный вопрос: что именно похитил ДеСальво из квартиры Нины Николс? Ведь мы помним, что эта женщина оказалась, пожалуй, самой обеспеченной из всех жертв, приписанных «Фантому». Следствие считало, что из её дома пропали некоторые вещи, в т.ч. дорогостоящая фотокамера, уж её-то сложно позабыть, это не колечко и не пара долларов... А ДеСальво всегда подчёркивал, что он — не вор и не грабитель, он — по другой части!

Автор должен признаться, что после первого прочтения признаний ДеСальво, испытал сильное разочарование. Даже в протоколах допросов убийц, датированных XIX столетием, мы находим больше деталей и натурализма в описаниях. Признательные показания практически всех сексуальных убийц, чья вина не может быть поставлена под сомнение, воспроизводить в открытой печати в полном объёме невозможно — это совершенно аморальный порнографический текст. А признания ДеСальво на их фоне выглядят просто-напросто безобидным школьным сочинением. Словно ученик старшей школы решил поупражняться в фантазиях на криминальную тему, понимаете? Это не признания убийцы!

Во время общения с Боттомли в июле — августе 1965 г Алберт ДеСальво допустил великое множество

не просто оговорок или неточных высказываний, а утверждений заведомо противоречащих данным, полученным в ходе расследования. Можно насчитать до полусотни пунктов, по которым объяснения Алберта явно расходились с тем, что было известно правоохранительным органам.

Назовём некоторые из наиболее примечательных:

— ДеСальво заявил, что убил Беверли Саманс ножом, который принёс с собою. По его словам, это был складной нож, который он похитил во время одной из квартирных краж (чуть ниже будет подробнее рассказано о его жизни до ареста в 1964 г, сейчас же лишь отметим, что в конце 1950-х гг и в начале 1960-х гг он активно подворовывал из жилых домов). Затем, правда, он несколько видоизменил показания и заявил, будто тайно взял нож в автомастерской, где красили его машину. После совершения убийства он якобы унёс нож с собою и выбросил его в болоте на пути к городу Линну, к северу от Бостона. Эти показания ДеСальво во время общения с Боттомли повторял не менее 5 раз! На самом же деле Беверли Саманс была убита ножом из её собственного столового набора. Преступник взял нож на кухне, а после совершения убийства положил его на край мойки, очевидно, рассчитывая вымыть и вернуть в стол. Он явно не собирался уносить орудие преступления с собою. Это решение, кстати, выглядело вполне разумным с точки зрения опытного уголовника — тем самым убийца исключал угрозу быть задержанным с окровавленным ножом в кармане. Однако что-то отвлекло преступника и тот забыл вымыть нож, который полицейские обнаружили через двое суток, лежащим на краю кухонной мойки. Эти рассказы про нож до такой степени вывели из себя присутствовавшего на одном из допросов Джорджа МакГрата (George McGrath), сотрудника Департамента исправительных учреждений штата,

о котором мы скажем несколько слов ниже, что тот в сердцах воскликнул: «Чёрт возьми, ДеСальво, ты нам расскажешь, наконец, откуда же ты взял этот нож?!» На что допрашиваемый в очередной раз повторил сказку про белого козлика, т.е. про мастерскую по покраске автомашин. Алберт попросту не знал происхождения ножа, поэтому был вынужден раз за разом повторять историю, не имевшую ничего общего с реальностью.

— ДеСальво много и мучительно вспоминал, что именно повязал на шею Беверли Саманс, и каждый раз не угадывал. Сначала он вроде «вспоминал» о нейлоновом чулке, затем по реакции Боттомли понял, что сильно ошибается, и постарался припомнить получше. Через три недели он уточнил, что ничего на шее Беверли не завязывал. На самом деле, на шее Саманс были завязаны два нейлоновых чулка и белый шёлковый шарфик, но завязаны не туго, не так, как это делал «Фантом», из чего полиция заключила, что имеет дело с убийцей-подражателем. Согласитесь, найти правильный ответ довольно сложно, особенно в том случае, если не делал того, о чём рассказываешь!

— ДеСальво утверждал, что во время совершения нападений не пользовался перчатками, а для того, чтобы исключить оставление отпечатков пальцев, старался не прикасаться к гладким поверхностям. В некоторых эпизодах криминалистам при изучении следов удалось зафиксировать отпечатки пальцев и ладоней преступника. Наибольшее доверие вызывали кровавые отпечатки пальца и части ладони, обнаруженные на месте убийства Иды Ирги. Папиллярный узор убийцы, оставленный кровью жертвы — это железная улика, пожалуй, лучшая из всех, о которой могли только мечтать детективы до появления молекулярно-генетических экспертиз. Однако отпечатки пальца и ладони убийцы, найденные в квартире Иды Ирги, не соответствовали отпечаткам Альберта

ДеСальво.

— Рассказывая об убийстве Эвелин Корбин в Салеме в сентябре 1963 г, ДеСальво заявил, будто убедил женщину открыть ему дверь, сославшись на распоряжение администратора дома осмотреть трубы водоснабжения. Буквально он якобы заявил женщине: «Я слесарь, меня прислал супер!» «Супер» — это сокращение от английского «супервайзер» («supervisor»), по смыслу сказанного ДеСальво имел в виду администратора дома, в котором проживала Эвелин Корбин. Однако в 1963 г в Салеме этим словом администраторов не называли. Это словечко тогда широко использовалось в Бостоне, а вот в провинциальном Салеме оно было не в ходу. Если бы ДеСальво действительно сказал Эвелин Корбин такую фразу, то она попросту не поняла бы его. Кроме того, Эвелин хорошо знала слесаря-сантехника, обслуживавшего дом, потому попытка ДеСальво обмануть её не могла увенчаться успехом.

— ДеСальво не курил всю взрослую жизнь — об этом заявляли его родные, знакомые и даже адвокат, защищавший Альберта после ареста в октябре 1964 г. Однако, услышав от Боттомли в марте 1965 г, что по мнению членов Бюро «Душитель» убийца иногда оставлял на местах преступлений окурки, Альберт вдруг начал курить. Причём, он принялся всем рассказывать, что может курить любые сигареты и, вообще-то, курил всю жизнь! К лету 1965 г он уже вовсю дымил и известно немало фотографий, запечатлевших ДеСальво с сигаретой во рту или в руке.

— По нескольким эпизодам имелись свидетели, которые по мнению полиции видели убийцу. Ни один из них не опознал ДеСальво при предъявлении фотографий последнего. Хорошо узнаваемой приметой ДеСальво являлся крупный мясистый нос, но ни в одном из описаний предполагаемого убийцы подобный нос не упоминался.

Напротив, свидетели сообщали о тонком носе. Некоторые из свидетелей, рассматривая фотографии нескольких подозреваемых, заявляли, что Нассар, сокамерник Алберта в Бриджуотере, похож на преступника гораздо больше нежели ДеСальво.

— Рассказывая об убийстве Мэри Салливан, ДеСальво сообщил, будто имел с потерпевшей половой акт в традиционной форме, осуществив семяизвержение во влагалище. Это совершенно не соответствовало той картине преступления, что была зафиксирована криминалистами и судебными медиками. Ранее в этой книге мы останавливались на этих нюансах, так что углубляться в них здесь вряд ли нужно, заметим лишь, что сперма оказалась найдена на груди и во рту жертвы, а также на пододеяльнике. Нельзя не отметить странность того, что Боттомли оставил без внимания явное несоответствие слов допрашиваемого данным следствия. Эта флегматичность руководителя Бюро «Душитель» однозначно свидетельствует о его незаинтересованности в установлении истинных обстоятельств произошедшего.

— ДеСальво постоянно путался, называя этаж, на котором проживала та или иная потерпевшая. Чтобы как-то объяснить систематически возникавшие противоречия с данными следствия, он придумал довольно странную отговорку. Он стал утверждать, будто считает этажи не так, как прочие жители Бостона. Нежилой бельэтаж, в котором обычно располагаются магазины или офисы, он считает первым этажом, а следующий первый жилой этаж называет «вторым». Поэтому когда в его рассказах возникала путаница, а возникала она буквально по каждому эпизоду, ДеСальво снисходительно пояснял, дескать, вы же понимаете, я всегда так считаю и поэтому мой подсчёт этажей не соответствует тому, как считают остальные. Удивительно, но Джон Боттомли удовлетворился этим объяснением! Но кроме этажей ДеСальво пу-

тал и другие числа — номера домов, календарные даты, денежные суммы и т. п. Чтобы объяснить перманентную путаницу в числах, ДеСальво заявил, что постоянно их переставляет в уме и не может запомнить порядок цифр. Такой вот довольно неуклюжий намёк на математический кретинизм, абсолютно недостоверный, кстати. ДеСальво, как станет ясно из дальнейшего, очень хорошо учился в школе, а в армии служил в артиллерии, так что ссылки на нелады с цифирью не могут считаться удовлетворительными. Но ведь помимо номеров домов, квартир, денежных сумм и этажей Алберт путался и в датах! Для этого он тоже выдумал довольно странное объяснение, согласно которому календарные даты не запоминает потому, что отслеживает только дни недели. Нельзя не отметить того, что подобная небрежность нехарактерна для серийных убийц, обычно они хорошо помнят дни совершения преступлений и даже если их забывают, то могут быстро восстановить в уме, отсчитывая от памятных для них календарных дат. Причина подобного избирательного запоминания проста и понятна — убийства являются эмоционально значимыми для преступника событиями. В случае Алберта ДеСальво ничего подобного нет и в помине.

— Нельзя пройти мимо ещё одной прелюбопытнейшей нестыковки, о которой нигде никогда не упоминалось. Во всяком случае в популярных книгах и статьях о «Бостонском Душителе» данную деталь отыскать невозможно. О чём же идёт речь? Оказывается, ДеСальво впервые сознался в убийствах отнюдь не Джорджу Нассару и не Ли Бейли, а некоему Стэнли Сеттерлунду (Stanley Setterlund), также находившемуся в Бриджуотере в целях проведения психолого-психиатрической экспертизы. Этот человек был сварщиком по профессии, попавшим за решётку по обвинению в ограблении. Насколько обвинение было справедливым нас сейчас интересует мало,

Bridgewater in January, 1965, and Albert told him "he had something bigger than the Brink's robbery and the Plymouth mail robbery."

Q. Did he tell you specifically what he was referring to? A. About some murders.

Q. How many murders. A. Eleven.

Q. What did he say about the 11 murders? A. He said they were worth a lot of money . . . \$10,000 apiece. He said he knew about the murders and he was the man they were looking for.

Q. Did he tell you anything about the places of the murders,

Фрагмент допроса, в котором Стэнли Саттерлунд говорит о признании ДеСальво в 11 убийствах

заметим лишь, что Сеттерлунда врачи признали здоровым и в дальнейшем его перевели из Бриджуотера в окружную тюрьму в Ворчестере (Worcester county jail). Так вот Алберт ДеСальво в начале 1965 г заявил Стэнли Сеттерлунду, что готов сознаться в... 11 убийствах! И за своё признание он хотел бы получить сумму в 10 тыс. \$. Сразу поясним, в чём кроется пикантность момента: чуть ниже мы увидим, что ДеСальво сознался в одном убийстве, которое не было известно правоохранительным органам, таким образом в его предполагаемом признании общее число эпизодов, связанных с «Фантомом», сокращалось до 10. Однако в конечном итоге он сознался в 13 убийствах! И случилось это после знакомства с Джоном Боттомли. ДеСальво не имел ни малейших резонов уменьшать количество эпизодов, ведь если бы он хотел что-то скрыть от Правосудия, то мог вообще ни в чём

не сознаваться!

Напротив, ему следовало заявить о как можно большем количестве убийств, дабы подтолкнуть правоохранительные органы к контакту и серьёзному к себе отношению. То, что ДеСальво изначально планировал сознаться в убийстве 11 человек, имеет только одно разумное объяснение — он знал только об 11 случаях! Откуда он узнал — это вопрос, лежащий в другой плоскости и мы пока вынесем его скобки, просто учтём, что в своём месте найдём на него ответ. Важно то, что изначально ДеСальво имел в виду сделать признание только в 11 убийствах, но когда Боттомли предложил ему, условно говоря, «расширенный» список, Алберт спорить не стал... Зачем спорить, ведь мы джентльмены и мы договорились, вы поможете мне, а я помогу вам, логично ведь! Заявление Стэнли Сеттерлунда, сейчас всеми позабытое, является отличным доказательством того, что Боттомли сильно повлиял на признания ДеСальво и фактически слепил из них то, что было нужно прокуратуре штата.

— В рассказах ДеСальво присутствует серьёзная методологическая ошибка, которую Боттомли не смог, либо не захотел заметить. Дело заключается в том, что серийные убийцы изначально совершают нападение с довольно большим интервалом, который с течением времени начинает сокращаться. Сокращение времени между нападениями обусловлено целым рядом психофизиологических факторов, влияющих на преступника, которые вряд ли нужно рассматривать в этом месте. Достаточно сказать, что данное явление подтверждается обширной статистикой и не может быть поставлено под сомнение. Однако в случае с «Бостонским Душителем» картина наблюдалась прямо обратная — наибольшую интенсивность преступных посягательств мы видим в самом начале криминальной активности, приписанной этому убийце — т.е. летом 1962 г — после чего частота посягательств только снижа-

лась. ДеСальво, если только он действительно являлся тем преступником, за которого себя выдавал, должен был объяснить столь атипичный спад собственной потребности убивать. Однако никто никогда таких объяснений от него не услышал.

— Много сомнений в виновности ДеСальво рождают размышления над результатами сеанса гипноза, проведенного Уилльямом Брайеном 20 и 21 марта 1965 г, о чём упоминалось выше. Алберт, пребывая в гипнотическом трансе, т.е. будучи не в состоянии контролировать собственную речь и память, ничего не сказал об убийствах. И ничего не написал о них в записке, в которой изложил содержание сновидения, приснившегося ему в ночь на 21 марта того года.

Помимо описанных выше ляпов и нестыковок в рассказах Алберта ДеСальво присутствовал фрагмент, который до некоторой степени застал Джон Боттомли врасплох. Арестант сознался в убийстве, в котором его никто не обвинял! Точнее, он сделал сообщение об убийстве, которое на тот момент вообще оставалось неизвестно правоохранительным органам.

Согласно утверждению ДеСальво, в конце июня 1962 г он проник в одну из квартир дома №1435 по Коммонвэлф-авеню, где некоторое время разговаривал с открывшей ему дверь пожилой женщиной. Звали её Мэри. В какой-то момент Алберт перешёл к активным действиям — он охватил женщину сзади за шею, намереваясь осуществить удушение, но та моментально обмякла и потеряла сознание. ДеСальво уложил её на диван и, ничего не похитив, покинул квартиру. Он не осуществил полового акта и фактически не причинил потерпевшей каких-либо телесных повреждений. Произошедшее явилось для него полной неожиданностью и до некоторой степени обескуражило его. ДеСальво заявил, что внимательно просматривал прессу, ожидая увидеть сообщение

об очередном убийстве пожилой женщины, но никакой заметки по этому поводу так никогда и не появилось.

Проверка показала, что информации, сообщенной Албертом, до некоторой степени соответствует смерть 85-летней Мэри Маллен (Mary Mullen), последовавшей 28 июня 1962 г. Случившееся с ней никогда до лета 1965 г не рассматривалось как криминал, поскольку в качестве причины смерти врач назвал сердечную недостаточность.

Признание ДеСальво в этом убийстве является одной из самых больших загадок во всём, что связано с этим человеком. Казалось бы, для чего Алберту сознавать в том, что ему не инкриминируют? Жажда славы? Но тогда следовало сознаваться не в одном, а в двадцать одном убийстве! Или в тридцать одном — чем больше, тем лучше. Одно убийство ничего особенного не добавляет к списку, уже состоящему из более чем десятка эпизодов.

Существует ли какое-то рациональное объяснение тому, что ДеСальво рассказал Боттомли об убийстве Маллен? Думается, да.

Боттомли гарантировал ДеСальво непривлечение его к уголовной ответственности по тем случаям убийств, в которых тот сознается. Поэтому ДеСальво мог давать признательные показания по любому количеству убийств — это не влекло для него никаких негативных правовых последствий. Но таковые могли последовать в том случае, если с ним будет связано хотя бы одно убийство, в котором он не сознается. Летом 1965 г смерть Мэри Маллен не считалась насильственной и никому не приходило в голову считать женщину жертвой «Бостонского Душителя». Но ДеСальво этого не знал, а поэтому решил подстраховаться от возможного преследования в будущем, что нельзя не признать вполне разумным.

Но подобная предусмотрительность убедительно доказывает причастность Алберта к смерти Мэри. Другими словами, его рассказ — не вымысел, он говорил о том,

что действительно имело место и пытался предупредить вероятную в будущем угрозу своей сделке с Боттомли.

В этой связи заслуживает особого внимания сообщение одной из жертв ДеСальво, на изнасилование которой тот покушался в 1964 г.¹ Запугивая одну из своих жертв, Вирджинию Торнер (Virginia Thorner) насильник заявил, что убьёт её и для пущей убедительности добавил, что ему уже довелось убить пожилую женщину и полиция не смогла его отыскать. Вирджиния уверяла на допросе в полиции, что преступник совершенно ясно говорил о единственном случае убийства.

Слова Вирджинии позволяют лучше проникнуть в логику ДеСальво. Тот понимал, что у полиции есть человек, чьи показания представляют для него немалую опасность. Вдруг кто-то надумает прислушаться к словам Вирджинии и установить личность загадочной женщины, об убийстве которой прежде не было известно? Чтобы нейтрализовать угрозу возможного в будущем расследования — пусть и маловероятного уже в 1965 г — ДеСальво имело смысл воспользоваться «индальгенцией», полученной от Боттомли. Зачем скрывать убийство, если можно сознаться в нём и получить иммунитет от преследования в будущем?

Следует признать, что это совершенно разумный ход и ДеСальво поступил бы очень глупо, если бы не воспользовался замечательной возможностью устранить потенциальную угрозу своему будущему.

Подводя итог сказанному, можно отметить следующую

¹ Напомним, что в октябре того года его связали с 8 случаями проникновений в жилища и посягательств на половую неприкосновенность находившихся там женщин. По каждому из этих эпизодов ДеСальво дал признательные показания, но в дальнейшем от 4 из них отказался, заявив, что оговорил себя.

щее: нет физических улик причастности ДеСальво к убийству Мэри Маллен, более того, нет даже гарантии того, что такое преступление имело место в действительности, но косвенные соображения позволяют самым серьёзным образом отнестись к заявлению Алберта ДеСальво о его виновности в этом убийстве.

В августе 1965 г в истории отношений Джона Боттомли и Алберта ДеСальво возник упоминавшийся выше Джордж МакГрат. Это был чиновник Департамента исполнительных учреждений штата Массачусетс, занимавшийся инспекцией тюрем. В деле ДеСальво он выступил в очень необычной роли, а именно — он стал опекуном Алберта. Официально ДеСальво являлся тяжёлым шизофреником, чей диагноз вряд ли мог быть поставлен под сомнение, а потому Боттомли для заключения с ДеСальво сделки должен был оградить себя от попыток её дезавуировать ссылкой на недееспособность пациента. Именно для этого нужен был человек, способный представлять интересы Алберта, и готовый подтвердить под присягой в суде, что ДеСальво давал показания без принуждения и в ясном сознании при полном понимании своих конституционных прав. ДеСальво нуждался в опекуне и им оказался упомянутый МакГрат.

Как именно сей персонаж всплыл в этой истории совершенно непонятно. Сюзан Келли в 1990-х годах пыталась разобраться в этом вопросе, но какой-либо ясности не добилась. Кто пригласил МакГрата представлять интересы неизвестного ему лично сумасшедшего узника Бриджуотера и почему МакГрат согласился на это странное предложение неизвестно до сих пор.

Из изучения записей бесед Боттомли с ДеСальво известно, что МакГрат присутствовал по меньшей мере на трёх встречах — одной в августе 1965 г и двух в сентябре. Т.е. чиновник присоединился к процессу «собеседований» уже на заключительном этапе, когда ДеСальво

1964 год: Джордж МакГрат, комиссар Департамента исправительных учреждений штата Массачусетс, демонстрирует журналистам лаз в подземный ход в мастерской тюрьмы в городе Уолпол (Walpole), через который группа заключенных намеревалась совершить побег. МакГрат был чиновником довольно высокого уровня и сложно объяснить, как такому человеку было разрешено представлять интересы одного из заключенных. Не следует забывать, что он являлся государственным служащим и до некоторой степени его интересы вступали в противоречие с интересами Десальво.

практически закончил свои рассказы и Боттомли возвращался к отдельным их фрагментам для уточнения деталей.

Во всей истории появления МакГрата самой большой загадкой остаётся не сам факт назначения опекуна, а то, почему в роли такового не выступил кто-либо из родственников ДеСальво. У Алберта было много родни, причём некоторые из его братьев и сестёр относились к нему с большим вниманием, теплотой и даже трепетом, в дальнейшем мы увидим тому яркие подтверждения. Родственники не отказали бы Алберту в просьбе представлять его законные интересы, но... никто к ним с такой просьбой не обратился! Почему?

Думается, перед нами свидетельство очень некрасивой комбинации, затеянной и реализованной Боттомли при поддержке Ли Бэйли. Помощник Генерального прокурора отсек родственников ДеСальво не без умысла — он оправданно опасался, что родственник Алберта, получивший полномочия опекуна, не позволит ему заключить соглашение с Боттомли и отвергнет посреднические услуги адвоката. То есть опекун мог полностью расстроить начатую Боттомли комбинацию по разоблачению «Бостонского Душителя» в лице ДеСальво. Чтобы исключить подобное развитие событий и не допустить срыва соглашения Алберта с прокуратурой на основании невменяемости первого, руководитель Бюро «Душитель» и решился на эту затею с оформлением опекунства. Нельзя не признать — это был весьма эффективный и разумный с точки зрения закона шаг, но с точки зрения морально-этической его следует признать весьма спорным.

Завершая разговор о МакГрате и его участии в этом деле, добавим, что сей почтенный муж ни во что не вникал, со всем соглашался и никакого интереса к судьбе опекаемого не демонстрировал. Он даже не являлся в суд, когда там рассматривали важные для судьбы Де-

Сальво вопросы. Это невнимание Джорджа к тому, что происходило с его подопечным, ярко демонстрирует его истинную роль в этом деле — МакГрат знал, что роль его сугубо формальна и никто не ждёт от него настоящей защиты интересов ДеСальво.

Джордж прекрасно справился со своими обязанностями, благо они оказались совсем не обременительны, и за умение играть по правилам был сторицей вознаграждён. Не прошло и года со времени оформления его опекунства, как он получил очень выгодное карьерное предложение и перешёл на работу в федеральную систему исполнения наказаний, уехал из Массачусетса и обосновался в Нью-Йорке.

Он пережил ДеСальво более чем на три десятилетия, но никогда никому не рассказывал о своём участии в разоблачении «Бостонского Душителя». Он не дал ни одного интервью на эту тему, не написал воспоминаний, ничего не рассказал детям... Очень жаль! В лице Джорджа МакГрата мы могли бы найти очень осведомленного свидетеля, ведь он был одним из немногих, кто присутствовал на беседах Боттомли с ДеСальво, видел, что именно прокурор показывал последнему, какие записки передавал, как жестикулировал. Многие невербальные нюансы общения не зафиксированы аудиозаписью, а ведь они могли бы очень многое сказать о поведении участников бесед. Тем не менее, даже то, что попало в магнитофонную запись, весьма красноречиво! МакГрат во время разговоров с ДеСальво говорил немного, но реплики его были обычно скептического свойства, что-то вроде: «Алберт — это неубедительно!», «Алберт, дай нам что-то ещё!», «Алберт, прокурор этому не поверит» и т. д.

МакГрат был опытным работником правоохранительной системы, он повидал на своём веку немало негодяев и провёл немало допросов. По-видимому, он испытывал сильный скепсис по поводу того, что гово-

рит ДеСальво и как Боттомли вёл свою работу. Но, повторим, Джордж никаких суждений на сей счёт никогда не высказывал и все свои суждения унёс с собою.

В первой декаде августа 1965 г один из уголовников, проходивший психиатрическую экспертизу в Бриджуотере, связался со знакомым детективом полиции Бостона и сообщил, что некий его знакомый сообщает интересные детали убийства Мэри Салливан. Напомним, что Мэри являлась последней известной полиции жертвой «Бостонского Душителя». Детектив передал информацию в отдел расследования убийств BPD и лейтенант Донован приказал проверить «сигнал». Оказалось, что речь в сообщении «конфидента» шла об Алберте ДеСальво. С последним в это время уже работал Джон Боттомли, который, напомним, наложил строжайший запрет на допуск к ДеСальво представителей полиции и прокуратуры. По этой причине от допроса Альберта пришлось отказаться, однако «стукача» попросили выяснить у ДеСальво побольше деталей, связанных с преступлением.

«Конфидент» выполнил поручение и рассказал странное. ДеСальво якобы поведал ему, будто был знаком с Мэри Салливан, знакомство с нею свёл летом 1963 г в деревне Сан-Диал, где она отдыхала вместе со своим другом Нейтом Уордом. Алберт довольно близко сошёлся с последним, они вместе выпивали и много болтали. Уорд якобы признался ДеСальво в том, что также, как и Алберт, является насильником — это, дескать, их и сблизило.

Рассказ осведомителя показался детективам небезынтересным, в том числе и потому, что сообщенные детали поддавались проверке. Полицейские отыскивали Нейта Уорда и навели у родственников Мэри Салливан необходимые справки. Ничего не подтвердилось — Мэри и Нейт никогда не отдыхали в Сан-Диал, кроме того, Уорд

не опознал ДеСальво на предъявленных ему фотографиях.

История эта произвела двойное впечатление. Представлялось маловероятным, чтобы осведомитель оболгал Алберта ДеСальво от начала до конца. Тот, по-видимому, какие-то разговоры вёл и нечто о Мэри Салливан рассказывал. Но во имя чего ДеСальво нёс чепуху, которая легко отлеталась при проверке? Какую игру он пытался играть и зачем выдавал себя за убийцу, не являясь таковым? В общем, лейтенант Донован получил ещё одно подтверждение тому, что ДеСальво сильно нездоровый на голову человек, трепач и мифоман.

Хотя нельзя было полностью отрицать того, что некие резоны для такого довольно странного поведения ДеСальво мог иметь. Но для того, чтобы их понять, следовало разобраться в том, кем же именно являлся этот человек.

Персональная война Алберта ДеСальво

Алберт ДеСальво родился 3 сентября 1931 г в городе Челси, ближайшем пригороде Бостона, расположенном от него в паре километров к северу, за реками Челси и Мистик. Родители его — Фрэнк, родившийся в 1908 г, и Шарлотта, на 2 года его младше — познакомились во время проживания в небольшом городке Ньюфаундленд (Newfoundland) в Пенсильвании, откуда они переехали в Массачусетс в конце 1920-х гг в поисках лучшей доли. С лучшей долей у них не заладилось и не только по причине «Великой Депрессии», обрушившейся на Америку в начале 1930-х гг, но и в силу других, куда более прозаических причин. Фрэнк ДеСальво крепко пил, а в подпитии творил всевозможные непотребства. Именно алкоголь превратил его, в прошлом крепкого работающего мужчину, хорошего механика-моториста, в домашнего тирана, совершенно аморального и неадекватного человека.

Фрэнк ДеСальво в состоянии алкогольного опьянения вёл себя странно и непредсказуемо. Он мог привести в квартиру проститутку и начать заниматься с нею сексом в присутствии детей. Фрэнк избивал Шарлотту и однажды на глазах детей последовательно сломал все пальцы на её руках. Когда подросший Алберт однажды бросился защищать мать, Фрэнк схватил его за горло, поднял в воздух и потряс, едва не задушив. Свидетельств такого рода сохранилось много, причём, это не рассказы Алберта, которого можно заподозрить в умышленном сгущении красок с целью вызвать к себе сочувствие, а воспоминания его сестёр и братьев. Со-

хранились записи о подобных инцидентах и в полицейских протоколах. Фрэнк ДеСальво был хорошо знаком полиции Челси, которая с период с 1930 г по 1944 г заводила на него уголовные дела 18 (!) раз, из них 5 — за побои жены и детей. Помимо бытового насилия за Фрэнком водились и грешки иного рода — его периодически ловили на мелкой уголовщине вроде обворования пьяных, хищениях по месту работы и т. п. Удивительно, но его ни разу не отправили за решётку на сколько-нибудь долгий срок, все непотребства и выходки Фрэнка заканчивались в худшем случае 2-месячной прогулкой в окружную тюрьму, после которой тот бросал на некоторое время пить и становился похож на человека. Впрочем, через полгода всё возвращалось на круги своя...

В браке родились 6 детей: в 1928 г — Шарлотта Ирен (Charlotte Irene), на следующий год — Джозеф Фрэнк (Joseph Frank), в 1931 г — Алберт Генри (Albert Henry), в 1934 г — Дороти Мэй (Dorothy May), в 1936 — Ричард Эдвард (Richard Edward) и в 1938 г — Фрэнк-младший (Frank DeSalvo Jr). Из написанного выше несложно понять сколь тяжёлым и безрадостным было их детство. Семья распалась в сентябре 1944 г и расставание родителей вряд ли можно считать неожиданным, скорее можно удивляться тому, как долго Шарлотта мирилась с алкоголизмом и полным безрассудством муженька.

Алберт был третьим по старшинству. Он был проблемным ребёнком, что называется, с младых ногтей. Сложно сказать, что к этому привело — дурная наследственность или педагогическая анархия. По-видимому, дети в семье были предоставлены сами себе и росли подобно бурьяну за баней. В 1939 г старшая сестра Алберта разыграла с его участием сексуальную сцену, которую не раз наблюдала с участием отца. Сестренка изображала проститутку, которой 7-летний Алберт должен запла-

тить деньги и заняться сексом. За этим развлечением их застал старший брат, Алберт спустя годы со мехом рассказывал об этом всем, желающим его слушать — Нассару, Ли Бэйли, Боттомли, психиатру Эймсу Роби. Понятно, что если брат и сестра младшего школьного возраста играют «в секс», подражая взрослым, то в головах таких детей руины... Уже в возрасте 12 лет — в ноябре 1943 г — Алберт попал в поле зрения полиции. Произошло это после того, как Алберт избил сверстника и отнял у того карманные деньги в сумме 2 доллара 85 центов. Хотя деньги и считались карманными, сумма по тем временам была заметна, на эти деньги мальчик должен был купить продукты для всей семьи. За свою выходку Алберт получил условный срок и пообещал судье исправиться.

Как это часто бывает с несовершеннолетними преступниками — как, впрочем, и взрослыми тоже! — все клятвы и слёзы оказались позабыты сразу по выходу из зала суда. 27 декабря 1943 г Алберта ДеСальво арестовали вторично, на этот раз за участие в групповой краже со взломом. Теперь сорванец, если так его можно назвать, отправился учиться в специальный класс для трудных подростков в церковной школе. Фактически Алберт оказался в интернате, днём он учился, а по вечерам работал, спать оставался в школьной казарме. В Америке того времени, как и в Советском Союзе, активно практиковалось перевоспитание трудных подростков трудом!

Так продолжалось чуть менее года. Алберт вернулся домой лишь в конце октября 1944 г после ходатайства матери, заявившей органам опеки, что мальчик нужен дома для помощи по хозяйству.

В 1940-х гг Алберт ДеСальво сменил множество профессий, точнее говоря, способов заработка — он работал подмастерьем сапожника, помогал флористу в цветочном магазине, разносил газеты и т. п. Заработок Алберта

помогал семье сводить концы с концами.

Надо сказать, что материальное положение Шарлотты ДеСальво и её детей несколько улучшилось после развода, который последовал, как отмечалось выше, в сентябре 1944 г. Шарлотта стала получать федеральное пособие в размере чуть более 31 доллара в неделю, плюс к этому кое-какие деньги приносили подработки старших детей — Джозефа, Айрин и Алберта.

В августе 1945 г Шарлотта ДеСальво вышла замуж за Пола Киносьяна (Paul Kinosian), владевшего магазинном мелочной торговли. Сложно представить, что Киносьян действительно влюбился в немолодую женщину, мать 6-х детей, скорее всего, это был брак по обоюдному расчёту. Пол Киносьян оказался человеком довольно своеобразным, оценки давались диаметрально противоположные. Кто-то характеризовал его как человека щедрого и доброго, хотя и совершенно необразованного, кто-то припоминал присущие ему приступы ярости. Чтобы понять, о каких приступах идёт речь, можно привести пример нападения Пола Киносьяна на Ричарда ДеСальво, одного из младших братьев Алберта. В 1951 Пол избил 16-летнего Ричарда и выбросил через входную дверь на улицу, тот при падении с крыльца сильно разбил голову. После лечения в больнице Ричард ушёл из семьи и носа не показывал в лавке Киносьяна. Однажды он зашёл туда в поисках матери, и Пол, увидев его, схватил молоток и бросился в атаку. Ричарду пришлось убежать, чтобы не доводить дело до кровавого финала.

Алберт ДеСальво также имел разного рода неприятности с отчимом, хотя и не настолько печальные, как в случае Ричарда. Несмотря на это, семья ДеСальво жила в 1944, в 1945 и в 1946 гг куда лучше и спокойнее, нежели ранее. Алберт в это время ходил в среднюю школу и учился очень хорошо, успевая при этом заниматься разнообразными подработками. Казалось, что противо-

законные глупости остались в прошлом и поведение юноши полностью выправилось. Алберт испытывал трепетно-нежные чувства к матери, очень её жалел, стремился всячески ей помочь. Не было ни одной просьбы матери, на которую он не отозвался бы. Вообще же, всё сестры и братья Алберта, вспоминая то время, отмечали, что тот производил впечатление очень аккуратного, вежливого и смышленного юноши. Он рос очень спортивным, любил всевозможные подвижные игры, вообще казался очень развитым молодым человеком. Вместе с тем, уже тогда в поведении Алберта отмечалась довольно странная черта, обращавшие на себя внимание родственников. Алберт очень боялся темноты, что, согласитесь, выглядит довольно иррационально для 15-летнего подростка, причём, боялся он не бандитов, не внезапного нападения, не чего-то конкретного... Алберт никогда не ходил по тёмным проулкам, в тёмное время суток обходил кварталы по освещённым улицам и его невозможно было убедить срезать часть пути, пройдя между тёмными зданиями.

По-видимому, страх темноты был обусловлен повышенной тревожностью Алберта, которую он в целом удачно скрывал от окружающих. Вместе с тем, характеризуя его психологическое состояние в то время, следует отметить, что нам ничего неизвестно о том, чтобы он страдал в этом возрасте от энуреза (ночного недержания мочи). Также за Албертом не замечали жестокости в отношении животных или тяги к бродяжничеству (дроромании), во всяком случае, нам неизвестны воспоминания такого рода лиц, знавших Алберта в детстве и юности. В подростковом возрасте упомянутые отклонения в различных сочетаниях демонстрирует абсолютное большинство будущих серийных убийц. Хотя объективности ради следует признать, что Алберт ДеСальво рассказывал адвокату Ли Бейли о том, что, увлечшись в подростковом возрасте

стрельбой из лука, ходил в парк охотиться на кошек. Убивал ли он животных или попросту пугал — непонятно, да и особого доверия подобные рассказы не вызывают, поскольку многое из того, что ДеСальво выдавал за чистую правду при проверке подтверждения не находило.

Казалось, что к 15 годам характер и темперамент Алберта выровнялись и пришли в норму, однако, благополучие оказалось кажущимся. В августе 1946 г ДеСальво вместе с дружкой взяли «покататься» чужую автомашину. «Покатушки» удались на славу, юноши через 4 часа вернули машину на место, но хозяин за это время успел вызвать полицию и подал официальное заявление, поэтому невинная, как казалось юношам, проделка стала преступлением. Поскольку Алберт уже имел опыт правонарушений, то для него «покатушки» закончились водворением в тот самый интернат, стены коего он покинул в октябре 1944 г. Что произошло далее не совсем понятно, видимо, в интернате Алберт попал в какую-то передрагу, поскольку буквально через пару недель после водворения в учебное заведение он вместе с двумя товарищами совершил побег.

Инцидент произошёл 9 сентября, Алберта и его дружков ловили с привлечением полиции, как настоящих уголовников! Понятно, что без карманных денег, сменной одежды и связей, неизвестных правоохранительным органам, шансы беглецов скрыться от погони были минимальны. Они и не скрылись! Всех троих вернули в интернат менее чем за 48 часов со времени побега.

Может показаться удивительным, но ребят не очень-то и наказали. Снисходительная реакция администрации интерната объяснялась, по-видимому, тем, что побег явился вынужденной реакцией на некий конфликт. Администрация была не заинтересована раздувать эту историю и Алберт отделался чисто символическим замечанием. Он был на хорошем счету у руководства и уже

Одна из самых ранних фотографий Алберта ДеСальво, ему 15 или 16 лет. Впереди у него долгая и, как ему тогда казалось, интересная жизнь...

в январе 1947 г его досрочно освободили, как примерного ученика, продемонстрировавшего искреннее раскаяние.

В 1947 г и первой половине 1948 г Алберт продолжал учиться в средней школе, подрабатывая с целью помочь семье. Закончив с хорошими оценками 9 классов, он летом 1948 г подал заявление о вступлении в армию. Заявление было отклонено, т.к. вплоть до сентября 1948 г он считался осужденным на условно-досрочном освобождении, а такие лица призыву в мирное время не подлежали. Однако в начале сентября судимость была снята и Алберт ДеСальво подал второе заявление о зачислении в ряды вооруженных сил. Оно было удовлетворено и 16 сентября молодой человек был призван на действительную военную службу.

Начальную военную подготовку Алберт прошёл

в Форт-Бэнкс в Массачусетсе, где успешно закончил школу младших технических специалистов и в числе лучших выпускников получил право отправиться для дальнейшего прохождения службы в ФРГ. Это было не только престижно, но и выигранно в материальном отношении, так что неудивительно, что ДеСальво этим правом воспользовался. Перед отправкой в Западную Германию Алберт прошёл всестороннюю проверку по линии ФБР, тогда на него было заведено первое досье под номером #814639В (личное дело, которое можно считать аналогом отечественного т.н. «дела-формуляра»). Всего же в ведомстве Гувера на ДеСальво было заведено 3 досье, номера двух из них засекречены до сих пор. Сейчас некоторые документы ФБР, связанные с Албертом, обнародованы, учитывая, что в армии ДеСальво немало по куролесил, было бы интересно прочесть их без купюр.

В Германии ДеСальво служил в рядах 14 бронекавалерийской дивизии на различных американских базах (в Марбурге, Фритцларе, Бамберге, Франкфурте, Бремерхафене и др.). Обязанности по службе выполнял самые разные — был стрелком десантной группы, механиком-водителем, техником танковой ремонтной базы, специалистом инструментальной разведки и пр.

По службе Алберт характеризовался положительно, начальство его оценивало как грамотного и дисциплинированного специалиста, в Германии ему было присвоено звание сержанта. В американской армии сержант отнюдь не эквивалентен сержанту в советской, его аналогом скорее являлось звание прапорщика или мичмана во флоте. Вместе с тем, известно, что сослуживцы отзывались о ДеСальво как о «сложном человеке», способном создать конфликт на ровном месте. Впрочем, свой первый армейский срок ДеСальво оттарабанил без сучка, без задоринки. По его окончании он получил благодарность

министра обороны за беспорочную службу и тут же заключил 5-летний контракт, фактически ни на один день не прервав воинский стаж.

Однако уже через месяц, в июле 1951 г, Алберт попал в неприятную ситуацию, связанную с грубым нарушением воинской дисциплины — он ушёл в «самоволку», демонстративно нарушив приказ старшего командира. Последний не стал закрывать глаза на поведение ДеСальво и подал формальную жалобу в дисциплинарный суд. Дело вышло серьёзное, Алберту грозило разжалование и разного рода сопутствующие неприятности, вроде перевода из ФРГ в Корею, где шла крупномасштабная война. Однако ситуацию спасли отличные характеристики и умение Алберта производить на окружающих нужное впечатление — во время судебного заседания он рассказал о предвзятом к себе отношении со стороны командира и отделался символическим выговором.

Сейчас сложно сказать кто в той ситуации был прав, а кто виноват, но история с самоволкой явилась своего рода звоночком, предвещавшим проблемы в будущем.

В начале 1954 г ДеСальво стал фигурантом отвратительного дела, связанного с его сексуальными отношениями с 9-летней девочкой, которая выполняла некоторые его сексуальные прихоти за деньги. Мать ребёнка, узнав об этом, подала заявление в полицию, проведенное расследование показало, что преступление имело место и повторялось неоднократно. Факт педофилии был налицо и вот тут очень интересно повели себя американские власти. Военная полиция фактически спрятала ДеСальво, тайно перевезя сначала на другую базу, а затем отправив в США. Бесславное возвращение на родину произошло в апреле 1954 г.

Военная полиция явно рассчитывала «замылить» это дело и не предпринимала никаких действий. Немецкие правоохранители через внешнеполитическое ведомство

обратились к американским коллегам с просьбой дать правовую оценку действиям своего военнослужащего. Следует помнить, что американские военные в Западной Европе находились вне юрисдикции местных правоохранительных органов, расследования в их отношении могла проводить только американская военная полиция.

Несмотря на всевозможные проволочки Пентагону пришлось разбираться с этой педофильской историей. В январе 1955 г ДеСальво был взят под стражу на время проведения следствия. Обеляя себя, он заявил, что история его интимных отношений с девочкой выдумана её матерью от начала до конца; женщина, дескать, рассчитывала шантажировать его угрозой компрометации, но он не поддался и в итоге она написала ложный донос. Объяснения эти вполне устроили американских военных полицейских, которые ответили немецким коллегам, что провели расследование и факт преступления не нашёл подтверждения. И на том со спокойной совестью дело закрыли.

ДеСальво вышел из гауптвахты с гордо поднятой головой.

Во время всех этих событий Алберт уже был женат — он бракосочетался 5 декабря 1953 г, женившись на Ирмгард Бек, немке, с которой поддерживал интимные отношения более 4-х лет (они познакомились в октябре 1949 г). Фактически ДеСальво поддерживал интимные отношения одновременно как с Ирмгард, так и с развращенной им 9-летней девочкой (или матерью последней, если принять на веру его объяснения, данные военной полиции) ... Алберт мог что угодно вещать на допросах, доказывая свою невиновность, но Ирмгард должна была понимать, что её муж действительно педофил — без всяких оговорок! — ведь и с нею самой он стал заниматься сексом в то время, когда она ещё не достигла «возраста согласия» (на момент начала интимных отношений ей

Алберт ДеСальво танцует с женой Иргард на Рождественской вечеринке 1952 г.

не исполнилось и 17 лет)! Несмотря на серьёзные обвинения в адрес мужа, Иргард не развелась с Албертом. Интересно, пожалела ли она впоследствии о своей преданности?

В этом месте, пожалуй, следует сказать несколько слов об интимной сфере ДеСальво, поскольку данный аспект жизни и поведения имеет прямое отношение к нашему дальнейшему повествованию. Половую жизнь Алберт начал в 15 лет — т.е. в 1946 году — с замужней женщиной в два раза его старше. ДеСальво гордился своей потенцией и для этого имелись все основания — он мог осуществлять без перерыва или с минимальным перерывом до 5 эякуляций, что, согласитесь, свидетельствует о незаурядной сексуальной силе. Это не пустая болтовня или мужская бравада, нам известны показания его жены, рассказавшей Боттомли о том, что Алберт «изводил» её своими сексуальными «хотелками». Когда у четы родился первый ребёнок, оказавшийся инвалидом, врачи сообщили Иргард, будто причина неправильного развития плода

заключается в его травмировании во время вынашивания. Ирмагд винила в произошедшем Алберта, поскольку ей приходилось заниматься с ним сексом на поздних сроках беременности, уступая его настоятельным требованиям. После рождения дочери между супругами наступило охлаждение, обусловленное опасением Ирмагд родить ещё одного ребёнка-инвалида.

После того, как ДеСальво сделал признательные показания об убийствах женщин посредством удушения, его жена была допрошена членами Бюро «Душитель». В ходе допроса Ирмагд были заданы многочисленные вопросы о деталях её отношений с мужем и, в частности, относительно того, любил ли Алберт во время сексуальной игры хватать партнёра за горло, сдавливать шею шарфом или нечто подобное? Ирмагд ответила на это категорическим «нет», заявив, что не позволила бы в отношении себя такого рода эксперименты. То же самое на аналогичный вопрос Боттомли ответил и Алберт, подтвердив, что никогда во время занятий сексом с женою не пытался её душить.

После этого небольшого, но необходимого отступления, вернёмся к хронологии событий.

Итак, освободившись от подозрений в свой адрес, ДеСальво, по-видимому, уверовал в благосклонность Фортуны, что отразилось на его поведении. В марте того же 1955 г он устроил драку в баре, в результате чего ему пришлось заплатить штраф и компенсировать заведению причиненный ущерб.

В декабре 1955 г ДеСальво был обвинен в чрезмерной жестокости в отношении подчиненных. Дело замяли, но Алберту дали понять, что ему не следует пытаться заключить новый контракт с Министерством обороны. В середине февраля 1956 г ДеСальво уволился из вооруженных сил, хотя и не совсем добровольно, но с соблюдением внешних приличий. Он вторично удостоился

Алберт ДеСальво и его жена Ирмгард.

благодарности министра обороны за образцовое исполнение воинских обязанностей.

Завершая рассказ о службе Алберта ДеСальво в армии, остаётся упомянуть о довольно расхожей легенде, гласящей, будто он имел какие-то необычные физические кондиции, демонстрировал успехи в спорте и даже победил на крупных соревнованиях по боксу среди военнослужащих американского контингента в Западной Европе. Сейчас уже сложно сказать, откуда пошла эта легенда, нам известно, что в газетах второй половины 1960-х гг его иногда называли «боксёром», но никакого её фактического подтверждения в известных ныне документах (в т.ч. и документах ФБР) найти не удалось. Алберт всю жизнь был худощав, поджар и сохранял неплохую физическую форму, но говорить о каких-то незаурядных физических данных, якобы ему присущих,

оснований нет.

Алберт вместе с Ирмгард и родившейся в 1955 г дочерью Джуди после демобилизации приехал в родной Мас-сачусетс, в Челси, северный пригород Бостона. ДеСальво нашёл работу строительным рабочим, а Ирмгард посвятила себя дочери, родившейся, как было уже сказано, с серьёзной патологией тазобедренного сустава. Семья имела все шансы жить не хуже других, однако у Алберта что-то постоянно шло не так, как следовало. То у него возникали конфликты по месту работы, то случались простои, то какие-то непредвиденные проблемы. В сентябре 1956 г он в состоянии алкогольного опьянения попал в ДТП и подвергся аресту, правда, без каких-либо иных серьёзных последствий.

В течение следующего, 1957 года, ДеСальво долгое время не работал, объясняя это застарелой травмой руки, он даже лежал 2 месяца в госпитале ветеранов вооруженных сил. По-видимому, именно в тот год Алберт стал регулярно подворовывать, увидев в этом занятии довольно простой способ пополнения семейного бюджета. Будучи отличным слесарем — спасибо армии за техническую подготовку! — ДеСальво без особых затруднений овладел ремеслом «домушника», вора, специализирующегося на кражах из жилых помещений. Впрочем, вполне возможно, что какие-то специфические навыки он получил ещё во время обучения в интернате для трудных подростков — полную ясность в этом вопросе сейчас уже никто внести не сможет. Как бы там ни было, именно в том году ДеСальво состоялся как профессиональный вор, специализировавшийся на кражах из отдельно стоящих зданий — днём он проводил разведку объекта, а в тёмное время суток вскрывал замки и похищал деньги и ювелирные украшения.

8 января 1958 г он был задержан в Бостоне полицейским патрулём с поличным при попытке отхода с места

Автору очень нравится это фотография ДеСальво. Снимок из числа запоминающихся и красноречивых — безумие во взгляде, кривой полуоткрытый рот... Как и все душевнобольные Алберт мог быть очень разным. Нельзя забывать, что ДеСальво был по-настоящему, без всяких оговорок, психически болен, а потому на его словах и поступках лежит печать безумия. И этот снимок зримо передаёт присущую Алберту ненормальность.

совершения преступления. Ворованное Алберт успел выбросить, но воровские приبلуды остались в его карманах, так что доказать судье свою невиновность ДеСальво не смог. Он был приговорён к году тюремного заключения условно.

Прошло немногим более месяца и в ночь на 15 февраля ДеСальво вновь был задержан при очень схожих обстоятельствах. На этот раз он совершил преступление в Челси, буквально в 500 м от дома, в котором проживал. В карманах Алберта были найдены конфеты, которые он похитил в обворованном жилище. ДеСальво на голубом глазу заявил, что взял конфеты с целью подарить их жене

и дочери-инвалиду, дескать, он не мог явиться домой, не принеся подарка ко Дню Святого Валентина! Удивительно, но сентиментальный рассказ про девочку-инвалида, по-видимому, тронул судью, поскольку ДеСальво вновь получил условный приговор! И это несмотря на то, что новое задержание должно было автоматически ввести в действие приговор, вынесенный в январе!

Кстати, если кто-то из читателей подумал, будто ДеСальво действительно мечтал накормить шоколадом Ирмгард и Джуди, то поспешим уточнить, что Алберт был ужасный сладкоежка и постоянно носил конфеты в карманах. Он их поедал одну за одной без остановки, точно семечки грыз, и даже удивительно, как при этом он умудрился избежать сахарного диабета! ДеСальво, быть может, и хотел принести лакомство жене и дочери, но с большой долей вероятности можно предположить, что он бы его попросту не донёс до дома. Все его рассказы о необыкновенной любви Ирмгард и Джуги следует делить не на 10 даже, а на 100.

Как бы там ни было, Алберт остался на свободе и... попался на краже в третий раз!

Вечером 18 апреля 1958 г, в пятницу, ДеСальво вновь был задержан патрулём полиции Бостона неподалёку от места совершения кражи. Хотя он отрицал свою причастность к вторжению в дом, хозяева которого уехали из города на week-end, совпадение обуви ДеСальво с отпечатками ног в доме и наличие в карманах отвертки, заставляло подозревать его виновность. Судья посчитал дело вполне ясным и... вновь вынес условный приговор.

Невероятно! Это кажется удивительным, но ДеСальво в 1958 г трижды приговаривался тремя различными судьями к тюремному заключению условно!

Сей странный феномен можно было бы списать на гуманность американского законодательства, если бы только оно действительно было в те годы гуманно.

Но нет оснований так считать, американские суды той поры щедро отсчитывали годы тюремного заключения за сравнительно невинные проделки. Те, кто прочёл первую книгу, наверняка в этом месте вспомнят Роя Смита и его незадачливых дружков — похитителей хлопка... Тем не менее, факт остаётся фактом, Алберт ДеСальво в 1958 г в тюрьму так и не отправился.

Минули полтора года и 26 октября 1959 г, в ночь с воскресенья на понедельник, Алберт вновь оказался пойман полицией Бостона при попытке обворовать дом, оставленный хозяевами на выходные. И вновь рассмотрение дела в суде закончилось условным приговором! Честное слово, автор даже чувствует неловкость за написанную фразу...

У Алберта и Ирмгард к этому времени родился второй ребёнок — сын Майкл — и теперь ДеСальво помимо жалостливых историй о дочери-инвалиде мог рассказывать в суде бесконечные байки о радости быть отцом двух детей. Но понятно, что гуманность судей объяснялась вовсе не состраданием к тяжкой доле папаши Алберта. Имелась какая-то другая причина столь бережного отношения массачусетского правосудия к вору-«домушнику». Трудно отделаться от ощущения, что некая влиятельная инстанция находила возможность замолвить за ДеСальво словечко в суде, и словечко это оказывалось весомее буквы закона и аргументов прокурора. Являлась ли этой таинственной инстанцией полиция штата или ФБР, мы не знаем, но кто-то влиятельный до поры, до времени оберегал Алберта от тяжкой длани карающего Правосудия и уговаривал судей закрывать глаза на его очевидно криминальные выходки. Быть может, эти преступления являлись даже необходимым элементом оперативной маскировки, призванной создать ДеСальво определенное реноме среди представляющей интерес группы лиц...

В этой связи интерес представляет следующая любо-

пытная деталь. После того, как Генеральная прокуратура Массачусетса официально заявила, что считает ДеСальво «Бостонским Душителем», о чём мы скажем в своём месте, журналисты бросились собирать информацию как о самом Алберте, так и членах его семьи. И странное дело, история о 4-х условных приговорах, вынесенных в 1958—1959 гг, почему-то не вызвала интереса журналистского сообщества. Газетчики рассказывали о том, что ДеСальво служил в армии, был сержантом, женат на немке и т. д. и т. п., но вот о его судимостях почему-то не упоминалось, а если всё же и говорилось о криминальном прошлом, то невнятно и без деталей. Такая избирательность в подаче информации кажется очень странной. Её сложно объяснить без привлечения некоей закулисной силы, стремившейся не допустить разглашения лишних подробностей жизни ДеСальво.

Однако, сколько верёвочке не виться... И везению Алберта тоже пришёл конец, причём совершенно для него неожиданный.

18 марта 1961 г он позвонил в дверь дома, в котором в тот момент находились две сестры, совсем юные девушки 16 и 19 лет. ДеСальво представился директором недавно открытого модельного агентства, который ищет кандидатов на вакантные места демонстраторов одежды. Девушки заинтересовались, принялись расспрашивать о работе и возможном заработке, и ДеСальво принялся живописать захватывавшие дух перспективы весьма и весьма доходного бизнеса. Вытащив из кармана сантиметровую ленту, он принялся измерять младшую из сестёр и так увлёкся, что не заметил, как старшая вышла на минутку в соседнюю комнату. После того, как она возвратилась, Алберт хотел было измерить и её рост, охват груди, бёдер и талии, но сделать этого не успел — на пороге появились полицейские с пистолетами в руках.

Оказалось, что старшая сестра, заподозрив неладное,

незаметно сделала звонок в ближайший полицейский участок.

К этому времени Департаменты полиции Бостона и его ближайших пригородов уже располагали информацией об активности сексуального преступника, маскирующегося под представителя модельного агентства. Человек этот, обходя дома, сулил высокооплачиваемую работу, входил в доверие к молодым женщинам, приглашал на кастинг, проводил антропометрические измерения, а затем начинал настойчиво склонять к интимной близости. Оставляемые им контактные данные — адреса и телефоны — оказывались «пустышками». Правоохранительные органы получили более 20 во всём схожих сообщений, из которых можно было понять, что во всех случаях действует один и тот же мужчина. Понятно, что подавляющее большинство жертв из чувства стыда вообще не обращались в полицию с рассказами о случившемся с ними, в силу чего общее число такого рода инцидентов не поддавалось даже приблизительному определению. Талантливый мошенник получил прозвище «Измеритель» («Tapester»).

И вот благодаря находчивости старшей из сестёр, полиция поймала ловкого преступника.

ДеСальво отпирался прямолинейно и тупо, как это обычно и делают психопаты. Он настаивал на своей полной невиновности. При этом он признал, что сантиметровая лента принадлежит ему и он ею измерял одну из сестёр. Для чего именно измерял — объяснить не смог, но признал, что в модельном агентстве не работает и никогда ранее не работал.

Сначала Алберта обвинили в одном преступлении, затем добавился ещё один эпизод. Будучи доставлен к судье Хэвэну Паркеру (Haven Parker), ДеСальво принялся шутить с ним и лучезарно улыбаться, надеясь изобразить дело таким образом, будто он просто прика-

львался, а девочки не поняли сути его весёлого нрава... Судья Паркер тоже не понял сути веселья и назначил залог в размере 15 тыс.\$ — это была очень большая сумма по тем временам, собрать которую ДеСальво не смог. Алберт в ожидании рассмотрения дела по существу отправился, выражаясь метафорически, куковать на нары в тюрьму Восточного Кембриджа.

Дело рассмотрели довольно быстро и несмотря на отрицание обвиняемым своей вины, Алберта приговорили к 1 году лишения свободы. Срок ДеСальво отбывал в исправительном учреждении в местечке Биллерика (Billerica), где находился с 5 мая 1961 г по 9 апреля 1962 г.

После выхода Алберта на свободу «Измеритель» более не появлялся. Но в июне 1962 г появился «Фантом», он же «Бостонский Душителъ». В то время ДеСальво и его семья проживали в доме №30 по Флоренс-стрит (Florence street) в Малдене, городе-спутнике Бостона, расположенном в 5 км к северу от последнего. Дом этот не сохранился, район сильно перестроен, но даже сейчас он выглядит не очень презентабельно. А уж в начале 1960-х гг место это было совсем не престижным.

ДеСальво работал строительным рабочим как в составе бригады, так и индивидуально. В 1962—1964 гг ему приходилось трудиться на объектах в восточной части штата Массачусетс — в округах Миддлсекс (Middlesex), Эссекс (Essex) и Саффолк (Suffolk). На территориях этих округов как раз и был активен «Бостонский Душителъ». Специфика работы ДеСальво была такова, что он имел возможность располагать свободным временем на протяжении рабочего дня, например, он мог отпрашиваться для поездки в магазин или доставки необходимого инструмента. Понятно, что работа в одиночку позволяет произвольно варьировать время появления на рабочем месте и ухода с него.

Когда Джон Боттомли принялся устанавливать нали-

Современная фотография дома №29 по Честер-авеню в Челси, на третьем этаже которого в 1964 г с женой и двумя детьми проживал Алберт ДеСальво. Адрес этот остался неизвестен журналистам, на протяжении многих лет считалось, что во время ареста тот жил в Малдене.

чие у ДеСальво alibi на время совершения известных убийств, выяснилось, что такового у него нет ни по одному из эпизодов. Во всех случаях Алберт либо находился неподалёку от места преступления (на расстоянии нескольких километров), либо долгое время пребывал в одиночестве (и потому имел возможность совершить продолжительный переезд). Это позволило Боттомли считать, что ДеСальво располагал возможностью совершить каждое из инкриминируемых «Бостонскому душиателю» убийств.

В 1964 г ДеСальво вместе с семьёй переехал в дом №29 по Честер-авеню (Chester avenue) в Челси. В боль-

шинстве книг и статей о ДеСальво этот адрес не отыскать, авторы в качестве места проживания называют Малден, где Алберт жил во время ареста в 1962 г. Дом на Честер-авеню до сих пор сохранился и вполне возможно, что правильный адрес не указывается не без умысла, дабы не привлекать к нему внимание разного рода фриков.

В период с мая по октябрь 1964 г ДеСальво совершил серию преступлений, которую однозначно можно связывать с его именем. Речь идёт о череде сексуальных нападений, приписанных полицией штата Массачусетс т. н. «Мужчине в зелёных штанах». Правоохранительным органам было известно о 8 эпизодах и сам же ДеСальво после ареста первоначально сознался также в 8 нападениях, но затем признания в 4 случаях отозвал. А потому официально ему были выдвинуты обвинения только в 4-х случаях покушений на сексуальную неприкосновенность.

Инкриминируемые ДеСальво преступления выглядели следующим образом.

29 мая того года он проник в квартиру Джеральдины Саррет (Geraldine Surette) в городе Уэйкфилд (Wakefield) в 20 км севернее Бостона. Вполне возможно, что поначалу он не знал, что находится в помещении не один — он осмотрел гостиную, нашёл на кухне 25\$, заложенных между страниц блокнота, и забрал их. Затем ДеСальво проник в спальню, где обнаружил хозяйку квартиры спящей в кровати. Рядом в детской кроватке спал её сын в возрасте 14 месяцев. Сев на край кровати, Алберт принялся гладить тело женщины — эти прикосновения и разбудили её. По словам потерпевшей, часы показывали 09:15. ДеСальво не грозил Джеральдине и не повышал голоса, он также не демонстрировал ей оружие. Лишь поднявшись с кровати, она заметила в отражении зеркала нож, который преступник держал в руке, причём он

делал это так, словно пытался скрыть наличие оружия. Джеральдина спокойно разговаривала с ДеСальво, тот некоторое время гладил её тело, затем поднялся и взяв из кровати ребёнка, передал его матери. Все трое прошли на кухню, Джеральдина всё время держала сына на руках, а ДеСальво, пользуясь этим, гладил тело женщины под ночной рубашкой. Они продолжали спокойно разговаривать, со стороны могло бы показаться, будто общается любовная или семейная пара. В какой-то момент Саррет надела очки и это отчего-то потрясло ДеСальво — он выругался, пробормотал, что ошибся и... стремглав убежал из квартиры.

Джеральдина рассказала полицейским, что проникший в квартиру неизвестный мужчина обращался к ней по фамилии и упоминал её мужа. Потерпевшая осталась в твёрдой уверенности, что преступник хорошо знает её семью и возможно связан с её мужем по работе, хотя после ареста ДеСальво выяснилось, что это не так. Он узнал фамилию хозяйки дома, просмотрев кипу коммунальных счетов, а о её семейном положении догадался, пролистав блокнот с записями расходов (они были сделаны различными почерками).

8 июня 1964 г немногим ранее 8 часов утра ДеСальво проник в квартиру Вирджинии Торнер (Virginia Thorner), проживавшей в многоквартирном доме в Мелроузе (Melrose), городе, расположенном южнее Уэйкфилда. Чтобы попасть в помещение, он заявил открывшей дверь женщине, будто в квартире протечка и ему надо осмотреть трубы в ванной. Оттуда он перешёл в спальню, где, угрожая ножом, повалил женщину на кровать, завязал её глаза пижамными штанами, заткнул рот платком и принялся целовать грудь и лобок. После этого потребовал от Вирджинии 20\$. Для того, чтобы выслушать её ответ, ему пришлось вытащить платок изо рта, после чего — вернуть кляп на место. У Вирджинии имелся всего

1\$, о чём она и сообщила ДеСальво. Женщина показала место в гостиной, где лежал кошелёк, Алберт забрал 1\$ и скрылся. Именно во время запугивания Торнер он сообщил, что убил прежде пожилую женщину и полиция не нашла его. ДеСальво говорил об убийстве в единственном числе и эта деталь на протяжении многих лет считалась веским доводом в пользу того, что на самом деле он никогда не совершал те убийства, в которых сошёлся Джону Боттомли.

Алберт не душил Вирджинию Торнер ни руками, ни предметами туалета, хотя и набросил ей на шею 4 косынки. Эта деталь также считается веским доводом против того, что ДеСальво являлся «Фантомом».

По прошествии почти 4 месяцев — 29 сентября — ДеСальво под видом сантехника проник в квартиру 64-летней Мюриэл ЛеБланк (Muriel LeBlanc). Теперь в его руках был пистолет, но не полагаясь на него, Алберт приставил к горлу женщины нож с выкидным лезвием. Преступник связал лодыжки и руки Мюриэл, поцеловал её грудь, стал раздевать, а женщина в ответ принялась его корить. В частности, она поинтересовалась тем, как отнеслась бы его мать, если бы узнала, что он здесь творит?

Упоминание матери явно выбило ДеСальво из колеи. Он несколько раз входил и выходил из спальни, пытался возбуждать себя руками, но у него это получалось не очень хорошо. Он потребовал, чтобы Мюриэл помогла ему добиться эрекции руками или ртом, но женщина отказалась это делать, заявив, что слишком стара для плотских утех. Надо отдать должное её самообладанию, она была готова умереть, но не уступить насильнику!

ДеСальво оказался явно смущён поведением немолодой женщины. Он не сумел подчинить её своей воле и в скором времени бежал с места преступления, похитив 11\$ наличными и бриллиантовое кольцо.

Наконец, 27 октября 1964 г Алберт скрытно проник в квартиру Сюзанн Мачт в Кембридже. Об этом преступлении и последующем разоблачении ДеСальво подробно рассказано в книге I в главе «1964 год. Неформальные формы ведения следствия».

Интересно то, что после того, как Сюзанн Мачт опознала Алберта, тот был отпущен на свободу под залог 8 тыс.\$. В принципе, он мог попытаться скрыться, уехать в другой штат или куда подальше, скажем в Мексику или в Канаду, впоследствии он действительно вынашивал подобные планы. Но в октябре 1964 г ДеСальво ни о чём таком не думал, пребывая в уверенности, что у правоохранительных органов ничего на него нет. Поразительная беспечность, учитывая его криминальную активность на сравнительно небольшой территории! Впрочем, подобная уверенность в собственной неуязвимости очень характерна для самовлюбленных психопатов. Когда правоохранительные органы берут их в оборот, они долгое время не могут поверить в то, что дело дрянь и среди тупых полицейских нашлись люди умнее и сообразительнее их самих... Ну, как же так, в их Вселенной такого не бывает!

Нельзя не отметить того, что во всех эпизодах, связанных с нападениями «Измерителя» и «Человека в зелёных штанах», преступник не прибегал к насилию. ДеСальво обманывал и угрожал, но не бил и не душил. И не использовал в качестве сексуальных игрушек предметы окружающей обстановки (напомним, что «Бостонский Душитель» по меньшей мере в 3-х случаях грубо использовал в качестве таковых бутылку из-под вина и рукоять швабры, причинив жертвам хорошо узнаваемые судмедэкспертами специфические повреждения). Также достойна упоминания другая деталь — ДеСальво без всяких затруднений опознавался потерпевшими по эпизодам, связанным с нападениями «Человека

в зелёных штанах». Внешность он имел запоминающуюся, так что ничего удивительного в этом нет. Но ДеСальво не опознавали свидетели, видевшие «Бостонского Душителя». Напомним, правоохранные органы считали, что 8 или даже 10 человек видели «Бостонского Душителя» до или после совершения им нападений. Попытки предъявить им для опознания фотографии ДеСальво оказались безрезультатны. Сравнивая фотографии Нассара и ДеСальво, все они заявляли, что Нассар похож на «Фантома» куда больше (сразу уточним, что никто из свидетелей также не опознавал и Нассара как серийного убийцу, просто люди отмечали, что типаж Нассара более соответствует облику того человека, который, по-видимому, являлся убийцей).

Правоохранные органы связывали с «Человеком в зелёных штанах» не менее 8 нападений, но судить ДеСальво было решено только за 4 из них. Это было обусловлено тем, что преступления совершались в различных юрисдикциях, а также наличием признания ДеСальво в 4-х нападениях. Логика в этом была — зачем ломиться в открытую дверь и усложнять задачу? Преступника можно было сначала посадить за часть его проделок, а потом добавить остальное.

В марте 1965 г, спустя несколько дней после проведения сеанса гипноза, ДеСальво написал жене письмо, из содержания которого можно получить некоторое представление о его отношениях с Ирмгард. Размер его не очень велик, поэтому приведём текст целиком:

«Привет, Ирм, я надеюсь, что это письмо без проблем дойдёт до тебя и детей. Что до меня, то я в порядке, и хотя у меня много проблем, я беспокоюсь о тебе и твоём отношении ко мне. Я не виню тебя в своих проблемах, как не виню в этом кого-либо ещё. Но признай, что если бы ты относилась ко мне по-другому, как говорила мне все те годы, что мы потеряли, то сохранилась бы лю-

бовь, которую я искал, ту, которую мы впервые испытали, когда поженились. Да, эти годы я украл. Но почему? Думай, Ирм! Что такого случилось, когда Джуди родилась, и мы узнали, что она никогда не сможет ходить? Как ты плакала: «Ал, пожалуйста, не надо больше детей!» Ирм, с того дня ты изменился. Вся твоя любовь ушла к Джуди. Ты стала холодна и холодна именно со мной, и ты не можешь это отрицать. Вот почему мы всегда боролись за секс, потому что ты боялся завести ребёнка. Потому что ты думала, что он будет рожден ненормальным. Я даже спрашивал врачей, что не так с нашей сексуальной жизнью, и они все отвечали: «пока у тебя не появится еще один ребенок, и он не родится нормальным, ты не будешь снова свободна любить».

Ирм, они были правы, доктора. Вспомни, как сильно ты волновалась после рождения Майкла, сколько раз ты ходила к доктору Карпу и когда родился Майкл, первое, что ты спросила у доктора Карпа, был ли он нормален, и ты ходила каждую неделю в его офис, пока не обрела уверенность, что всё хорошо. Ирм, тогда ты пришла ко мне и подарила мне любовь, которую я жаждал, но было слишком поздно. Более четырех лет с момента рождения Джуди до рождения Майкла ты заставляла меня страдать.

Я попал в тюрьму. Почему, Ирм? Даже Хильда знала. Она сказала тебе. Но ты не верила или не хотела верить. Я не знаю, как заставить тебя любить меня. Я выяснил слишком поздно, почему ты была фригидна. Оказывается, потому что ты боялась завести ребенка, но я был в тюрьме, и это то, что меня сейчас ранит. Когда я вышел, я верил в тебя и думал, что ты добра и хороша. Но позже я узнал другое. Вместо того, чтобы сказать, мол, Ал, давай начнем с чистого листа, забудем прошлое, что бы подумать о будущем, — так нет же, Ирм. Моих страданий целый год в тюрьме тебе не хватило. Один в одной комнате, пока ты была на улице, занималась тем,

чем хотела.

Ты знала, как сильно я тебя люблю. Но когда я вышел из тюрьмы, первое, что ты сказала, это то, что ты потратила впустую целый год. И если я опять причиню тебе боль, ты оставишь меня с детьми. И ещё ты сказала, что мне придется проявить себя перед тобой. Но ты забываешь о четырёх годах, которые отправили меня в тюрьму из-за тебя, ведь это ты заставила меня страдать. И все же, потому что я любил, я не оставил тебя. Но ты не дала мне любви. Чтобы доказать, как я прав, вспомни двухмесячную поездку в Германию, посмотри, как ты была холодна. Любовь — это дело двух, а не одного, Ирм, и не только тогда, когда этого хочешь ты.

Ирм, я не говорю, что это всё твоя вина. Потому что я тот, кто поступил неправильно. Но у меня была причина, поскольку я любил тебя. После того, как я освободился из тюрьмы — несмотря на всё, что я пытался сделать, — ты отказала мне в моих правах мужа, ты постоянно говорила мне, что я должен проявить себя, и говоря коротко, ты пыталась сделать мою жизнь адом, знаешь ли ты это или нет. Я искренне сожалею о том, что наделал, и мне придётся заплатить за это годами своей жизни. Но, видимо, этого всё ещё недостаточно для тебя. Ты сказала мне не писать или, если я всё-таки напишу, не выражать каким-либо образом мою любовь к тебе. Так что даже в это критическое время, когда я больше всего нуждаюсь в тебе, ты всё ещё заставляешь меня чувствовать себя без всякой надежды, и если я не могу обратиться к тебе, то у меня нет надежды, нет амбиций... Ты не можешь не знать, сколь ужасно ждать письма, которые не приходят, или любить кого-то, высмеивающим эту любовь. Что касается меня, я всё равно буду чувствовать то же самое в отношении моей любви к тебе, и я могу только надеяться, что когда-нибудь ты сможешь осознать степень моей любви и чувств к тебе... Сейчас я заканчиваю, же-

лаю самого лучшего тебе и детям.

P.S.: Отдай мою любовь моим Джуди и Майклу — навеки папочка.

Я буду любить тебя всегда

Люблю, Эл.»¹

¹ Для тех, кто желает ознакомиться с текстом на языке оригинала, приведу его: «Hi, Irm, I hope this letter finds you and the children well. As for myself, I'm okay and even though I have a lot of trouble I am still concerned mostly about you and how you feel about me. I don't blame you for my troubles or blame anyone else. But you will admit that if you treated me different like you told me all those years we lost, the love I had been searching for, that we first had when we were married. Yes, Irm I stole them. But why. Think Irm. What happened when Judy was born and we found out she may never walk. How you cried Al please no more babies. Irm from that day on you changed. All your love went to Judy. You were frigid and cold to me, and you can't deny this. That's why we were always fighting about sex, because you was afraid to have a baby. Because you thought it would be born abnormal. Irm I even asked doctors what was wrong with our sex life and they all said — until you have another baby, and it is born normal will you then be free to love again. Irm they were right, the doctors. Remember how much you were worried after Michael was born, how many times you went to doctor Karp and when Michael was born the first thing you asked doctor Karp was is he normal, and you went every week to his office til you were sure he was okay. Irm then you came to me and gave me love I had been starving for — it was to late. More than four years you made me suffer, from the time Judy was born till Michael was born. I went to jail. Why Irm. Even Hilda knew. She told you. But you didn't believe or want to. I didnt no how to make you love me. I found out to late why you were to frigid. Because you were afraid to have a baby, but I was in jail and this is what hurts me now. When I came out I believed in you and thought you kind and good. But later I found out different. Instead of you saying Al lets start out clean now, forget the past no matter what and think of the future, — no not you Irm. My suffering a whole year in jail was not enough for you. All alone in one room while you were free outside doing what you wanted. You knew how much I loved you. But when I came out the first thing you said was you

Видно, что письмо написано любящим и страдающим человеком. Но, как представляется, этот документ интересен для нас не столько этим, сколько тем, что он зримо демонстрирует специфику мышления ДеСальво, или если выразаться точнее, специфику изъянов его мышления. Это типичное письмо психопата — эмоциональное, нелогичное и совершенно бессодержательное. О чём это письмо? О любви ДеСальво к жене или, всё-таки, нелюбви? Он пытается таким образом удержать жену? Он действительно верит, что в его положении это возможно? Алберт умудрился несколько раз вступить

waisted one year. And if I hurt you again you would leave me with the children. And you said I would have to prove myself to you. But you forget about the four years witch put me in jail because of you — in witch you made me suffer. Yet because I loved you I didn't leave you. You gave me no love. To prove I'm right, when we went to Germany, two months, look how cold you were. Love is a two-way affair not one Irm, not just when you want it. Irm I'm not saying this is all your fault. Because I am the one who did wrong. But I had reason I loved you. After I came out of jail — despite everything I tried to do — you denied me my rights as a husband you constantly told me I had to prove myself and in short you tried to make my life a hell wether you knew it or not. I am really and sincerely sorry for what I have done and I will have to pay for it with years of my life. But apparently that is still not enough for you. You tell me not to write or if I write not to express in any way my love for you. So that even in this critical time when I need you most of all you are still making me feel hopeless and if I cant turn to you, I have no hope, no ambition.... You can't no how awful it is to wait for letters that do not come, or to love someone and be laugh at for that love. As for myself I will all ways feel the same in regards to my love for you and I can only hope that some day, you may realize, the extent of my love and feelings for you... I will close for now wishing the best for you and the children. P.S. Give my love to my Judy and Michael — there Daddy always. I will love you forever always

Love, Al

в противоречие с самим собой и даже не заметил этого. Ну в самом деле, ДеСальво заявляет в начале, что ни в чём не винит Ирмагд, а потом на протяжении всего текста пеняет ей за фригидность. Но разве можно к этому утверждению относиться серьёзно — это же чушь полнейшая! Напомним, что ДеСальво поддерживал с Ирмагд интимные отношения на протяжении 4 лет до брака! Неужели всерьёз можно верить тому, что пылкий ДеСальво взял в жёны фригидную женщину?!

Скажем прямо — это не тот человек, который стал бы терпеть рядом с собою сексуально холодную женщину. Если он надумал после 4-х лет близких отношений вступить в брак с Ирмагд, стало быть, интимная сфера устраивала его полностью и безоговорочно.

Перед нами явная попытка ДеСальво манипулировать женой. И с этой целью он прибегает к старому, но действенному приёму — пытается сформировать у *vis-a-vis* чувство вины. Чтобы вызвать это чувство, ДеСальво примеривает на себя костюм жертвы. Ничто не ново под Луной!

Здесь самое время задаться вопросом, являлся ли ДеСальво по-настоящему психически нездоровым человеком или же его пребывание в Бриджуотере носило лишь временный характер (т.е. диктовалось сугубо потребностями проведения стационарной психолого-психиатрической экспертизы)?

Доктор Эймс Роби (Ames Robey), наблюдавший Алберта непосредственно, безо всяких колебаний считал его шизофреником. По его мнению ДеСальво в 1964 и 1965 гг был недееспособен, т.е. он не отдавал себе отчёт в том, какие решения принимает и каковы могут быть их последствия. В своём месте мы ещё скажем о выступлении доктора Эймса в суде, в котором психиатр возмутился сделкой ДеСальво с Боттомли, совершенной в тайне от врачебного персонала. По мнению Эймса,

Психиатр Эймс Роби был лечащим врачом Алберта ДеСальво в психиатрической лечебнице в Бриджуотере с конца 1964 г по конец зимы 1967 г. Отношения Эймса и Алберта прошли через несколько фаз, в т.ч. и продолжительное охлаждение, во время которого ДеСальво высмеивал доктора и отказывался идти с ним на контакт. Однако в конце-концов ДеСальво понял, что именно Роби являлся тем человеком, который последовательно защищал его интересы. Последний телефонный звонок в своей жизни Алберт сделал именно Эймсу, произошло это менее чем за 2 часа до смерти первого. Интересна судьба Роби — после увольнения из Бриджуотера он создавал больницу психиатрического профиля для уголовников в г. Испиланти, штат Мичиган, стал первым её директором. С этой должности его изгнали, облыжно обвинив в халатности, из-за которой на свободу вышел

серийный убийца Гэри>Addисон Тэйлор (Gary Addison Taylor), убивший после освобождения не менее 4 человек. Эймс Роби судился с властями штата, доказал свою невиновность и получил компенсацию в размере 15 тыс. \$. Работы, однако, он лишился и до конца жизни — а умер он в 2 сентября 2004 г — был вынужден заниматься частной практикой.

представитель правоохранительных органов не имел ни юридического, ни морального права заключать подобную сделку с тяжело больным человеком.

Однако помимо мнения Роби известно и другое очень любопытное наблюдение, позволяющее составить представление о мышлении ДеСальво, его способности к анализу и эмпатии, т.е. сопереживанию и способности разделять эмоциональное состояние других людей. Этим наблюдением мы обязаны Джорджу Нассару, сокамернику ДеСальво в Бриджуотере; Алберт с ним близко сошёлся и даже после того, как Нассара перевели из Бриджуотера в другую тюрьму, ДеСальво продолжал поддерживать отношения. Они регулярно созванивались, известно, что последний телефонный разговор между ними произошёл за месяц до гибели ДеСальво. Так вот уже в 21 веке Нассар во время интервью Сюзан Келли припомнил следующую историю. Коллегой ДеСальво по работе в строительной компании являлся некий плотник Виггинс (Wiggins), мужчина пожилой, степенный, и по-видимому, очень добрый. Он несколько раз приглашал к себе домой Алберта. После того, как ДеСальво был арестован и попал в Бриджуотер, плотник регулярно приезжал вместе с женою его проведать — они привозили какую-то домашнюю снедь и по долгу разговаривали с Албертом. Кроме того, Алберт

периодически звонил супругам по телефону и они с удовольствием с ним общались. В общем, пожилые люди испытывали душевную привязанность с годившемся им в сыновья ДеСальво и всячески поддерживали его, считая пребывание бедолаги в психушке грубой ошибкой следствия.

Так продолжалось до тех самых пор, пока средства массовой информации не сообщили о том, что «Бостонский Душитель» найден и это — Алберт ДеСальво. После этого Виггинсы пропали. ДеСальво им позвонил, напомнил, так сказать, о себе и в ответ услышал просьбу не беспокоить их более... Алберт оказался крайне озадачен поведением своих друзей и рассказал о произошедшем Нассару. Последний только пожал плечами и усмехнулся, дескать, а какую реакцию ты ожидал увидеть от людей после того, как сознался в убийстве тринадцати женщин? Тут уже пожал плечами ДеСальво и недоуменно переспросил в ответ, мол, а что здесь такого? Алберт искренне не понимал, почему супруги Виггинс не хотели с ним общаться, он же не сделал им лично ничего плохого! Он же не их убивал и не их родственников, а каких-то других, совершенно посторонних женщин! Почему с ним не хотят разговаривать?!

Этот рассказ, по-видимому, имевший под собой реальную основу, выпукло характеризует эмоциональную тупость, характерную для психопатов вообще и ДеСальво в частности. Раньше, в XIX-ом и первой половине XX-го столетий судебные психиатры и психологи подобное отсутствие совести называли «нравственной идиотией». Впоследствии этот термин смягчили, дабы не обижать нравственных идиотов, теперь принято говорить об «эмоциональной холодности» и «отсутствии эмпатии», но подобная игра в слова не меняет сути явления. ДеСальво являлся абсолютно бессовестным человеком, таким, который даже не задумывался над степенью соб-

Джордж Нассар во время телеинтервью весной 2019 г. На момент написания этой книги — т.е. осень 2019 г — бывший сокамерник ДеСальво жив и продолжает отбывать пожизненное заключение. Он периодически даёт интервью и порой прямо-таки жжёт напалмом, вспоминая знаменитого дружка и проделки собственной молодости. Нассар всегда подчёркивает — без этого не обходится ни одно его интервью — что не является «Бостонским Душителем». Он настаивает на том, что полиция Бостона очень хотела связать его с этими преступлениями, проверяла его alibi, проводила опознания, но в конечном итоге отказалась своих подозрений.

ственной аморальности.

Эймс Роби, рассказывая о ДеСальво в суде, назвал его человеком с нулевой эмпатией. Это то, что необходимо знать об Алберте.

В начале сентября 1965 г Джон Боттомли вступил в официальную переписку с ФБР с целью получить информацию о ДеСальво, которой Бюро могло располагать ещё со времени службы последнего в рядах вооруженных сил. Территориальное подразделение Бюро сразу же поставило об этом в известность высшее руководство, известно, что соответствующую информацию получал Гувер.

20 сентября офис Генерального прокурора Массачусетса распространил сообщение, в котором уведомлял население о том, что человек, совершавший убийства женщин посредством удушения на протяжении ряда лет, идентифицирован. Словосочетание «Бостонский Душитель» не употреблялось, но особых сомнений в том, что именно подразумевалось в сообщении Генпрокуратуры штата, ни у кого не возникло. Фамилия ДеСальво не называлась. Джон Боттомли явно руководствовался мудрым правилом «чем талантливее режиссёр, тем длиннее пауза».

Тем не менее, Федеральное Бюро Расследований получило от Генеральной прокуратуры Массачусетса официальное сообщение, гласившее, что в убийствах «Бостонского Душителя» подозревается Алберт ДеСальво. Причём, из обнародованной ныне переписки Генпрокуратуры и Бюро можно заключить, что на этом этапе — т.е. очень 1965 г — правоохранители Массачусетса рассматривали возможность предания ДеСальво суду за убийства! Если мы вспомним, что Боттомли гарантировал ДеСальво невыдвижение обвинений в тех убийствах, в которых тот сознается, картина получается прелюбопытной. Законники из Генеральной прокуратуры

всерьёз планировали отказ от собственных обещаний!

ФБР, узнав фамилию предполагаемого «Фантома», затеяло его проверку по своей линии. Согласно юридическим нормам, выработанным ещё в 1930-е годы, Бюро расследовало преступления, связанные с пересечением границ штатов (т.н. трансграничная преступность), поэтому перевозка из штата в штат похищенных людей, либо трупов, традиционно относились к компетенции ведомства Гувера. Когда из Массачусетса поступила информация о ДеСальво, дающем признательные показания по ряду убийств на сексуальной почве, его стали проверять на возможную причастность к нераскрытым убийствам, которые числились за ФБР. 28 января 1966 г руководство Бюро санкционировало проведение комплекса проверочных мероприятий, призванных выявить возможную причастность ДеСальво к убийству неизвестной белой женщины, обозначаемой в документах номером 67С.

Её обнаженный труп летом 1964 г был найден в лесной местности возле городка Чеверли (Cheverly), штат Мэриленд, неподалёку от столицы страны Вашингтона. В вагину убитой была введена пустая бутылка из-под дешёвого калифорнийского вина. Тело было сильно повреждено разложением, однако судебно-медицинская экспертиза смогла установить, что причиной смерти явилось удушение. Предположительно, женщина была изнасилована, но полной ясности в этом вопросе ввиду плохого состояния тела экспертиза внести не смогла. Убитая не являлась местной жительницей и установление её личности явилось первоочередной задачей начатого местной полицией расследования. Довольно быстро выяснилось, что поскольку заявлений об исчезновении женщин не поступало, убитая не являлась местной жительницей. Район поисков расширился, потом — ещё раз. Когда стало ясно, что 67С не из Мэриленда, к расследованию было привле-

UNITED STATES GOVERNMENT
Memorandum

TO: Mr. Belmont
 FROM: A. Rosen
 SUBJECT: UNKNOWN SUBJECT
 ALSO KNOWN AS
 THE STRANGLER
 INFORMATION CONCERNING

DATE: September 24, 1965
 1 - Mr. Tavel
 1 - Mr. Callahan (Attention [redacted])
 1 - Mr. DeLoach
 1 - Mr. Belmont
 1 - Mr. Rosen
 1 - [redacted]

On 9/20/65, the Boston Office furnished information received from Massachusetts Attorney General's office and the Boston Commissioner of Police to the effect that local authorities believe they have identified the individual responsible for the eleven strangulation murders which have occurred in the Boston area during the past several years. The local authorities identified the suspect as one Albert Henry DeSalvo, currently incarcerated at the Bridgewater State Hospital in Massachusetts.

The Identification Division has furnished a record (attached) under FBI Number 84 639 B for one Albert Henry DeSalvo, who was received on 11/6/64, at the Massachusetts Correctional Institution, Bridgewater, Massachusetts. This Identification Record sets forth [redacted] 163-12664-

[redacted]

6 OCT 22 1965

Enclosure

ALL INFORMATION CONTAINED HEREIN IS UNCLASSIFIED DATE 10/20/00 BY 61100/STP

CONTINUED - OVER

Date: 9-30-65

Transmit the following in _____
 (Type in plain text or code)

Via AIRTEL _____
 (Type in method of mailing)

TO: DIRECTOR, FBI
 FROM: LEGAT, BONN (63-1508) (P)
 SUBJECT: ALBERT HENRY DE SALVO
 RSC

FBI-84-639-B
 9-1

[redacted]

[redacted]

[redacted]

[redacted]

ALL INFORMATION CONTAINED HEREIN IS UNCLASSIFIED DATE 10/20/00 BY 61100/STP

LEAD # BOSTON:

Secure details of crimes of which subject is accused in Massachusetts, with particular reference to the modus operandi.

Also obtain photograph and fingerprints

[redacted]

NOV-14 163-12664-1
 (1 - Liaison) (2 - Boston) (3 - [redacted])
 (6) kmj/c

19 OCT 6 1965

Approved: [redacted] Sent [redacted]

Некоторые из документов ФБР, связанные с Албертом ДеСальво. Слева: меморандум (информационное письмо различным службам и отделам) от 24 сентября 1965 г, сообщаящий о сделанном четырьмя днями ранее Генеральной прокуратурой Массачусетса заявлении о разоблачении «Бостонского Душителя». В меморандуме приводятся установочные данные ДеСальво, чего не было в заявлении Генпрокуратуры. Можно видеть, что половина текста замарана цензурой при снятии с документа грифа секретности.

Несложно догадаться, что именно пытались скрыть контрразведчики — предписание службам и отделам Бюро провести проверку по своим базам и учётам и доложить руководству в случае обнаружения материалов на лицо с указанными установочными данными. Справа: ответ Директору ФБР Гуверу из Представительства Бюро в Бонне

от 30 сентября 1965 г, предоставленный на запрос данных о ДеСальво. Текст ответа полностью вымаран при рассекречивании документа. Там, по-видимому, было написано нечто такое, что нельзя было обнародовать даже спустя 30 лет со времени подготовки документа.

чено ФБР. Этот «висяк» числился за Бюро уже более года, проверить ДеСальво на причастность к этому преступлению представлялось делом вполне логичным, поскольку Алберт душил белых женщин и придавал их телам непристойные позы.

Расстояние от Чеверли до Бостона составляло примерно 630 км по прямой — это было слишком много для «Бостонского Душителя», район активности которого ограничивался прямоугольником 35 км * 15 км. Тем не менее, сотрудники ФБР предприняли попытку проверить предположение, согласно которому 67С являлась жительницей Бостона или его пригородов, которую ДеСальво похитил в первой половине 1964 г. Работа эта никаких видимых результатов не принесла, и в конечном итоге ДеСальво не удалось связать с неопознанным трупом, найденным в окрестностях Чеверли.

В конце сентября 1965 г Джон Боттомли закончил свою работу с ДеСальво в Бриджуотере. Легенда о «Бостонском Душителе» приобрела свой канонический вид, в котором и пребывала последующие десятилетия. Строго говоря, официальная версия событий 1962—1964 гг в Бостоне и поныне остаётся примерно в том же самом виде, что и в середине осени 1965 г, с тем, правда, дополнением, что прокуратура штата считает сейчас расследование не закрытым и формально продолжает его. Да-да, это не опечатка — официально признаётся, что ДеСальво является тем самым «Бостонским Душителем» и показан

ния его соответствуют истине, но при этом расследование убийств продолжается. Такой вот интересный юридический дуализм. Впрочем, делая эти уточнения, мы сильно забежали вперед.

Боттомли понимал, что сложившуюся — или придуманную, неважно! — версию событий важно правильно скормить публике, иначе скандального провала не избежать. Основная масса детективов, занимавшихся расследованиями убийств, приписанных «Фантому», смотрела в сторону Бюро «Душителю» с крайним скепсисом. Джон Донован, начальник Отдела расследования убийств BPD, заявлял Боттомли о недоверии признаниям ДеСальво без обиняков, что называется, в глаза. Понятно было, что выйти на публику и прямо заявить, что ДеСальво — Душителю, значило вызвать в свой адрес шквал уничижительной критики. Важно было провести надлежащую «подготовку электорального поля», как выражаются политики, когда подразумевают масштабное манипулирование общественным мнением. Боттомли начал эту подготовку с яркого информационного вброса, сделанного в федеральную прессу.

2 октября 1965 г газета «Вашингтон пост» со ссылкой на свой источник в Бостоне, сообщила о том, что «Бостонский Душителю» установлен. Это отец двух детей, проживающий в Малдене, имя его будет названо примерно через 60—90 дней, органы защиты правопорядка заняты подготовкой в отношении него необходимых законных действий. Заметка была фальшива чуть менее, чем полностью, ДеСальво проживал, в общем-то, не в Малдене, и никто в тот момент против него никаких действий не готовил, ибо в силе оставалась его сделка с прокуратурой штата, исключавшая выдвижение против него обвинений в убийствах.

Тем не менее, информационный вброс получился на славу. Массачусетские журналисты бросились на по-

иск сведений о личности Душителя, но никто ничего толком не знал, а потому фамилия ДеСальво долгое время нигде никем не упоминалась. Боттомли хранил многозначительное молчание и, как опытный дирижёр из известной поговорки, «тянул паузу».

Минули обещанные в публикации «Вашингтон пост» 60 дней, затем 90. Никто — ни Генпрокурора Брук, ни сменивший его на этом посту Ричардсон, ни руководитель Бюро «Душитель» Боттомли, ни начальник Отдела расследования убийств бостонской полиции Донован — не спешил внести ясность в происшедшее... 29 апреля 1966 г в газете «Record American» появилась статья, в которой сообщалось, что в Бриджуотере содержится человек, виновный в 13 убийствах, связываемых с «Фантомом». Фамилия этого человека не называлась, но уточнялось, что интересы преступника представляют адвокаты Ли Бейли и Джон Эйгерссон. Судья Фредерик МакМинимэн (Frederick McMenimen) должен был принять решение об умственном состоянии заключенного и его подсудности. Газета обратилась за комментарием к окружному судье округа Миддлсекс Джону Дрони (John J. Droney), но тот отказался высказываться на заявленную тему. В статье особо подчёркивалось существование проблемы выбора юрисдикции, поскольку «Бостонский Душитель» совершал преступления на территориях 3 округов, а потому не совсем было ясно, где именно его следовало судить.

Статья эта была отнюдь не единственной, публикаций схожего содержания в те дни и месяцы было много. Но она интересна для нас тем, что в ней прямо поднимался вопрос о предании преступника суду, что, напомним, прямо противоречило договорённости Боттомли и ДеСальво. Это означает, что даже спустя 10 месяцев со времени её оформления средства массовой информации, а также юридическое сообщество и общественность

оставались в неведении о факте её существования. Боттомли не считал нужным вносить ясность в этот вопрос, в том числе и потому, что рассматривал, видимо, возможность не соблюдать договоренность с ДеСальво.

Так кто же убил Бесси Голдберг?

Тот, кто прочёл первую часть этой книги, наверняка не забыл описанное там убийство 62-летней Бесси Голдберг. Преступление это произошло 11 марта 1963 г и раскрыть его удалось довольно быстро — менее чем через двое суток был арестован 35-летний чернокожий разнорабочий Рой Смит, который в день убийства помогал Бесси с уборкой дома. Последняя пригласила его через бюро услуг, дабы тот передвинул мебель и выполнил кое-какие мелкие поручения. Рой Смит вины не признал, но заpiresательство помогло ему мало и в конечном итоге он был осуждён на пожизненное заключение в тюрьме.

История, в общем-то, вопросов не вызывала. Во всяком случае, у Джона Боттомли не вызывала точно.

Однако вопросы появились у некоей Эллен Джангер (Ellen Sinclair Junger), женщины, не попадавшей в поле зрения Бюро «Душитель» вплоть до весны 1965 г. Если быть совсем точным, то до этого времени она вообще никогда не попадала в поле зрения правоохранительных органов штата Массачусетс. Эллен проживала в Белмонте в доме №21 по Сидар-роад (Cedar Road), на удалении около 1,7—1,8 км от Бесси Голдберг. Их нельзя было называть соседями — они даже не были знакомы — но подобное расстояние для людей, всё время перемещающихся на автомобилях, согласитесь, совсем невелико. Узнав, что ДеСальво — убийца, Эллен Джангер имела все основания забеспокоиться, ведь она хорошо была с ним знакома!

Эллен летом 1962 г родила сына Себастиана и, проводя с ним дома целые дни, решила подработать, давая уроки живописи. Дело пошло хорошо и Эллен надумала оборудовать настоящую мастерскую — со стеклянными

Эллен Джангер с сыном Себастианом (на переднем плане) и ДеСальво с Бломертом (на заднем). Фотография сделана 12 марта 1963 г, на следующий день после убийства Бесси Голдберг. По странному стечению обстоятельств этот день оказался последним днём работы ДеСальво в доме Джангер — более он там не появился, хотя строительные работы в пристройке Эллен продолжались ещё более двух месяцев.

потолком и стенами, а также отоплением, чтобы можно было работать в холодное время года. Она договорилась с мужем оборудовать пристройку к дому и наняла компанию, которая должна была выполнить необходимые работы. А бригадир, которого звали Рассел Бломберт (Russ Blomerth), согласовав проект и пожелания заказчиков, привёл для работы... Алберта ДеСальво.

Правда, фамилии его тогда Эллиен Джангер не знала, она обращалась к нему «Эл» — сокращенно от «Алберт» — и встречались они практически ежедневно на протяжении всей зимы 1962 — 1963 гг. Хотя Эл привозил свой термос и обед, Эллиен частенько угощала его собственной стряпнёй и ДеСальво никогда не отказывался, уплетая за обе щеки приготовленные ею омлет или бутерброды с ветчиной. Во время «кофе-тайма» или обеденного перерыва они общались — это всегда были очень доброжелательные и милые разговоры, ДеСальво производил впечатление человека внимательного, нежного, с трепетом рассказывавшего о жене и детях. Он даже мог бы показаться женственным, если бы только не его необычайная сила — по словам Эллиен, это был самый сильный мужчина из всех, кого она встречала за всю жизнь. Он без видимых усилий в одиночку ворочал длинные доски, брусы, дверные полотна, толстые стёкла. И никогда не уставал.

Можно предположить, что в этих воспоминаниях о необычной силе ДеСальво мы имеем дело с ретроперспективной оценкой, при которой Эллиен наделила Алберта некими особыми чертами, зная, что этот человек признался в страшных злодеяниях. Действительно, внешний облик ДеСальво не несёт печать выраженного атлетизма и нам сложно поверить в объективность оценок физической силы мужчины, сделанных молодой женщиной. Нет никакой точной информации о том, какие нагрузки ДеСальво в действительности переносил, какую выносливость или силу демонстрировал. Но мы знаем, что тогда Алберту шёл 32-й год, он был ещё достаточно молод и здоров, отслужил несколько лет в армии, не имел вредных привычек и при росте 177 см весил 70 кг, так что его физические кондиции можно считать не ниже средних. Но можно сослаться и на воспоминания Раса Бломберта, который также отзывался о ДеСаль-

во, как о человеке большой физической силы и притом очень выносливом. По его словам, Алберт любил работать один, он никогда не жаловался на то, что ему тяжело и нужен помощник.

Во время работы Алберта в доме Джангер, точнее, в его пристройке, произошли два необычных эпизода, которые врезались в память Эллен. Один из них заключался в том, что она однажды утром открыла дверь из дома в подвал и с удивлением увидела там ДеСальво. Эллен не знала, что Алюберт подъехал к дому, поскольку не видела его автомашины, поэтому его неожиданное появление в подвале заставило женщину насторожиться. Она спросила, что он здесь делает и как вообще сюда проник? Алберт ответил, что стиральная машина, установленная в подвале, подтекает... Это был абсурдный ответ, совершенно бессмысленный, стиральная машина была выключена и не могла подтекать! ДеСальво очень требовательно смотрел на Эллен Джангер и та поняла, что ситуация выглядит, мягко говоря, странной. Женщина не стала спускаться в подвал, а приказала ДеСальво уйти и никогда больше так не поступать.

Через несколько минут они встретились на улице, Алберт работал в пристройке и лучезарно улыбался, словно ничего не случилось. Эллен не обсуждала с ним этот эпизод, сделав вид, будто ничего не произошло. Также она ни слова не сказала мужу, здраво рассудив, что тот встревожится и потребует от Бломберта заменить ДеСальво. Алберт, однако, работал хорошо и быстро и поэтому Эллен не хотела, чтобы вместо него пришёл другой работник.

Не вызывало сомнений, что Алберт вошёл в подвал с улицы, замок на двери оказался открыт, хотя Эллен была уверена, что закрывала его. Джангер так и не выяснила, воспользовался ли он отмычками, или же дверь действительно осталась незапертой с предыдущего дня,

но с тех пор Эллен стала с большой осторожностью спускаться в подвал.

До поры до времени случай этот оставался втуне и прошло несколько лет, прежде чем Эллен Джангер рассказала о том странном происшествии...

Другой необычный инцидент оказался связан с одной из учениц Эллен, приходившей к ней для занятий живописью. ДеСальво, увидев совсем юную девочку, лет 14 или 15, принялся с ней фривольно кокетничать, говорить комплименты, заглядывать в глаза и даже обнял за талию. Эллен Джангер в эту минуту отсутствовала и, войдя в студию, была немало поражена тем, сколь раскованно вёл себя ДеСальво с совершенно незнакомой ему юной девицей, явно смущавшейся вниманием взрослого мужчины. Эллен была возмущена фривольным поведением Алберта и резко его отчитала. Тот заметно смутился и постарался отговориться тем, что ничего плохого не сделал и не сказал. Однако инцидент этот произвёл на Эллен очень неприятное впечатление — она хорошо помнила пугающее появление ДеСальво в подвале собственного дома и вот теперь Алберт опять открылся с неожиданной стороны.

Эллен хорошо запомнила день убийства Бесси Голдберг. ДеСальво работал до обеда в пристройке к дому, Эллен никогда его не контролировала и в течение дня он мог несколько раз появляться и исчезать, объясняя это необходимостью подкупить какой-то инструмент или расходные материалы. Во второй половине дня Джангер ездила в магазин и увидела полицейское оцепление вокруг квартала, в котором находился дом Голдбергов. Узнав, что там произошло преступление в результате которого погибла хозяйка дома, Эллен была поражена. Как упоминалось в книге I, Белмонт являлся городом среднего класса, в нём в первой половине 1960-х гг не происходило преступлений — а тут такое!

Потрясенная услышанным Эллен вернулась в свой дом. Через некоторое время, увидев через окно ДеСальво, вышла к нему и рассказала об убийстве на Скотт-роад. Алберт в ответ отозвался несколькими полагающимися для такого случая фразами, дескать, надо же, временно такие, куда катится наш мир и пр. Ничего особенно подозрительного в ту минуту вроде бы не произошло... но самое интересное случилось позже.

На следующий день — 12 марта 1963 г — появился Бломерт. Он посмотрел как продвигается стройка, поговорил с ДеСальво и Эллен Джангер и даже сфотографировался с ними (именно тогда и была сделана фотография, приведенная выше). Затем бригадир уехал, а после него неожиданно стал складывать вещички и инструмент ДеСальво. В тот день он уехал раньше времени и более в доме Джангеров не появлялся. Стройку вместо него заканчивали другие рабочие, работы велись вплоть до конца весны, т.е. ещё 2 месяца или более.

Почему ДеСальво более не появлялся на Сидар-роад, Эллен Джангер так и не выяснила. Она довольно быстро забыла об Алберте, что легко объяснимо — в её жизни это был проходной персонаж, с которым молодую женщину ничего не связывало.

Однако всё изменилось весной 1965 г, когда Эллен Джангер, подняв трубку настойчиво звонившего телефона, услышала хорошо знакомый голос Рассела Бломерта. Тот сказал такое, что Эллен менее всего была готова услышать. По его словам, Алберт ДеСальво мог быть тем самым «Бостонским Душителем», о котором ещё недавно много писали газеты, и поскольку Эллен довольно хорошо знала Алберта, ей, возможно, следует связаться с полицией.

В тот момент фамилия ДеСальво в прессе ещё не фигурировала, а потому не совсем ясно, откуда строительный подрядчик узнал о том, что Алберт сознался в пре-

ступлениях «Душителя». Можно предположить разные варианты развития событий, но наиболее достоверным представляется то, что источником его хорошей осведомленности явился плотник Виггинс, работавший у Бломерта и друживший с ДеСальво. Последний регулярно звонил Виггинсу из Бриджуотера и плотник с женой ездил на свидания с ним дважды в месяц. Впрочем, Рассел мог узнать обо всём, минуя Виггинса, поскольку весной 1965 г Бюро «Душитель» уже активно проверяло обстоятельства жизни ДеСальво и по минутам восстанавливало его перемещения. Понятно, что работодателя дотошно допрашивали, выясняя все возможные детали, связанные с подозреваемым.

Как бы там ни было, Рассел Бломерт посчитал своим долгом связаться с Эллен Джангер и рассказать последние новости. Женщина подумала — подумала, да и написала письмо Джону Боттомли, благо его имя и фамилия в те дни были, что называется, на слуху.

Никакой реакции эта инициатива не возымела, более того, когда уже в 21 столетии Себастиан Джангер, сын Эллен, попытался отыскать письмо матери, выяснилось, что в архиве Бюро «Душитель» такого документа нет. Что с ним случилось, сейчас сказать уже невозможно, быть может, оно просто не было доставлено адресату (что кажется маловероятным), а быть может, его попросту уничтожил сам Боттомли, сочтя не представляющим интерес.

История на этом отнюдь не закончилась. Эдвард Брук, Генеральный прокурор штата, получив в начале 1966 г от Джона Боттомли доклад, возлагавший вину в убийствах на Алберта ДеСальво, испытал, по-видимому, сомнения в точности представленных данных.

Причин для сомнений могло быть множество. Генеральный прокурор наверняка помнил скандальную историю с Хуркосом, в которую его ведомство втравил Бот-

томли, который поначалу бодро и даже с энтузиазмом рапортовал о неминуемом успехе инициативы с привлечением экстрасенса. Наверняка добавил масла в огонь и Донован, начальник Отдела расследования убийств BPD, поставивший под сомнение результаты работы Бюро «Душителю». Когда Донован узнал, что Боттомли считает «Бостонским Душителем» бедолагу ДеСальво, то возмущению его не было предела. Лейтенант добился встречи с Генеральным прокурором, во время которой подверг «успехи» Боттомли уничижительной критике. О том, что такая встреча имела место в марте 1966 г, нам известно со слов самого Донована, рассказывавшего о ней несколько раз после ухода из полиции Бостона на пенсию (Донован возглавил полицию одного из кампусов и много общался со студентами, а также не отказывался от интервью).

Во время этой встречи Донован рассказал Генпрокурору о находящемся в Бриджутере шизофренике Арнольде Уоллесе, который по результатам полицейской проверки намного лучше подходил на роль «Фантома», нежели Алберт ДеСальво. Уоллес в течение 1962 г 5 раз без разрешения врачей уходил из психиатрических лечебниц и даты его отсутствия соответствовали времени совершения убийств! Уоллес сознавался в убийствах родной сестре! Наконец, в мае 1963 г Уоллес был замечен всего лишь в одном квартале от дома Беверли Саманс, которую также считали жертвой Душителя, и произошло это через считанные часы после предполагаемого времени совершения убийства. Об этом известно совершенно точно, поскольку в тот день Уоллес получил 1,5\$ от настоятеля церкви, расположенной в непосредственной близости от дома, в котором квартировала убитая. Священник опознал Уоллеса, который ввиду дефекта строения челюстей и отсутствующего верхнего резца имел довольно приметную внешность. Помимо этого имелись

ещё три опознания, также сделанные священниками церкви, расположенными в непосредственной близости от домов, в которых проживали жертвы «Бостонского Душителя». Уоллес обращался к ним за получением бесплатного питания или одежды, причём его визиты происходили в дни предшествующие убийствам. Налицо была явная схема — Уоллес появлялся в районе, бродил там несколько дней, потом совершал убийство и скрывался! Помимо описанных совпадений имелось и другое — после того, как Уоллес в январе 1964 г попал в Бриджуотер, душения в Бостоне и окрестностях прекратились.

Далее Донован справедливо указал на то, что ДеСальво отнюдь не первым сознался в убийствах, приписываемых «Бостонскому Душителю». Прекрасным образчиком такого рода самооговоров явились признания некоего Дэниела Пенначчио (Daniel Pennacchio), сознавшегося в убийстве Беверли Саманс в мае 1963 г, буквально спустя неделю с момента совершения преступления. Пенначчио точно описал обстановку в квартире убитой, её одежду, характер ранений, их число и локализацию. Лишь при тщательной проверке его заявления выяснилось, что у Дэниела имелось железное alibi на время совершения преступления, а помимо этого оказалось, что Пенначчио выдумывает детали, которых на самом деле не существовало. Удалось выяснить источник его удивительной осведомленности — Пенначчио, имевший задержку в развитии — учился в школе, в которой подрабатывала Беверли Саманс, он знал её лично и даже бывал в её квартире. Видимо, смерть Беверли потрясла юношу с неустойчивой психикой и в его голове сложилось убеждение, будто преступление совершил именно он. Когда бедолагу отправили домой, он не хотел уходить и настаивал на том, что убийство совершенно им и никем другим, а потому его надлежит поместить в тюрьму!

Помимо этого, Донован заявил, что Джон Боттомли

серьёзно ограничивает возможность установления истины необоснованным волюнтаризмом. В частности, он отказался рассматривать связь убийства Беверли Саманс с двойным убийством в Нью-Йорке, имевшим место 28 августа 1963 г. Тогда в «Большом Яблоке» в квартире по месту проживания были зарезаны кухонным ножом 23-летняя Эмили Хофферт (Emily Hoffert) и её соседка Дженис Уайли (Janice Wylie), 21 года. Имелся отличный подозреваемый, связанный с местами преступлений в Кембридже и Нью-Йорке, и что же? Боттомли отклонил предложения о проверке этого направления, что следовало признать непрофессиональным¹.

Лейтенант Донован задал Генеральному прокурору штата обоснованный вопрос: почему Боттомли признал душителем ДеСальво, полностью проигнорировав находившегося в том же Бриджуотере Уоллеса? Почему к ДеСальво закрыт доступ сотрудникам прокуратуры и детективам полиции? Его невозможно допросить, суть его признаний остаётся никому неизвестной, но Боттомли уже намекнул журналистам, что «Бостонский Душитель» разоблачён! Как это называть — заговор? провокация? — что вообще происходит?!

Разговор между Бруком и Донованом получился, по видимому, очень острым, у Генерального прокурора штата не нашлось ответов на заданные вопросы и он явно

¹ К концу 1965 г правоохранительные органы успешно раскрыли двойное убийство в Нью-Йорке, преступником оказался 22-летний грабитель и наркоман Ричард Роблс (Richard Robles), не имевший ни малейшего отношения к гибели Беверли Саманс. Тем не менее, возможную связь преступлений в Нью-Йорке и Кембридже, разделенных интервалом времени менее 4-х месяцев, имело смысл проверить, поскольку нападения оказались весьма схожи некоторыми деталями.

заподозрил грязную игру со стороны Боттомли. Брук уже планировал свою дальнейшую политическую карьеру и вовсю вёл избирательную кампанию в Сенат США, которую, кстати выиграл в конце года, став первым чернокожим парламентарием в истории страны. Потому он не мог не понимать, что любой серьёзный скандал вокруг Бюро «Душитель» мог самым пагубным образом сказаться на успехе его карьеры.

Поэтому Генеральный прокурор решился на довольно нетривиальный поступок. Явившись в помещение, занятое Бюро «Душитель» — а оно располагалось в здании Департамента юстиции штата — Брук неожиданно обратился к детективу Стиву Делани, работавшему под началом Боттомли. Генеральный прокурор поинтересовался, что детектив думает об убийстве Бесси Голдберг? Делани никогда не изучал материалы этого расследования, поскольку, напомним, оно считалось успешно законченным, убийца найден и осужден, а Бюро «Душитель» работало только с материалами тех преступлений, которые официально считались нераскрытыми. Делани так и объяснил Генеральному прокурору, дескать, полицейские материалы по убийству Бесси Голдберг он не видел, но судя по тому, что писали газеты, преступление очень похоже на те, что связывались с «Бостонским Душителем».

Брук выслушал ответ детектива и приказал ему отложить все дела и заняться проверкой, с целью выяснить не существует ли связи убийства Голдберг с аналогичными случаями удушений пожилых женщин в 1962 — 1963 гг. Поручение это выглядело в высшей степени необычно, поскольку никогда прежде Генеральный прокурор штата не командовал людьми, находившимися в подчинении Джона Боттомли. Помните средневековую поговорку «вассал моего вассала не мой вассал»? В строго иерархических структурах работает тот же принцип;

Рой Смит не признал свою вину в убийстве Бесси Голдберг и до конца своих дней боролся за отмену вынесенного судом приговора. Тюремная администрация предлагала ему помочь с условно-досрочным освобождением, но для этого требовалось написать прошение о помиловании. Поскольку подобное прошение подразумевало признание вины, Смит отказывался его подавать, предпочитая оставаться за решёткой.

Брук не мог командовать подчиненными Боттомли напрямую, однако, в марте 1966 г он пренебрёг этим правилом. И сделал это в присутствии Боттомли, тем самым как бы отодвинув его в сторону и продемонстрировав — пусть и не в явной форме — недоверие результатам работы последнего.

Что оставалось делать Боттомли? В таких ситуациях работает старое правило: «не можешь остановить процесс — постарайся его возглавить». Начальник Бюро «Душитель» полностью согласился с шефом (ещё бы он с ним не согласился!) и посоветовал подключить к этой работе лейтенанта Эндрю Туни, другого члена Бюро.

Сказано — сделано! Делани и Туни приступили к работе. И начали они с того, что отправились в Белмонт. Руководствовались они самыми благими намерениями:

хотели ознакомиться с материалами дела, почитать заключение судмедэксперта, служебки детективов, послушать магнитофонные записи допросов Роя Смита, ну и, само-собой, потолковать с теми, кто работал над делом. Нельзя сказать, что их ожидал холодный приём — нет! — коллеги из местного Департамента полиции согласились помочь, но произошла занятная накладка. В то самое время в суде находилась апелляция, поданная адвокатом Роя Смита. Окружной прокурор, узнав о том, что в Белмонте появились люди Боттомли, встревожился и обратился к судье с жалобой на действия прокуратуры штата. Да-да, именно так, вы поняли всё правильно! Окружная прокуратура оспорила правомочность Генеральной прокуратуры штата вмешиваться в её юрисдикцию на этапе рассмотрения апелляции! Судья внял этому обращению и... запретил прокуратуре штата осуществлять любое вмешательство в дело об убийстве Бесси Голдберг вплоть до окончания апелляционного процесса. Запрещался в том числе и сбор информации.

На этом основании у Делани и Туни все следственные материалы тут же забрали, извинились и... выставили из здания полиции вон. Оба были шокированы таким отношением. Но положила руку на сердце, следует признать, что основания для такой реакции имелись — к концу первого квартала 1966 г репутация Боттомли среди членов правоохранительного сообщества была самая отвратительная, поэтому никто ничего путного не ожидал ни от него самого, ни от его подчиненных.

Что могли в этой ситуации предпринять Делани и Туни? Вернуться к Генпрокурору Бруку и посетовать на то, что выполнить его поручение они не смогли? Детективы сочли недопустимым поступить так, во-первых, это было унижительно для их профессиональной чести, а во-вторых, вопросы, связанные с убийством Бесси Голдберг, объективно были очень важны для дальнейшей работы

и требовали ответов.

Поэтому Делани и Туни решили работу свою в Белмонте не заканчивать. И отправились они к Эллен Джангер.

Эллен, встретив визитёров, обрадовалась, решив, что причиной их появления послужило письмо, отправленное ею Боттомли несколькими неделями ранее. Однако полицейские заявили, что ничего о письме не знают и их, вообще-то, интересует ДеСальво. На что Эллен заявила, что её письмо именно ДеСальво и было посвящено! Ситуация сложилась двусмысленная и потребовалось некоторое время, прежде чем появилась необходимая ясность.

Обо всех этих любопытных деталях спустя много лет в одном из интервью рассказал Стив Делани, человек в высшей степени интересной судьбы. Родился он в 1925 г, после воинской службы попал в полицию, начинал работу в патруле, проводил рискованные задержания, был ранен при исполнении служебных обязанностей, затем получил повышение и попал в детективы. На этой стезе у него появилось довольно необычное хобби — он стал изучать случаи смерти от удушений, собирал информацию как о суицидах, так и очевидно криминальных происшествиях. Причём для сбора сведений обращался не только к судебным медикам, криминалистам и коллегам по отделу, но и к детективам других территориальных управлений. С накоплением знаний пришёл опыт и умение видеть скрытые нюансы, Делани стал постепенно консультировать коллег. Советы он давал дельные, к нему стали прислушиваться, о нём стали говорить и на него ссылаться. Не зря говорится, что сначала ты работаешь на репутацию, а потом репутация работает на тебя! Пословица эта в точности повторилась в случае со Стивом: если сначала он рыскал в поисках нужных ему людей и информации, то с течением време-

ни нужные люди сами стали разыскивать его и просить проконсультировать по непонятным деталям убийств, связанным с удушением жертв. Стив Делани внимательно следил за историей бостонского «Фантома» и самостоятельно собирал всю возможную информацию, имеющую хоть какое-то отношение к этому таинственному преступнику. Впоследствии он признавался, что его интерес подпитывался не только профессиональным любопытством, но и личными мотивами — у Делани была 18-летняя дочь, за безопасность которой он в 1962 и 1963 гг очень переживал. Когда было объявлено о создании Бюро «Душителю», Стив хотел предложить свои услуги, но получилось так, что делать этого ему не пришлось — Боттомли сам разыскал его и предложил присоединиться к группе. Стив с большим удовольствием принял это приглашение и не разочаровал Боттомли.

Делани оказался своего рода противовесом Доновану, начальнику Отдела расследования убийств BPD. Последний, как мы помним, считал, что никакого «Бостонского Душителя» не существует и все преступления, которые тому приписываются, совершены лицами, никак между собой не связанными. Стив Делани придерживался прямо противоположной точки зрения — он считал, что Душителю существует и им совершено не менее половины убийств, относимых на счёт «Фантома», по крайней мере пожилых женщин однозначно убивал один и тот же человек. Делани убедительно оппонировал Доновану и несовпадение их взглядов давало Боттомли прекрасную возможность лавировать, выбирая из огромного числа аргументов нужные и сиюминутно полезные.

Интересна дальнейшая судьба Стива Делани — после завершения расследования он ушёл из полиции и некоторое время работал в прокуратуре, видимо, для подобной смены рода деятельности весьма полезным оказалось его знакомство с Генеральным прокурором штата

Эдвардом Бруком. Однако работа в прокуратуре Делани не понравилась, наверное, потому, что он не был «человеком Системы». Стив видел в работе коллег многочисленные ляпы, равнодушие к человеческим судьбам и формализм и это быстро привело бывшего детектива к глубокому разочарованию в правоохранительной системе.

Стив радикально изменил свою жизнь — он занялся частной детективной деятельностью, в 1970-х гг уехал в Нью-Йорк и там подключился к некоммерческой группе правозащитников, называвших себя «Центурионами». Это были законники — адвокаты, а также бывшие полицейские и работники прокуратуры — посвятившие себя защите жертв судебных ошибок. Сейчас в США действует несколько довольно мощных и известных организаций, помогающих невинно осужденным, но в начале 1980-х гг нью-йоркские «Центурионы» были, пожалуй, первыми на этой стезе. Это неблагодарное поприще, на нём невозможно заработать большие деньги и добиться славы, но те, кто занят этой работой, сделаны из другого теста, нежели большинство юристов. Стив Делани как раз и был из такого вот «другого теста» — огромного личного мужества, преданный профессии и при этом очень скромный. Он давал довольно много интервью, не особо прятался от прессы, но лицом не торговал и фотографироваться не любил. Автор не нашёл ни одной фотографии Делани, хотя в этом месте снимок Стива оказался бы очень к месту.

Впрочем, вернёмся к истории убийства Бесси Голдберг и присутствию ДеСальво в Белмонте во время совершения преступления.

Эллен Джангер рассказала Делани и Туни о странностях, отмеченных в поведении Алберта. Ей показалось очень подозрительным то, как он проник в подвал её дома, не повредив замка, и то, сколь неадекватно он вёл

себя с ученицей Эллиен. Женщина не могла подтвердить наличие у ДеСальво alibi, она не могла припомнить, видел ли его за работой в то время, когда была убита Бесси Голдберг. Но Эллиен точно помнила, что в 6-м часу вечера рассказывала Алберту об убийстве женщины, проживавшей в районе к югу от Сидар-роад. Детективы задали кое-какие уточняющие вопросы, в частности, поинтересовались, не упоминал ли ДеСальво о своей службе в вооруженных силах, о своей спецподготовке, о занятиях боевыми единоборствами — в общем, о чём-то таком, что позволило бы предположить наличие у него особых навыков рукопашного боя?¹ Эллиен ответила отрицательно. Делани и Туни осмотрели пристройку, над оборудованием которой ДеСальво трудился вплоть до 12 марта 1963 г, затем сели в автомашину и проехали от дома Джангер к дому четы Голдберг.

Путь этот нельзя было назвать прямым — в Белмонте вообще почти нет прямых улиц — но проехать оказалось довольно просто: поворот направо — поворот налево — поворот направо — поворот налево. Если ехать наобум и тупо крутить баранку, не задумываясь о конечной точке маршрута, то попасть к дому Голдберг можно было за считанные минуты. Никаких преград, вроде перекопанных улиц, сужений дорог, закрытых мостов и т. п. на этом пути весной 1966 г не оказалось. Не было их и тремя годами ранее. Т.о. в свой обеденный перерыв Де-

¹ ДеСальво, столкнувшись с интересом к себе со стороны журналистов, с упоением рассказывал о некоей армейской спецподготовке, умении драться и даже приписывал себе победу на чемпионате по боксу среди американских военнослужащих в Европе. Однако из дела-формуляра, заведенного на него ФБР, нам известно, что ни в каком спецназе ДеСальво не служил, в армии он был обычным артиллеристом. Также ничем не подкрепляется его рассказ о спортивных успехах.

Сальво мог спокойно сесть в автомашину и пуститься в путь наобум... Правый поворот, левый, правый, левый... Приехали!

В версии о возможной причастности к убийству Бесси Голдберг работавшего неподалёку ДеСальво, имелась загвоздка, связанная с тем, что перед домом, явившимся местом преступления, играли дети — мальчик и две девочки. Именно дети увидели чернокожего Роя Смита, вышедшего из дома Бесси Голдберг, и именно показания детей позволили полиции быстро отыскать подозреваемого. Дети видели, как Смит уходил, но не видели никого, входящего в дом четы Голдберг после его ухода.

Казалось бы, всё просто. Но имелась загвоздка, которая вылезла при внимательном прочтении протоколов допросов детей (их Делани и Туни успели прочесть до того, как у них забрали материалы следствия). Маленькие свидетели находились перед домом Голдберг не всё время — они отсутствовали 20 минут.

Хронометраж по версии следствия выглядел следующим образом: 15 часов — Рой Смит выходит из дома №14 по Скотт-роад, его видят дети; 15:05 — дети уходят от дома; 15:25 — дети возвращаются к дому №14 и продолжают игру перед фасадом; 15:45 или чуть позже — к дому №14 подъезжает Израэль Голдберг, ставит машину в гараж, проходит в дом и примерно в 16 часов, обнаружив труп жены, выбегает с криком на улицу. В принципе, в «окно» от 15:05 до 15:25 ДеСальво вполне мог войти в дом, оставшись никем не замеченным.

Поскольку Делани и Туни весной 1966 г действовали неофициально, они не могли проникнуть в дом, чтобы осмотреть его изнутри. Однако ничто не препятствовало его наружному осмотру, по результатам которого полицейские пришли к однозначному выводу: дом, явившийся местом преступления, можно было покинуть через заднюю дверь, совершенно незаметно как для соседей,

так и для игравших перед фасадом детей.

Т.о. получалось, что ДеСальво в свой обеденный перерыв вполне мог после ухода Роя Смита незамеченным войти в дом четы Голдберг и, совершив убийство, выйти из него до появления Израэля Голдберга.

Самым веским доводом против вовлеченности ДеСальво в это убийство являлось даже не отсутствие физических улик — против Роя Смита таких улик тоже не имелось, что не помешало обвинить его с соблюдением всех юридических формальностей! — а соображение хоть и косвенное, но немаловажное. Речь идёт о модели криминального поведения, той схеме, которой следует многоэпизодный преступник: ДеСальво, если считать, что он действительно являлся «Бостонским Душителем», совершал убийства в многоквартирных домах. Отдельно стоящий дом Голдбергов не соответствовал тому типу цели, что являлся для «Бостонского Душителя» предпочтительным.

Довод был серьёзным, но против него имелось возражение.

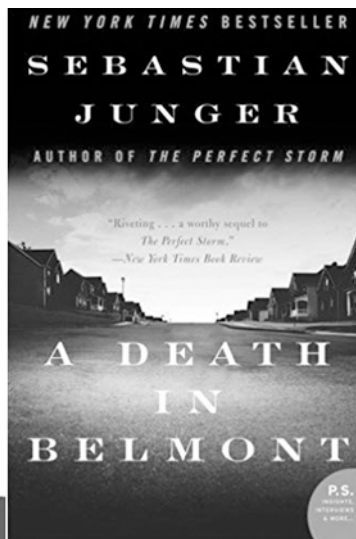
В предыдущей главе упоминалось о том, что ДеСальво в конце 1950-х гг активно занимался кражами из жилищ, на чём и был пойман неоднократно. Эти проделки привели к тому, что в конце-концов его отправили в тюрьму на год. Так вот, хищения тогда он совершал именно из отдельно стоящих зданий, подобных тому дому, в котором проживали супруги Голдберг.

То есть у ДеСальво был опыт криминальной деятельности в кварталах индивидуальной застройки. Он отлично владел слесарными навыками и ему не составило бы труда открыть замок на двери чёрного хода. Он мог зайти со двора, имея намерение совершить кражу, при этом он мог считать, что дом пуст. Столкнувшись внутри с Бесси Голдберг, преступник мог изменить первоначальный план и хищение дополнить изнасилованием.

SEBASTIAN JUNGER

A DEATH IN BELMONT

FEAR, MURDER AND JUSTICE IN THE
SHADOW OF THE BOSTON STRANGLER

Себастиан Джангер, сын Эллен Джангер, запечатленный на фотографии, представленной в начале этой главы, благополучно вырос и стал известным в Америке писателем. В 2006 г он издал документальную книгу «Смерть в Белмонте» («A death in Belmont»), посвященную истории расследования убийства Бесси Голдберг. По версии газеты «New York times» книга стала бестселлером года в категории «нон-фикшн». Книга выдержала множество изданий и подлила масла в огонь и без того жарких споров о личности «Бостонского Душителя».

В таком развитии событий не было ничего невозможного, однако их вероятность сама по себе не могла служить основанием для оправдания Роя Смита и обвинения ДеСальво в убийстве. Нельзя было не признавать того, что первый ввиду своей очевидной асоциальности, являлся очень хорошим кандидатом в преступники. Рою

Смиту совершить убийство и изнасилование было намного проще хотя бы потому, что в его распоряжении имелось намного больше времени, нежели у ДеСальво. Никто бы не стал отменять уже состоявшийся в отношении Роя Смита приговор только потому, что «Бостонский Душителъ» работал в тот день на удалении менее 2 км от места преступления.

Мало ли, кто где работал! Совпадения случаются...

Делани и Туни, уточняя детали событий тех дней, попытались собрать всю информацию, какую только можно вообразить. Они поговорили с мужем Эллен Джангер, отыскали и побеседовали работодателя ДеСальво, задали все мыслимые вопросы и получили на них ответы, но никакой ясности так и не добились.

Именно по этой причине они воздержались от однозначного вывода о причастности Алберта к убийству Бесси Голдберг.

А между тем, эти полицейские не знали одной весьма любопытной детали, которую им знать бы следовало. 24 августа 1965 г, т.е. более чем за полгода до описываемых событий, ДеСальво заговорил с Боттомли об убийстве Бесси Голдберг в Белмонте. Разговор на эту тему зашёл как бы мимоходом, почти случайно, прокурор явно не рассчитывал углубляться в этом направлении, ведь дело-то считалось раскрытым! ДеСальво, признав факт своего пребывания в Белмонте во время совершения преступления, неожиданно проговорил: «Она жила в кирпичном доме с белой отделкой. Я помню эти мелочи» («living in a brick house with white trim. I remember those things.»). Слова эти сохранила магнитофонная запись, как и то, что было сказано далее. Видя недоумение прокурора, ДеСальво уточнил, что дом, сложенный из красного кирпича, был большим, как бы на две семьи, на окнах висели белые шторы, а по углам здания были установлены водосточные трубы квадратного сечения.

Неожиданная памятьливость, не так ли? И ведь это описание дано спустя 29 месяцев со времени убийства! Следует помнить, что дом, где работал ДеСальво, был удалён от места совершения преступления почти на 1,8 км! Неужели ДеСальво помнил фасады всех домов на таком удалении от своего рабочего места и цвет штор в их окнах?

Боттомли, разумеется, поинтересовался, откуда Алберт знает такие детали, ходил ли он смотреть на дом Голдбергов? Но свой вопрос прокурор задал без особого энтузиазма, видно было, что ему не хочется углубляться в эту тему. ДеСальво, сообразив, по-видимому, что брякнул что-то лишнее, тут же отыграл назад и заверил Боттомли, что возле дома он не был, а лишь видел фасад на фотографии в газете. Сказанное звучало гладко и логично, но... по чёрно-белой фотографии в газете нельзя понять, из кирпича какого цвета сложен дом, какого цвета шторы в окнах и какого сечения водосточные трубы. Поскольку круглые и квадратные на нечёткой фотографии в газете будут выглядеть одинаково!

Шло время. Истории ДеСальво и Роя Смита катились далее по своим колеям, не пересекаясь.

Апелляция Смита провалилась и, для отбывания пожизненного заключения, его отправили в тюрьму средней степени строгости содержания в городе Норфолк. Там Рой был направлен работать на кухню, самый тяжёлый и неблагодарный участок тюремной работы, требовавший большого напряжения сил. Рой с порученной работой справлялся хорошо, никогда ни что не жаловался, сторонился бандитов, но и перед администрацией не заискивал. Отношение к нему сложилось со всех сторон хорошее и его постепенно признали за человека, заслуживающего доверия. Тюремное руководство сделало Роя Смита бригадиром и отправляло без конвоя выполнять работы за стеной. Спустя некоторое время Смицу пору-

чили руководить группой из 6 таких же, как и он сам, бесконвойных, занятых облагораживанием территории перед тюрьмой — они вырубали кустарник, косили траву, копали дренажные канавы. Эта работа считалась одной из лучших в тюрьме, лучше была только в библиотеке. Начальник тюрьмы сделал Смиту предложение из числа тех, от которых не отказываются: признай свою вину, попроси об условно-досрочной освобождении, мы тебя поддержим, дадим отличную рекомендацию, в 1978 г выйдешь на свободу!

Рой Смит отказался, заявив, что убийства Бесси Голдберг не совершал и раскаиваться ему не в чем. А поскольку без признания вины просить об условно-досрочном освобождении нельзя, то стало быть, и просить об оном он не станет.

Известно, что во второй половине 1960-х гг он сильно ругался со своей адвокатессой Берил Коэн (Beryl Cohen), говорил, что она бросила его и вообще какое может быть дело у еврейки-адвоката до негра-убийцы! Они разругались до такой степени, что Берил даже отказалась приезжать к нему в тюрьму в одиночку, заявив, что не намерена выслушивать его оскорбления. Если уж он хочет её оскорблять, то пусть это делает при свидетелях.

Кстати, насчёт безразличия еврейки к судьбе негра Смит явно погорячился. Берил его судьба вовсе не была безразлична и она делала то, чего вовсе не должна была делать, особенно учитывая, что Коэн была назначена на это дело в качестве бесплатного адвоката (т. е. Коэн получала символическую оплату из бюджета Департамента юстиции, а не гонорар по клиентскому договору от подзащитного). В 1968 г Берил Коэн привлекла к делу другого адвоката — Нейла Шайета (Neil Chayet) — а затем они вдвоём сумели заинтересовать делом Смита весьма важного чиновника — Барбару Акерман (Barbara Ackerman). Последняя возглавляла Городской совет Кем-

бриджа, была человеком известным и уважаемым, а главное, она могла распоряжаться городской казной! Акерман, ознакомившись с делом Смита, заподозрила, что убийство Бесси Голдберг тот не совершал и решила, что бедолаге надо помочь. Городская полиция не могла заниматься расследованием ввиду формальных ограничений — ведь преступление считалось раскрытым! — но Акерман добилась выделения денег для проведения частного расследования.

В качестве частного сыщика Коэн и Шайет пригласили... угадайте кого?... правильно, Стива Делани! К лету 1968 г тот уже закончил свою работу в правоохранительных структурах и обзавёлся лицензией частного детектива. Разумеется, Стив не забыл о том, как двумя годами ранее уже пытался разобраться в истории убийства Бесси Голдберг, поэтому от предложения поработать на защиту Роя Смита не отказался.

Теперь он получил возможность внимательно изучить полицейские материалы, чего не смог сделать весной 1966 г. Делани заинтересовал один любопытный момент, который можно было с выгодой использовать для защиты Смита.

Тот, кто прочитал книгу I, без сомнения помнит, что Израэль Голдберг, уходя утром из дома, оставил супруге наличные деньги, среди которых были банкноты номиналом 1\$ и 10\$. На месте преступления, денег не оказалось. Рой Смит в момент ареста заявил, что потерпевшая рассчиталась с ним банкнотами по 1\$, то есть банкнота номиналом 10\$ осталась на руках Бесси и была взята с места преступления убийцей. Полицейские очень хотели доказать, что у Роя Смита были деньги такого номинала. Учитывая его перманентную бедность, можно было не сомневаться в том, что обвинению удалось бы убедить присяжных в незатейливой логической схеме: Рой Смит — алкоголик и нищоброд, деньги у него никогда

не задерживались, а стало быть, банкноту в 10\$ он мог раздобыть только преступным путём.

Детективы допрашивали всех, с кем Рой Смит общался после выхода из дома Голдбергов, и неизменно задавали вопрос о деньгах, которые люди могли видеть в руках подозреваемого. Вопросы такого рода задавались водителю автобуса, в котором Смит уехал из Белмонта, бармену и т. п. Обо всём этом подробно написано в предыдущей книге «Истории Бостонского Душителя», так что читатели наверняка помнят эти детали.

Так вот никто не видел в руках Смита или в его кошельке банкноту в 10\$! За исключением двух чернокожих женщин, в компании которых тот находился перед самым арестом.

Это обстоятельство смутило частного детектива Делани. Нищий Рой Смит не хранил бы 10-долларовую банкноту в кошельке, а разменял бы её при первой возможности, т.е. сделал бы это в баре, куда зашёл спустя чуть более часа с предполагаемого момента смерти Бесси Голдберг. Так детективу подсказывал здравый смысл.

Делани понял, что ему надо поговорить с женщинами, давшими такие нужные полиции показания. Он отправился на их розыск и ему повезло — он отыскал обеих. Женщины согласились побеседовать с белым частным детективом, как выяснилось, они хорошо помнили события марта 1963 г. Стив услышал примерно то, что и ожидал — никакой банкноты в 10\$ ни одна из них у Рэя Смита не видела. Обе заявляли об этом полицейским, но детективы рекомендовали подумать получше и многозначительно добавили, что если не увидят желаний сотрудничать со следствием, то сделают так, что свидетельницы останутся без социальных выплат на детей... Поскольку без денег никто оставаться не хотел, женщины «вспомнили» всё, чего хотели детективы.

Налицо было явное давление на свидетелей! Причём

доказать его было не очень-то и сложно, достаточно было заявлений обеих женщин, сделанных адвокатам Смита. Имея на руках такие заявления, Коэн и Шайет могли идти к судье и добиваться отмены приговора к пожизненному заключению. И шансы на успех были отнюдь не нулевые...

Берил Коэн немедленно отправилась к Рою Смигу, рассказала о добытой Делани информации, и объяснила, что осужденному следует сделать. Ему надлежало связаться с обеими женщинами, рассказать им о ситуации, в которой он находится, и убедить их явиться к его адвокатам. Там они должны будут рассказать всю правду о событиях марта 1963 г и об оказанном на них полицейскими давлении в том числе.

Однако этот разговор Коэн и Смита последствий не имел. Никто не явился в офис адвокатессы и никто ничего о полицейских угрозах так и не сказал.

Рой Смит остался в тюрьме и убийство Бесси Голдберг по-прежнему связывается с его именем.

Сложив все фрагменты этого паззла, следует признать, что развязок эта история может иметь несколько. Прежде всего, следует признать, что Рой Смит всё же мог быть убийцей Бесси Голдберг, в этом случае он действительно забрал из её дома банкноту в 10\$ и свидетельницы на самом деле видели в его руках (или в кошельке) эти деньги. В этом случае понятно нежелание Смита обращаться к ним с просьбой рассказать правду, поскольку женщины повторят то, что говорили ранее полицейским.

Такое допущение выглядит вполне достоверным. Но оно влечёт за собой некоторую странность. Если Смит злонамеренный убийца, который угодил в тюрьму на пожизненное, то совершенно непонятно его нежелание признать вину и заявить о раскаянии. В его положении это разумная тактика, она позволила бы ему выйти на свободу с высокой вероятностью уже в 1978 г!

Нельзя не признать, что в случае виновности Роя Смита его упорство выглядит нелогичным. Обычно подобную настойчивость в отрицании вины демонстрируют именно невиновные. Но при этом следует помнить, что сама по себе нелогичность не является свидетельством невинности — зачастую перед нами просто признак дефекта мышления. Для многих преступников характерна крайняя неуступчивость и стремление доказать миру, что весь мир неправ. В криминальной психологии такую модель поведения определяют словосочетанием «правый человек». Подобное поведение часто демонстрируют люди неразвитые, асоциальные, страдающие алкоголизмом, с низкой эмпатией, недоговороспособные. Рой Смит вполне может быть таким вот «правым человеком», однажды выбравшим ошибочный путь и не желающим с него сворачивать. Он может искренне считать, что сумеет обмануть всех и докажет свою невинность, даже будучи на самом деле виновным в убийстве. Тактика его ошибочна, совершенно безрезультатна, но в силу специфики мышления он этого признать оказался не в состоянии.

Но нельзя не сказать и о том, что возможна радикально иная трактовка случившегося с Роем Смитом. Он может быть невиновен и тогда его нежелание признавать вину за преступление, которого он не совершал, представляется оправданным. Да, он мог бы выйти на свободу в 1978 г, раскаявшись в убийстве Бесси Голдберг, но он не хочет выходить из тюрьмы с клеймом убийцы! Любой может прикинуть эту ситуацию на себя и задуматься над тем, как бы он повёл себя в таком положении? Вопрос непростой, автор не возьмётся давать правильный ответ, поскольку не уверен, что таковой вообще существует.

Итак, если Рой Смит невиновен, то нежелание его бывших подруг помочь защите обрекло бедолагу на по-

жизненное пребывание в заключении. То есть, формально он там находился по ошибочному приговору суда, обусловленному в том числе и злонамеренным давлением полиции на свидетелей, но ошибка Правосудия не снимает ответственности с женщин за проявленную пассивность.

Что было дальше? Рой Смит тяжело заболел, в 1975 г у него было диагностировано онкологическое заболевание лёгких. Удивительное дело, но Департамент исполнения наказаний в 1976 г инициировал процесс смягчения приговора, имея в виду добиться условно-досрочного освобождения Смита весной 1978 г по нереабилитирующим обстоятельствам (т.е. по достижении 15 лет пребывания в тюрьме за примерное поведение в заключении и при наличии тяжкой болезни). Понимая, что тяжело больной заключенный уже не представляет ни малейшей угрозы для окружающих и явно рассчитывая на удачный PR-ход, губернатор Массачусетса Майкл Дукакис (Michael Dukakis) надумал освободить Смита раньше времени. Для этого дело Роя рассмотрели вне очереди и Губернатор подписал указ о помиловании в особом порядке.

Рой Смит вышел на свободу за 3 дня до смерти.

Так кто же убил Бесси Голдберг? Вопрос до сих пор остаётся открытым. ДеСальво не признал своей вины и непонятно по какой причине — то ли потому, что он не совершал этого преступления, то ли потому, что никто не предложил ему в этом убийстве сознаться... Рой Смит также вины своей не признавал и с тем ушёл в могилу. Доказательства против обоих довольно эфемерны, скажем прямо, таковых нет. Есть набор косвенных доводов и логических умопостроений, которые доказательствами не являются.

Анализ картины преступления и травм, причиненных Бесси Голдберг, наводит на мысль, что это деяние долж-

но рассматриваться в общей цепи убийств женщин в Бостоне и окрестностях, произошедших в 1962 — 1964 гг. И этот вывод с неизбежной очевидностью подталкивает нас к тому вопросу, которым мы уже не раз задавались выше: а насколько вообще эту серию преступлений можно связывать с ДеСальво?

Слава, побег и смерть

Уже к концу 1965 г бостонские журналисты уверенно связывали фамилию ДеСальво с «Бостонским Душителем», что не должно особенно удивлять. Выше упоминалось о том, что ещё весной того года о признаниях Алберта знали его братья и сестры, а также коллеги по работе Бломерт и Виггинс. К упомянутым лицам следует добавить Эллен Джангер, а также большое число детективов полиции, врачи и обслуживающий персонал больницы в Бриджуотере. Люди реагировали на это по-разному, например, Ирмагара ДеСальво в феврале 1965 г оставила мужа, не желая иметь с ним ничего общего, а Эллен Джангер написала письмо помощнику Генпрокурора штата. В общем, следует констатировать, что круг осведомленных о признаниях ДеСальво лиц был довольно велик, а потому не должно казаться удивительным, что рано или поздно эта информация дошла и до бостонских репортёров. Тем не менее, Генеральная прокуратура штата официально не признавала тот факт, что Алберт ДеСальво является печально известным «Фантомом». Причины подобной осторожности лежат на поверхности и вряд ли их надо особо разъяснять — адекватность Алберта находилась под большим вопросом и вероятностью самооговора вряд ли можно было пренебрегать.

Но Генеральный прокурор Брук не мог тянуть с обнародованием фамилии «Бостонского Душителя» до бесконечности. К концу весны 1966 г ему уже приходилось думать о недалёком будущем, поскольку в штате всюду кипела избирательная компания в федеральный Сенат. А такого рода серьёзное политическое мероприятие требовало рапортов о весомых успехах. Нужно было рассказать обществу о победоносном походе против ма-

ньяка, запугавшего целый город, тем более, что поход этот в январе 1964 г был провозглашён лично Бруком в телевизионном обращении к жителям Бостона. Однако перспективы «дела ДеСальво» весной 1966 г выглядели, по-видимому, неоднозначными, и Генеральный прокурор Брук справедливо опасался, что иммунитет от преследования за 13 убийств, который получил Алберт в обмен на признания, вызовет возмущение в обществе. Посему Генеральный прокурор штата с одной стороны не уставал подчёркивать факт своей перманентной борьбы с преступностью, а с другой постарался максимально дистанцироваться от того, что должно было произойти после оглашения фамилии «Бостонского Душителя».

Брук проделал довольно незамысловатый фокус, который римляне определяли словосочетанием «умыть руки». Генпрокурор сначала публично одобрил работу Бюро «Душитель», потом поручил Боттомли самостоятельно закончить работу с ДеСальво, а после этого... лишил его должности помощника Генерального прокурора штата. Ситуация сложилась анекдотическая: с одной стороны Боттомли был похвален за успехи в работе, а с другой — разжалован. Сложно сказать, как Боттомли отнёсся к произошедшему — он никогда не комментировал события весны и лета того года — но скорее всего, он был обескуражен. Боттомли не получил своего куска пирога и той славы, на которую рассчитывал.

Помпезного разоблачения «Бостонского Душителя» не произошло. Просто в какой-то момент все узнали фамилию ДеСальво и никто не бросился кричать «алилуйя!» и громогласно восхвалять Боттомли.

Замечательной иллюстрацией того, что происходило вокруг Алберта ДеСальво может служить история конфликта Джона Боттомли и Эймса Роби. Последний являлся лечащим врачом ДеСальво и виделся с ним прак-

тически ежедневно. Роби присутствовал при сеансах гипноза, проведенных Уильямом Брайеном 20 и 21 марта 1965 г. Напомним также то, что уже отмечалось ранее — Эймс Роби не верил в правдивость признательных показаний ДеСальво, считая, что тот оговорил себя.

В начале августа 1965 г Роби стало ясно, что Алберт даёт признательные показания Боттомли, рассказывая о себе, как о «Бостонском Душителе». Врач предпринял довольно неожиданный шаг — Роби 4 августа написал письмо Джеролду Франку, известному американскому писателю-криминологу, в котором в общем виде изложил историю ДеСальво. Франк заинтересовался сидящим в Бриджуотере шизофреником, рассказывающем о преступлениях «Бостонского Душителя», и попытался с ним встретиться. ДеСальво был явно польщён вниманием известного писателя к собственной персоне и наверняка уже предвкушал долгие интервью и большие гонорары, но... в дело вмешался Ли Бейли. Защитник резко пресёк любые попытки писателя установить личный контакт с ДеСальво напрямую, т.е. минуя адвоката. Подключился и Боттомли, подтвердивший свой категорический запрет на допуск к ДеСальво посторонних лиц. Джеролду Франку пришлось явиться в кабинет Боттомли и там дать неприятные и унижительные объяснения. Оправдываясь, писатель оказался вынужден передать Боттомли письмо Роби Эймса.

Этот инцидент послужил фундаментом острого личного конфликта между психиатром и адвокатом, который получил продолжение в суде и после суда. Даже по прошествии десятилетий Эймс Роби и Ли Бейли в различных интервью и публичных выступлениях высказывались в адрес друг друга с плохо скрываемой антипатией, не объясняя, впрочем её причины. А таковая крылась в жёсткой узурпации адвокатом права на кон-

Джеролд Франк весной 1966 г был уже широко известным и популярным писателем. Его книги расходились большими — даже миллионными! — тиражами, по ним снимались кинофильмы, Джеролд получал престижные премии... Неудивительно, что столкновение с бесцеремонными и нахрапистыми Ли Бэйли и Боттомли обескуражило писателя. Джеролд был вынужден отказаться от взаимодействия с Эймсом Роби и выполнить все требования Ли Бэйли, в т.ч. заплатить очень значительную сумму денег якобы ДеСальво. Правда, последний этих денег так и не увидел. Эта грязная история имела важные последствия для её участников и нам ещё придётся по ходу повествования вспомнить о ней.

такты с ДеСальво, в чём Ли Бейли нашёл полную поддержку со стороны Боттомли.

Забавно, но факт — до определенного момента интересы адвоката и прокурора совпадали полностью. Этот воистину удивительный симбиоз в конечном итоге разочаровал обе стороны и чуть ниже мы подробнее на этом остановимся.

В мае-июне 1966 г средства массовой информации Массачусетса открытым текстом называли ДеСальво «Бостонским Душителем», однако доступа к нему журналисты в тот период времени не получили. Предполагалось, что Алберт сможет свободно — ну, или почти свободно! — общаться с пишущей братией после того, как судья примет решение о его подсудности, т.е. возможности предстать перед судом несмотря на психическое заболевание. Как это не покажется удивительным, но ДеСальво хотел, чтобы его признали дееспособным. Это желание в нём всячески поддерживал Ли Бэйли, убеждая Алберта в том, что дееспособность откроет перед ним возможность торговать своим лицом, давать оплачиваемые интервью и заключить договор на издание книги и её экранизацию. Или даже нескольких книг и их экранизацию! Как нетрудно понять, сам Ли Бейли хотел того же самого и по тем же самым причинам. Будучи законным представителем ДеСальво, адвокат имел возможность регулировать доступ к нему посторонних лиц и управлять денежными потоками. Если провести аналогию с театральной деятельностью, то можно сказать так: ДеСальво являлся артистом оригинального жанра, которому предстояло выступать с необычными концертами, а Ли Бэйли был при нём антрепренёром, составляющим график выступления и собирающим со зрителей деньги.

Начальник Бюро «Душителю» Джон Боттомли также рассчитывал на признание ДеСальво дееспособным, по-

сколькx такое решение позволяло ему публично объявить об успехе работы возглавлявшегося им Бюро «Душитель». Дескать, мы поработали хорошо, миссию свою выполнили! Понятно, что если бы ДеСальво был признан недееспособным, то его признания производили бы впечатление не вполне достоверных, поскольку доверие к ним было сильно бы подорвано самим фактом умственного расстройства Алберта. Боттомли, разумеется, этого не желал, ему нужна была чистая победа, такая, усомниться в которой ни скептики, ни недоброжелатели не смогли бы.

Нечасто можно наблюдать столь трогательное совпадение позиций обвинения и защиты! При этом сам ДеСальво, похоже, плохо ориентировался в обстановке и не представлял сколь серьезную ошибку допускает, идя на поводу предприимчивого адвоката, озабоченного не столько защитой его интересов, сколько собственным пиаром и заработком. Алберт явно пребывал в уверенности, что его осудят как «Человека в зеленых штанах» на срок 8—10 или чуть больше лет, и на время исполнения приговора, согласно договоренности с прокурором Боттомли, оставят в Бриджуотере. То есть не в настоящей тюрьме, а в госпитале для содержания сексуально опасных лиц. По-видимому, ДеСальво рассчитывал отсидеть несколько лет, а потом его воображение рисовало подачу прошения об условно-досрочном освобождении и выход на свободу по истечении 2/3 назначенного времени лишения свободы.

Надо сказать, что в 1965 г и в первой половине 1966 г Алберт ДеСальво спокойно, не особенно обременяя себя, работал по 4 часа в сутки помощником медбрата в больнице тюремного типа, помогал пожилым заключенным принимать ванны. У него был довольно широкий круг общения, что для болтливового ДеСальво значило очень много. Его все знали и в целом неплохо к нему от-

носились. Алберт располагал свободным временем и мог перемещаться практически по всей больнице, единственное ограничение касалось блока для содержания агрессивных пациентов. По-видимому, Алберт считал, что обманул систему — сознался в убийствах, за которые не придётся отвечать, заработает в скором времени денег и проведёт отмеренный ему тюремный срок в комфортных условиях.

Наивное заблуждение!

Заседание суда округа Миддлсекс, призванное решить вопрос подсудности ДеСальво по обвинениям его в 4-х преступлениях «Человека в зелёных штанах», было назначено на 30 июня 1966 г. Это заседание не рассматривало обвинения по существу, оно решало чисто технический вопрос; судье Хорасу Кэхиллу (Horace J. Cahill) предстояло определиться в том, насколько вменяем ДеСальво. Интересы последнего представляли аж три адвоката — Ли Бэйли, его помощник Чарльз Барним (Charles Burnim) и Джон Эйгерссон. Учитывая, что ДеСальво по причине отсутствия денег защите ничего не платил, наличие аж трёх адвокатов лучше всяких слов характеризовало особый статус обвиняемого. Обвинитель — Дональд Конн (Donald L. Conn), помощник окружного прокурора — присутствовал в единственном числе, что легко объяснить, имея в виду полное совпадение интересов защиты и обвинения.

По условиям договора между сторонами, признания ДеСальво в убийствах не могли быть предметом обсуждения и не должны были упоминаться. Их как бы не существовало, хотя судья, разумеется, прекрасно знал кто именно появится в зале заседаний. В суде присутствовали журналисты двух десятков газет и телевизионных каналов. Джордж МакГрат, опекун ДеСальво, в суд не приехал, к тому времени он уже работал и проживал в Нью-Йорке, так что ему не было дела до всей этой показуш-

ной чепухи.

Отсутствовали и родные Алберта. Это, кстати, выглядит довольно странно, поскольку как мы увидим из дальнейшего, сестры и братья относились к Алберту очень сердечно и не верили в правдивость его признаний. В будущем все они станут деятельно его поддерживать, настаивая на невинности в убийствах. Их отсутствие на заседании 30 июня объясняется по всей видимости тем, что никто из них попросту не представлял важности этого мероприятия для судьбы Алберта.

Как отмечалось выше, данное заседание по своей форме и содержанию должно было стать чисто техническим. Судье надлежало выслушать психиатров, наблюдавших ДеСальво в условиях стационара, при непонимании деталей задать уточняющие вопросы, выслушать прения обвинения и защиты, и на основании всего увиденного и услышанного вынести решение. Примерно так всё и началось.

Первым выступил доктор Росс Мезер (Ross Mezer), признавший, что ДеСальво страдает тяжёлой шизофренией (если дословно, то «хронической недифференцированной шизофренией»). Болезненный процесс был запущен давным давно, ещё в период полового созревания подростка, но никогда прежде не лечился и даже не диагностировался. Ныне, по мнению доктора Мезера, шизофрения приобрела хроническую форму, фазы болезни периодически меняются, что сказывается на мышлении и поведении ДеСальво. По мнению врача, ДеСальво не всегда правильно понимает окружающий его мир и события, его самооценка неадекватна. Тем не менее, хотя подсудимый объективно тяжело болен, он полностью управляет своей волевой сферой, различает нравственные градации, отдаёт себе полный отчёт в том, как он поступает, а потому его следует признать способным предстать перед судом.

Примерно то же самое, только другим словами, повторил судье другой врач-психиатр — Сэмюэл Тартакофф (Samuel Tartakoff). Тартакофф не являлся лечащим врачом ДеСальво, но он наблюдал его при сборе материала для своей научной работы. Тартакофф назвал ДеСальво социопатом и очень опасным для общества человеком. Также он полностью согласился с тем, что ДеСальво является шизофреником, но несмотря на это заболевание может предстать перед судом.

Но затем место для допросов занял Эймс Роби. Мы вряд ли ошибёмся, если назовём Роби единственным человеком, который искренне пытался помочь ДеСальво. Врач начал с того, что признал реакции и поведение ДеСальво «шизофреническими», причём в разное время тот ярко демонстрировал весьма различную симптоматику. По словам Роби иногда у ДеСальво очень выразительно проявляются социопатические черты, кроме того, тот подолгу может пребывать в состоянии острого истерического беспокойства. Больной подвержен синдрому навязчивых состояний, паническим атакам и периодически впадает в дикий психоз. В общем, букет симптомов очень богатый...

Особо психиатр остановился на особенностях взаимодействия ДеСальво с окружающими, поскольку его коммуникативная сфера оказалась сильно затронута болезнью. Роби назвал Алберта «навязчивым исповедником» — замечательное словосочетание, которое вряд ли нуждается в расшифровке. ДеСальво лез со своими признаниями ко всякому, готовому его слушать, его рассказы на любые темы не имели ни начала, ни конца. Спустя много десятилетий, уже в 21 столетии, эту черту характера ДеСальво признал и Ли Бэйли, высказавшись в одном из интервью следующим образом: «ДеСальво был болтун, стоило кому-то сказать в его присутствии, что тот обворовал 20 квартир, ДеСальво тут же махнул бы рукой

и ответил что-то вроде, чепуха, я обворовал 200!» Потрясающее признание, особенно в контексте того, что Ли Бэйли настаивал на необходимости самым серьёзным образом относиться к словам ДеСальво!

Другой важной чертой личности Алберта, принявшей под воздействием болезни гиперболизированный характер, являлась, по мнению психиатра, навязчивая потребность доказывать окружающим собственную важность. Напускная многозначительность резко контрастировала с болтливостью, но ДеСальво был неспособен на критическую самооценку. В попытке предстать в глазах окружающих тем, кем на самом деле он не являлся, ДеСальво мог допускать ошибки, сильно ему вредящие.

При анализе личности больного лечащий врач сделал упор на большие проблемы в его половой сфере. По мнению Роби, в рассказах ДеСальво и инкриминируемых ему преступлениях¹ имеются признаки обширных комбинированных сексуальных патологий. Не согласиться с такой оценкой нельзя, в предыдущей главе было сказано несколько слов о том, как вёл себя во время этих нападений ДеСальво, и нельзя не признать, что с точки зрения человека, имеющего нормальные сексуальные предпочтения, его действия выглядят, мягко говоря, очень странными.

Подводя итог сказанному, доктор Роби заявил, что по его убеждению ДеСальво не может предстать перед судом ввиду своей недееспособности. Стремясь придать сказанному большую эмоциональную окраску доктор даже повторил свои слова.

Ситуация сложилась неловкая — Роби в явном виде

¹ В суде обсуждались только преступления «Человека в зелёных штанах», убийства «Бостонского Душителя» по умолчанию выносились за скобки и не могли становиться предметом анализа.

опроверг суждения коллег, выступивших ранее, причём он, в отличие от них, знал ДеСальво лучше, поскольку наблюдал его с самого момента поступления в больницу. Отмахнуться от его слов было невозможно, но и согласиться никак нельзя, поскольку заявление психиатра полностью разрушало всю ту судебную комбинацию, что по обоюдному согласию продвигали как обвинение, так и защита.

Помощник окружного прокурора Конн оказался явно застигнут врасплох. Он задал довольно наивный вопрос о возможных поведенческих реакциях ДеСальво в случае стресса (видимо, обвинитель просто не знал что сказать в ответ на услышанное, но и промолчать не мог). Эймс Роби вполне ожидаемо ответил, что стресс может превратить ДеСальво в открытого параноика и спровоцировать агрессивную реакцию. Доктор подчеркнул, что ДеСальво может быть очень опасен, никаких иллюзий на сей счёт питать не следовало.

Помощник окружного прокурора Конн не смог возразить доктору по существу и вся тяжесть опровержения легла на плечи Ли Бэйли. Его перекрёстный допрос продолжался почти 1 ч 40 мин, т.е. 100 минут — и можно не сомневаться, что каждая из этих минут была очень напряженной. Начал адвокат с довольно тривиального логического хода, попытавшись доказать, что ДеСальво перед госпитализацией был совершенно здоров. И в Бриджуотер он попал только потому, что сам так решил и для этого немного «почудил» перед судьёй. Эймс Роби на это возразил, что ДеСальво был тяжело болен уже осенью 1964 г и его «причуды» — это не мистификация, а естественное состояние тяжело больного человека. Собственно, его нездоровье наглядно проявилось в преступлениях «Человека в зелёных штанах». Оспорить сказанное психиатром было сложно...

Но эта небольшая полемика оказалась лишь своего

рода разминкой. Далее завязалась настоящая битва. Долго и упорно адвокат и психиатр обсуждали вопрос о способности ДеСальво понимать смысл выдвигаемых против него обвинений. Ли Бэйли настаивал на полной адекватности своего подзащитного и его способности действовать в собственных интересах. Эймс Роби придерживался иной точки зрения, по его мнению, глубокие нарушения в эмоционально-нравственной сфере, обусловленные болезнью ДеСальво, способны привести к тому, что он решится на действия, не понимая тяжести возможных последствий. Кроме того, в обстановке судебного процесса ДеСальво будет находиться в состоянии стресса, что ему крайне противопоказано.

Над всеми этими рассуждениями незримо витала аура страшных признаний ДеСальво в убийствах женщин. Это понимали все — и Ли Бэйли, и Эймс Роби, и судья, и присутствовавшие в зале журналисты, да и сам ДеСальво. Психиатр оспаривал допустимость признаний тяжело больного человека, имея в виду, разумеется, не признания ДеСальво в преступлениях «Человека в зелёных штанах» — там спорить было не о чем, поскольку имелись показания потерпевших! — а именно признания Алберта в деяниях «Бостонского Душителя». Ли Бэйли не мог смириться с подобной точкой зрения, поскольку она взрывала всю конструкцию, заботливо выстроенную на протяжении многих месяцев Боттомли при его собственном деятельном участии. Именно поэтому адвокат очень болезненно и раздраженно реагировал на слова Эймса Роби! Адвоката можно было понять, ведь Эймс Роби мог пустить под откос всё то, что Ли Бэйли и Боттомли пестовали с марта 1965 г, т.е. почти 17 месяцев!

Если бы Эймсу Роби удалось доказать недееспособность ДеСальво по причине психиатрического заболевания, то о триумфальном разоблачении «Фантома» пришлось бы позабыть. И соответственно, связанные с этим

заслуги лично Ли Бэйли моментально обесценились бы.

В какой-то момент Ли Бэйли понял бесперспективность профессионального спора с опытным медиком и перевёл полемику в другую плоскость. Он спросил Эмса Роби, не объясняется ли его позиция тем, что ДеСальво отказался рассказать ему свои тайны, а доверился адвокату (т. е. Ли Бэйли)? Роби ответил отрицательно и добавил, что не сталкивался с недостатком откровенности ДеСальво. И вот тут адвокат использовал заготовку, к которой врач оказался явно не готов. Произошло следующее: Ли Бэйли извлёк письмо, написанное Эймсом Роби писателю Джеролду Франку, о котором рассказывалось выше, и не без ехидства заметил, что доктор сам хотел бы услышать признания ДеСальво, но тот не пожелал с ним общаться. Эймс Роби смешался, сказал, что не помнит такого письма и попросил показать ему документ. Ли Бэйли передал ему письмо и доктору пришлось признать, что оно действительно написано им.

Ситуация сложилась в высшей степени неловкая. Для полноты картины добавим, что сам Джеролд Франк в это время находился в зале суда.

Эймс Роби не изменил своей точки зрения и продолжал настаивать на том, что ДеСальво не должен быть предан суду ввиду недееспособности.

Судья обратился к самому ДеСальво с вопросом, считает ли тот, что способен предстать перед судом и чего именно он ждёт от суда? Очевидно, судья решил составить собственное мнение о способности обвиняемого ориентироваться в окружающей обстановке. Алберт сообщи, что хотел бы предстать перед судом и рассчитывал бы на получение квалифицированной медицинской помощи в последующем. В принципе, он отвечал очень гладко и почти нет сомнений в том, что подобный вопрос судьи предполагался и ответ заблаговременно был

отрепетирован под чутким руководством Ли Бэйли.

Судья Хорас Кэхилл наверняка это понимал, но услышанным удовлетворился и закончил заседание.

Постановление он вынес менее чем через две недели — 11 июля 1966 г. Из него следовало, что Алберт ДеСальво обладает необходимыми умственными и физическими качествами чтобы предстать перед судом по обвинению в 4-х эпизодах сексуальных посягательств. Алберта тут же отвели к другому судье — Джорджу Понте (George P. Ponte) — которому надлежало принять решение о возможности освобождения под залог до суда. Всем было понятно, что данное решение будет не более чем формальностью, поскольку никто не отпустил бы «Бостонского Душителя» под залог, но юридическую форму соблюсти следовало. Помощник окружного прокурора Конн рекомендовал оставить ДеСальво в Бриджуотере до суда без права освобождения под залог, судья тут же огласился с этим предложением, стукнул дубовым молоточком и заседание на этом закончилось.

В эти дни — т.е. 30 июня и 11 июля — начался апогей славы ДеСальво, с той важной оговоркой, что понятие «славы» применительно к убийце или тому, кого все считают убийцей, имеет сугубо ироничную коннотацию. ДеСальво впервые появился перед толпами журналистов, его фотографировали и снимали телевизионными камерами для трансляции в выпусках новостей.

Большинство хорошо известных фотографий, на которых ДеСальво запечатлен в костюме, сделаны именно в эти дни. Причём, глядя на них можно точно сказать, в какой именно день делался тот или иной фотоснимок. Дело в том, что 30 июня в Бостоне выдался солнечным и очень жарким. По воспоминаниям очевидцев, Алберт в своём синем костюме на пути от машины в зал суда буквально обливался потом. Сделанные тогда фотосним-

Кадры из телерепортажей, посвященных появлению ДеСальво в суде округа Миддлсекс.

ки полны света. Следующее появление ДеСальво в суде, 11 июля, произошло при облачной погоде, что хорошо можно понять по фотографиям и записям телерепортажей.

Алберт не мог общаться с журналистами, но их присутствие возле здания суда и в самом зале заседаний необыкновенно его вдохновило. Он играл подобно скверному актёру, импровизирующему в домашней обстановке: то потупливался в долу, то иногда загадочно улыбался, поднимал глаза и обводил задумчивым взором окружающих, затем опять опускал глаза... Когда во время заседания 30 июня судья Хорас Кэхилл спросил у ДеСальво считает ли тот себя способным предстать перед судом, Алберт сложил брови «домиком», словно изобразил из себя пай-мальчика. Голос его казался высоким и не соответствовал внешности. Вообще же, никакой брутальности, мужественности или свирепости в нём

Кадры из телерепортажей, посвященных появлению ДеСальво в суде округа Миддлсекс.

не ощущалось.

Джеролд Франк, присутствовавший на том заседании, вспоминал впоследствии, что ДеСальво густо покраснел в тот момент, когда Эймс Роби заговорил о присущих ему сексуальных девиациях. Эта стыдливость выглядела очень странной, учитывая, что «Человека в зелёных штатах» обвиняли в довольно бесстыдных поступках. В общем, актёришко из Алберта был так себе, но сам-то он этого не понимал и можно не сомневаться, что в те минуты он упивался собою и считал себя очень ловким и самым умным.

Осенью 1966 г Генеральный прокурор Массачусетса Эдвард Брук победил на выборах в Сенат, став первым чернокожим членом федерального парламента США. Ещё до выборов он остановил работу Бюро «Душитель», заявив, что цель достигнута и преступник разоблачён, а Джона Боттомли вывел за штат прокуратуры. «Разоблачитель» ДеСальво полтора месяца дождался обещанного ему высокого назначения, но так и не дождался

и в 1967 г занялся частной юридической практикой. Чуть ниже мы ещё скажем несколько слов о судьбе Боттомли, поскольку она довольно занимательна и позволяет взглянуть на сей персонаж с неожиданной стороны. Что касается Эдварда Брука, то тот оставался в должности Генерального прокурора штата до 3 января 1967 г, в тот день он сложил с себя полномочия и передал их Эллиоту Ричардсону (Elliot L. Richardson).

Последний являлся человеком во всех отношениях необычным. Став масоном ещё в студенческие годы, он во многом благодаря этому сделал выдающуюся карьеру. Достаточно сказать, что на протяжении ряда лет он являлся крупным политическим деятелем федерального уровня: он побывал заместителем Госсекретаря США, Министром здравоохранения, образования и социального обеспечения, Министром обороны, Генеральным прокурором США, Министром торговли и даже послом США в Великобритании. Причём в должности Генерального прокурора США Ричардсон оказался причастен к расследованию Уотергейтского скандала, так что без всякого преувеличения можно сказать, что этот человек на протяжении многих лет находился в самом водовороте мировой политики. Гораздо менее известна другая страница его биографии, связанная с тем, что именно при Ричардсоне произошёл суд над ДеСальво. На фоне прочих обстоятельств его жизни это может показаться мелочью, но нас в данном случае интересует именно эта мелочь.

Вступив в должность Генерального прокурора штата на последнем этапе подготовки судебного процесса, Ричардсон заявил, что его не интересуют договоренности Джона Боттомли с Ли Бэйли. По его мнению, ДеСальво надлежало судить как крайне опасного преступника, а посему обвинение должно настаивать на максимально жестком наказании, независимо от того, какие именно

Эллиот Ричардсон, сменивший Эдварда Брука на посту Генерального прокурора штата Массачусетс, являлся, по-видимому, антагонистом последнего. Прямо он об этом заявить не мог, поскольку политическая целесообразность подталкивала к демонстрации корректности и преемственности политики в области правоохранительной деятельности и правоприменения, но по многим признакам можно заключить, что действия предшественника возбуждали крайнее раздражение Ричардсона. Выразилось это и в оценке им результатов расследования убийств, приписанных «Бостонскому Душителю». Ричардсон не вернул в штат Генпрокуратуры Джона Боттомли и ни разу не заявил, будто дело «Фантома» действительно раскрыто. Напротив, из Генпрокуратуры устраивались «утечки информации», из которых можно было понять, что новый глава

ведомства крайне недоволен работой Брука и Боттомли и рассматривает вопрос о начале нового крупного расследования. Называлась даже фамилия работника, которому надлежало это расследование возглавить.

преступления ему вменяются фактически. Называя вещи своими именами, следует признать, что Ричардсон отказался от соблюдения договоренностей Боттомли с ДеСальво и этот поступок выглядит как минимум понятным и нравственно оправданным. Удивительно даже, неужели ДеСальво всерьёз рассчитывал на то, что его признания не поменяют отношение к нему?

Мы можем только догадываться, о чём думал Алберт осенью и в начале зимы 1966 г. В те месяцы к нему в Бриджуотер началось настоящее паломничество журналистов, готовых слушать его рассуждения на любые темы. ДеСальво болтал, журналисты записывали и фотографировали его во всех мыслимых ипостасях: вот «Бостонский Душитель» задумчив... вот «Бостонский Душитель» улыбается... вот «Бостонский Душитель» напряжён... а вот он расслаблен... вот в его руке сигарета... а теперь он уже без сигареты. Джеролд Франк в те дни пробился таки к ДеСальво и записал с ним интервью продолжительностью более 6 часов. Писатель заключил с Ли Бэйли договор, предполагавший выплату ДеСальво значительного гонорара после того, как Франк закончит и издаст книгу о «Бостонском Душителе».

Франк не обманул ожиданий и закончил книгу в считанные месяцы — её 1-е издание увидело свет ещё до суда над ДеСальво! Он писал почти также быстро, как Раки-тин, но в отличие от автора этих строк Джеролд Франк располагал не только большим блокнотом, но и обширными связями в Голливуде. Хотя написанная Франком

книга являлась документальной, автор договорился адаптировать её для съёмок художественного фильма. За это ДеСальво также причитались немаленькие денежки! В своём месте мы подробнее поговорим о финансовой «движухе» вокруг ДеСальво и увидим, что на истории Алберта поживились все, кроме самого Алберта. Но то, что ДеСальво денег не увидит, стало ясно чуть позже, а в конце 1966 г картинка выглядела совсем иначе.

В Бриджуотер тянулись репортёры, которые платили Ли Бэйли за возможность пообщаться с ДеСальво по 500 \$ и всем казалось, что этот денежный поток не иссякнет никогда. Сам ДеСальво был лучезарен как никогда. Он стал местной знаменитостью и достопримечательностью. Помимо журналистов к ДеСальво тянулись и разного рода любопытные, желавшие понаблюдать знаменитость вблизи. Разумеется, в число этих зевак входили не обычные люди с улицы, а разного рода значительные персоны — политики местного уровня, бизнесмены, преподаватели ВУЗов, члены их семей. С них, кстати, Ли Бэйли денег не брал — это были ценные знакомства, польза от которых не имела денежного эквивалента. У Алберта был такой плотный график, что его даже перестали привлекать к общественной работе¹.

Увидев, что все или почти все, проходящие к нему, пишут статьи и книги, Алберт задумался над тем, чтобы и самому написать что-нибудь нетленное. В самом деле, Джеролд Франк напишет книгу и получит мешок денег, так почему бы ДеСальво самому не написать книгу и не получить точно такой же мешок? А то и поболее...

Мысль эта показалась Алберту очень перспектив-

¹ Труд в больнице считался делом добровольным и расценивался как поощрение.

ДеСальво в своём рабочем кабинете в Бриджуотере.

ной — он потребовал организовать ему доступ к печатной машинке. В камеру поставить её было нельзя, пришлось организовать рабочее место возле прачечной. У Алберта появился собственный кабинет с тремя небольшими окнами, двумя столами, фикусом в горшке. В нём ДеСальво принимал посетителей, позировал в интерьере и с многозначительным видом рассказывал о том, как продвигается работа над задуманной им автобиографической «нетленкой».

Сложно сказать, как относился ко всей этой комедии Эймс Роби. Психиатр прекрасно понимал, что в силу психологических особенностей своей личности и специфики мышления ДеСальво не напишет ничего. Хорошо если сумеет выжать из себя 10 строк! Написать книгу совсем не так просто, как может показаться со стороны, для этого человек должен обладать набором довольно специфических качеств — структурированным мышлением, способностью планировать на длительную перспективу и следовать однажды выработанному плану, большой работоспособностью, терпением (про литературный талант сейчас даже и не говорим, речь идёт об обычном навыке сочинять большие объёмы текста). Этих качеств ДеСальво и подобные ему социопаты

не имеют, либо имеют в крайне ограниченном формате. Именно этим объясняется любопытный феномен: подавляющее число серийных убийц довольно болтливы и язык их хорошо подвешен, но они совершенно неспособны записать и литературно обработать то, что говорят. Казалось бы, садись и записывай собственные мемуары — вот и книга готовая! Ан нет, ничего у этой публики не выходит¹...

Психиатр явился, пожалуй, единственным человеком, кто искренне желал Алберту добра, поскольку понимал, что тот совершенно неправильно оценивает всё, происшедшее с ним и вокруг него. Но в то время ДеСальво не слушал Роби, о чём, кстати, очень сильно сожалел в последующем. Нам об этом известно из рассказов Ричарда ДеСальво, младшего брата Алберта, с которым последний был наиболее близок.

Вся эта эйфория продолжалась сравнительно недол-

¹ Автору известны всего два примера обратного. Более или менее большие и осмысленные литературные тексты написали австрийский серийный убийца Джек Унтервегер и один из «Хиллсайдских Душителей» Кеннет Бьянки. О литературных достоинствах их творений говорить довольно сложно. Автор не поленился прочесть роман Унтервегера «Тюрьма» и изложил своё впечатление об этой книге в очерке на своём сайте «Загадочные преступления прошлого». Вот интернет-адрес этой статьи, она целиком посвящена Джеку Унтервегеру: http://murders.ru/lenta_296.html Автор вынужден признать, что произведение это производит впечатление полнейшей литературной беспомощности. Вряд ли будет большой ошибкой сказать, что литературная работа Джека Унтервегера и Кеннета Бьянки является исключением, лишь подтверждающим правило — серийные убийцы, как и все психо- и социопаты, неспособны заниматься творческим трудом ввиду присущих им дефектов психоэмоциональной сферы.

го — с июля 1966 г по середину января 1967 г.

10 января 1967 г в суде округа Миддлсекс начался процесс по обвинению ДеСальво в 4 случаях проникновения в жилища и сексуальных нападениях на находившихся внутри женщин. Помимо этих довольно очевидных статей обвинения имелись и другие — завладение чужим имуществом и незаконное лишение свободы. Под последним понималось связывание одной из жертв. Признания ДеСальво в совершении убийств 13 женщин никак в документах обвинения не фигурировали и никоим образом не затрагивались в ходе процесса, для окружной прокуратуры их как бы не существовало. Хотя, разумеется, все, присутствовавшие в зале суда, в т.ч. и члены жюри присяжных, были прекрасно осведомлены о том, что на месте обвиняемого находится именно «Бостонский Душителъ».

Председательствовал на процессе судья Корнелис Мойнихэн (Cornelius Moynihan), обвинение и защиту представляли те же лица, что и летом предыдущего года — т.е. помощник окружного прокурора Дональд Конн и Ли Бэйли и Айсгерссон соответственно.

С точки зрения сюжета данного повествования этот суд не представляет ни малейшего интереса. Понятно почему — никакой интриги этот процесс не содержал. Ещё в октябре 1964 г ДеСальво признался в том, за что его теперь судили, и с той поры от своих слов не отказывался. Потерпевшие его опознали, причём как на этапе досудебного расследования, так и в зале суда, так что обоснованных сомнений в том, что именно ДеСальво являлся «Мужчиной в зелёных штанах», не существовало. Процесс носил во многом формальный характер, присяжным следовало просто внимательно выслушать обе стороны, согласно кивнуть и признать: «Да, разумеется, ДеСальво виновен».

Несмотря на внешнюю суровость выдвинутых против

Алберта обвинений, ситуация не выглядела на первый взгляд совсем уж страшной. Подсудимый не применял к потерпевшим грубого насилия — он никого ни разу не ударил, не душил и даже не повышал голоса. Он никого не изнасиловал. Да, он покушался на половую неприкосновенность, но изнасилований не совершал! Фактически никаких телесных повреждений потерпевшим не причинялось, можно было говорить об эмоциональных травмах жертв и пережитом ими шоке, но физически все они в результате нападений не пострадали. Если бы на месте ДеСальво сидел бы какой-нибудь никому неизвестный «Джон Смит» или «Смит Джонс», то приговор мог бы быть довольно мягким — 8—10 лет лишения свободы, может быть, 15. Последнее число дано с запасом.

ДеСальво, по-видимому, рассчитывал, примерно на такой приговор — лет 10—15 лишения свободы, ну, быть может, 20 лет. Хотя последнее казалось явным перебором для обычного подсудимого. Много, конечно, но не смертельно! После отбывания 2/3 срока он мог бы попросить об условно-досрочном освобождении. На момент суда Алберту шёл 36-й год, даже в случае осуждения на 20 лет, он мог выйти на свободу по УДО в возрасте 50 лет или чуть старше. Ничего особо страшного в этом не было, в 50 лет жизнь только начинается, особенно тогда, когда решён материальный вопрос!

Говоря о январском 1967 г суде над ДеСальво нам имеет смысл, пожалуй, упомянуть лишь о двух событиях более — менее любопытных. Одно из них связано с Эймсом Роби, не заслушать которого суд не мог.

В каком-то смысле Роби продолжил свою полемику с Ли Бэйли, начатую в июне 1966 г. Доктор повторил свой прежний тезис о серьёзности заболевания ДеСальво и его неспособности должным образом планировать и оценивать свои действия. Но к сказанному ранее, Роби добавил то, чего не прежде не говорил. Он сообщил

суду, что недееспособность ДеСальво жёстко ограничивает его право совершать юридически значимые действия. Правила содержания заключенных в Бриджуотере таковы, что заключенные не имеют права принимать важные решения, не поставив в известность лечащего врача. Это правило не допускает никаких исключений, наличие у недееспособного заключенного опекуна никоим образом это правило не отменяет. Роби заявил, что ему известно о заключении особого договора между обвиняемым и обвинением, но договор этот не должен иметь никакой юридической силы, поскольку заключался он в тайне от лечащего врача. Если бы он, Эймс Роби, узнал, что ДеСальво намеревается принять на себя какие-то обязательства в отношении Генеральной прокуратуры штата, то выполняя свой врачебный долг по защите интересов пациента, он, Роби, непременно вмешался бы и не допустил заключения подобной договоренности.

Показания психиатра в этом процессе заставили по-нервничать всех. Судья Корнелис Мойнихэн дважды останавливал Эймса Роби и напоминал тому, что в данном процессе рассматриваются только 4 эпизода сексуальных нападений, в отношении которых выдвинуто обвинение, а посему все прочие обстоятельства жизни обвиняемого не могут быть упоминаемы и обсуждаемы в присутствии жюри. Обвинитель Конн уточнял у судьи, должен ли он реагировать на выпады доктора, а адвокат Ли Бэйли в свою очередь не без ехидства замечал, что вопрос об адекватности ДеСальво решён много месяцев назад и не является предметом обсуждения в нынешнем суде.

Честно говоря, эти ужимки напоминали танец с саблями на театральной сцене — все прыгают, размахивают смертоносным оружием, но никто ударов не наносит и никого не ранит, а посему, телодвижения есть, а резуль-

тата — нет.

Ли Бэйли, по-видимому, предполагал, что Эймс Роби устроит в суде некий афронт, а потому адвокат предпринял кое-какие меры подстраховки. В качестве независимого эксперта защита вызвала в суд известного психиатра Джеймса Арнольда Брассела (James Arnold Brussel). Ему предстояло разнести в пух и прах концепцию Эймса о недееспособности ДеСальво.

Брассел был довольно известен в то время. В начале 1950-х гг он поучаствовал в разоблачении «Безумного подрывника» Джорджа Питера Метески (George Peter Metesky)¹. Преступник совершал довольно необычные преступления — закладывал взрывные устройства оригинальной конструкции в людных местах, а также рассылал письма угрожающего содержания. В январе 1957 г «Безумный подрывник» написал письмо в ежедневную газету «New York journal-american», которое можно было считать своеобразным манифестом, эдаким credo. Участие Брассела в расследовании выразилось в том, что он, изу-

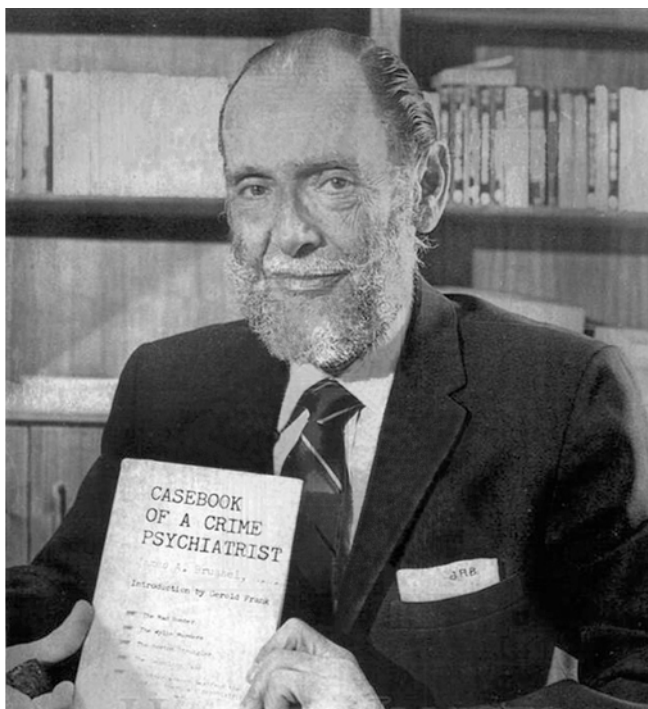
¹ В криминалистической литературе Метески принято называть «Безумным бомбистом», переводя дословно данное ему в Америке прозвище «The mad bomber». Но столь корявое словосочетание режет слух, во-первых, своим неблагозвучием, а во-вторых, очевидной безграмотностью. В русском языке словом «бомбист» называли иногда народовольцев, бросавших «бомбы» или, говоря современным языком, гранаты. Метески никуда ничего не бросал — он закладывал мины, а потому его правильнее называть «минёром» или «подрывником». В период с 1940 по 1956 г он заложил не менее 33 самодельных взрывных устройства, из которых взорвались 22. Также он рассылал письма угрожающего содержания. Метески был арестован в январе 1957 г и находился в психиатрической лечебнице до января 1973 г, когда его выпустили на свободу. Умер он в мае 1994 г в возрасте 90 лет.

чив собранные правоохрательными органами данные, составил «психологический портрет» человека, совершающего на протяжении многих лет весьма своеобразные преступления. Брассел принял во внимание комбинацию необычных и даже противоречивых качеств, присущих таинственному подрывнику: аккуратность, доходящую до педантизма, осторожность, политическую индифферентность, невысокий образовательный уровень и т. п.

Брассел сообщил правоохрательным органам несколько ценных соображений, имевших важное ориентирующее следствие значение. В частности, психолог предположил, что «Безумный подрывник» мстит организации, в которой прежде работал, и сообщил возможное название этой организации. Сделал Брассел и кое-какие иные выводы: о возрасте преступника, его национальной принадлежности, предпочтениях в одежде, еде, привычных формах досуга и т. д.

Благодаря ориентировке Брассела, «Безумного подрывника» удалось довольно быстро вычислить и арестовать. Работа психолога произвела большое впечатление на журналистов и публику, он приобрёл славу эдакого Шерлока Холмса. Сам Брассел немало способствовал собственной популярности — он катался по стране с популярными лекциями, писал книги о себе самом и своей работе (при жизни издал 8 книг) и вообще активно пиарился. Двигал им вовсе не альтруизм и не любовь к науке, а вполне приземленный материальный интерес — Брассел занимался частной практикой и умело монетизировал свою известность.

Последнее имело значение. Дело заключалось в том, что нескромность и неумеренная потребность психиатра в славе привела к определенному перекосу в его поведении. С годами его самоуверенность возрастала и он становился всё более нескромен. Разработанный им «психологический портрет» «Безумного подрывника»,

Джеймс Арнольд Брассел не только хорошо составлял «психологические портреты», но и хорошо впоследствии продавал рассказы о том, как он их составлял. Правда, объективно ради нельзя не сказать о его привычке немного подправлять ранее высказанные предположения с учётом фактических данных, ставших известными позже. Имеются свидетельства того, что в своих книгах Джеймс Брассел весьма вольно изменял собственные выводы, подгоняя их под правильные в угоду улучшения точности. Примерно так поступает школьник, сверяя полученный результат с ответом в конце сборника задач.

оказавшийся не совсем точным в некоторых деталях, Брассел немного видоизменил, подогнав задним числом под данные истинного преступника, ставшие известными после его разоблачения. Отдельные сотрудники полиции, знакомые с подлинными деталями сотрудничества Брассела с полицией Нью-Йорка, были крайне раздосадованы нескромным поведением психиатра и справедливо критиковали его.

Ещё в 1964 г Джон Боттомли привлёк Джеймса Брассела к консультированию Бюро «Душитель». Тогда Брассел составил «психологический портрет», полностью устроивший Боттомли. По мнению психиатра, преступления, приписываемые «Бостонскому Душителю», совершал один и тот же человек, действовавший под воздействием волевого импульса, противостоять которому не мог. Никаких значимых для разоблачения убийцы деталей Брассел тогда не сообщил и его работа осталась под спудом, не вызвав к себе интереса. Во время подготовки к судебному процессу Брассел дважды встречался с ДеСальво в Бриджуотере, что нельзя было признать полноценной экспертизой, но позволило доктору заявить в суде, что он составил непредвзятое мнение о его душевном состоянии. Брассел не пытался оспорить диагноз Эймса Роби и соглашался с тем, что ДеСальво страдает тяжёлой формой шизофрении. Доктор считал, что подсудимый интеллектуально развит, но ввиду болезни может испытывать запутанность нравственных оценок и, находясь под воздействием спонтанных импульсов, в т.ч. и сексуальных, не полностью управляет собственной волевой сферой.

Смысл показаний доктора Брассела был предельно ясен — они были направлены на то, чтобы обосновать необходимость содержания ДеСальво в условиях больничного стационара в Бриджуотере. По иронии судьбы в тот момент Брассел говорил то же самое, что и Роби

Эймс, только другими словами.

И вот тут-то вдруг выяснилось, что бывший союзник Ли Бэйли — обвинитель Дональд Конн — никакой не союзник. И что окружная прокуратура вообще не считает себя скованной какими-либо обязательствами!

Помощник окружного прокурора Конн приступил к перекрёстному допросу Брассела и буквально порвал его в куски. Конн реконструировал действия ДеСальво в квартирах жертв, уточнив, что тот беззвучно открывал замки входных дверей, ходил из комнаты в комнату, настолько тихо, что спавшие в соседних комнатах женщины и маленькие дети даже не просыпались, забирал деньги и понравившиеся ему украшения и только после этого переходил непосредственно к нападению на женщин. После этой красочной иллюстрации обвинитель справедливо указал на полный контроль собственного гнева обвиняемым. И резонно поинтересовался, разве можно объяснять такие действия неуправляемыми волевыми импульсами?

Доктор Брассел выкручивался, как только мог. Он указывал на то, что действия ДеСальво не могут быть полностью восстановлены, поскольку не до конца поддаются реконструкции, на то, что уровень самоконтроля может варьироваться в широких пределах и т.п., но в целом слова его выглядели совершенно неубедительно.

Членов жюри присяжных до такой степени заинтересовала полемика обвинителя и доктора психиатрии, что они попросили судью предоставить им возможность осмотреть места совершения преступлений. Дабы составить собственное мнение о том, что говорил помощник прокурора Конн, и понять, как ДеСальво проникал в запертые жилища, перемещался из комнаты в комнату и т. п. Судья посчитал необходимым удовлетворить запрос присяжных. 18 января был подан автобус и жюри в полном составе в сопровождении представителей обви-

Judge Excuses Jury While Strangling Evidence Introduced

DeSALVO — This is the second of the defense that DeSalvo was given by his attorney, "Barker" and was asking the jury to acquit DeSalvo because he was an innocent man.

FLANKED BY GUARDS, Albert DeSalvo leaves court Tuesday. (Ollie Numan Jr. Photo)

De Salvo's attorney, James H. Kelly, said that DeSalvo was innocent and that he was asking the jury to acquit DeSalvo because he was an innocent man.

The jury was told that DeSalvo was innocent and that he was asking the jury to acquit DeSalvo because he was an innocent man.

CRIMINAL EXAMINATION — Under cross examination by the state, DeSalvo admitted that he had been in the area of the crime on the night of the murder.

DeSalvo's attorney, James H. Kelly, said that DeSalvo was innocent and that he was asking the jury to acquit DeSalvo because he was an innocent man.

The jury was told that DeSalvo was innocent and that he was asking the jury to acquit DeSalvo because he was an innocent man.

and the defendant's attorney, James H. Kelly, said that DeSalvo was innocent and that he was asking the jury to acquit DeSalvo because he was an innocent man.

The jury was told that DeSalvo was innocent and that he was asking the jury to acquit DeSalvo because he was an innocent man.

APPEAL MADE — Judge DeSalvo's attorney, James H. Kelly, said that DeSalvo was innocent and that he was asking the jury to acquit DeSalvo because he was an innocent man.

DeSalvo's attorney, James H. Kelly, said that DeSalvo was innocent and that he was asking the jury to acquit DeSalvo because he was an innocent man.

The jury was told that DeSalvo was innocent and that he was asking the jury to acquit DeSalvo because he was an innocent man.

DAN'S MURDER COIN—Jury in the Albert DeSalvo case have East Cambridge District Courtroom after the close of Tuesday's session.

DeSalvo's attorney, James H. Kelly, said that DeSalvo was innocent and that he was asking the jury to acquit DeSalvo because he was an innocent man.

Players in Another Drama Fill Courtroom Stage

By JONATHAN KLARFELD
Staff Reporter
F. Lee Bailey called across the courtroom to the aid.

"Charlie arrange a haircut for me for 4:30."

Testimony had ended in the trial of Albert H. DeSalvo and Bailey wanted to look his

best for today when he goes before the jury with his final argument.

He will be asking the jury to acquit DeSalvo by reason of insanity on charges of break, sex offenses and assaults—asking them to acquit the man he said was the Boston strangler.

As testimony wound up—testimony that began a week ago—the primary issue of the case seemed almost forgotten by everyone except those officially connected with the trial.

DeSalvo is charged with a series of crimes in connection with attacks on four women. The four testified last Wednesday, providing the first sensations of the trial as they enumerated the hard details of the crimes—details Bailey did not contest for the defense.

But this was no common trial, enlivened by sexual detail for the sensation seekers. In the minds of the public—and certainly many of the

principals — this was the Strangler Trial, the last chapter in a gothic horror tale that still grips Eastern Massachusetts.

THREE STEPS — Tuesday afternoon, as court recessed, there were just three steps left to complete the drama, the closing arguments, the judge's charge to the jury and, finally, the verdict.

There was no doubt that this was the Strangler Trial as the sixth day ended.

Those intimately connected with the strangler case seemed to be everywhere.

There was Phillip DiNatale, a Boston detective who worked for months on the stranglings, trying to make sense out of a random series of murders.

There was John Bottomly, who, as assistant attorney general headed the "Strangler Bureau."

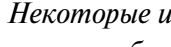
There was Mrs. Helen Clark of Englewood, N.J., in the

courtroom for the second day. Her 37-year-old daughter, Sophie, had been the seventh strangling victim.

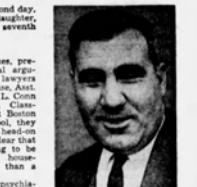
HEAD-ON — Completing the case, preparing for their final arguments — Bailey for the defense, Asst. District Atty. Donald L. Conn for the prosecution. Classmates and friends at Boston University Law School, they have been clashing head-on since it first became clear that DeSalvo was claiming to be a sexual deviate.

There were the psychiatrists, who tried to probe into DeSalvo's personality, to establish his mental condition. They were the ones who had heard his complete history, a history including what one of them called "manic-depressive psychosis."

And almost like a bit player in a grand extravaganza, DeSalvo remained seated there as Albert H. DeSalvo for a moment as court recessed, head down, hands clasped under his right knee.

JOHN BOTTOMLY ... on the stand

PHILLIP DINATALE ... last witness

... last witness
... last witness
... last witness

Computer Hunts Ticket Scuffers

Некоторые из январских 1967 г публикаций в газете "Бостон глоб», посвященные суду над Албертом ДеСальво. На фотографии вверху можно видеть начало статьи, излагавшей события 18 января, в т.ч. связанные с поездкой жюри присяжных по местам нападения «Человека в зелёных штанах».

нения и защиты отправилось по местам нападения «Человека в зелёных штанах».

После этой поездки последовали заключительные слова обвинения и защиты, после чего судья произнёс краткое наставление жюри. Судья подчеркнул, что при-

сяжные вправе вынести любой вердикт относительно дальнейших условий содержания обвиняемого под стражей и необходимости дальнейшего лечения — закон никак не ограничивает их в этом. В этом месте у ДеСальво должно было ёкнуть сердце, ведь судья ничего не сказал о том, что у властей штата Массачусетс существуют определенные обязательства перед Албертом, связанные с тем, что он должен отбывать назначенный ему тюремный срок в психиатрической больнице в Бриджуотере.

Присяжные, выслушав наставление судьи, удалились на совещание. Оно не продлилось долго, уже через 4 часа жюри вернулось, что свидетельствовало о минимальной продолжительности дискуссии между его членами. Вердикт присяжных оказался ошеломительным, по крайней мере для ДеСальво: присяжные признали его виновным по всем пунктам обвинения, рекомендовали суду приговорить его к пожизненному заключению и отдельно указали на то, что обвиняемый не нуждается в лечении, т.е. никакой нужды оставлять его в больнице тюремного типа нет.

Этот вердикт поверг, должно быть, Алберта в шок. Ещё бы, ведь подобное решение присяжных означало, что его договорённость с Джоном Боттомли теперь растоптана — никто не собирался ей следовать! Дальнейшее произошло очень быстро. Судья Мойнихэн осведомился, понимает ли ДеСальво суть вынесенного вердикта и может ли он сказать что-либо в своё оправдание до того, как будет вынесен приговор? Алберт промямлил что-то невнятное про то, что хотел бы получать врачебную помощь, что рассчитывает на то, что врачи помогут ему понять, что с ним не так и т. п. — это были совершенно бессвязные слова, свидетельствовавшие о полной растерянности говорившего. В общей сложности ДеСальво, запинаясь, произнёс в полной тишине пять или шесть фраз, судья его не перебивал... После того, как Алберт умолк,

Корнелис Мойнихэн стукнул дубовым молотком и приговорил ДеСальво к пожизненному заключению плюс 10 лет в тюрьме строгого режима с сохранением права условно-досрочного освобождения. Эта формулировка влекла два важных для осужденного следствия: первое — он мог выйти на свободу не ранее 1993 г и второе — из Бриджуотера ему придётся переехать. И если первое оставалось под большим вопросом, то второе должно было произойти неизбежно!

ДеСальво ничего не сказал журналистам, когда его около 18:55 выводили в наручниках из зала суда, но Ли Бэйли себя не сдерживал. «Я в ярости!» — признался он журналисту «Бостон глоб». Адвокат мог бушевать сколько ему заблагорассудится, но сложно не признавать того, что провал выбранного им курса на договор с обвинением был предопределён ещё летом 1966 г, когда адвокат вопреки мнению Эймса Роби добился признания дееспособности ДеСальво. ДеСальво и Ли Бэйли переиграли самих себя. Если Алберт хотел остаться в Бриджуотере на максимально длительное время, ему вообще не следовало затевать всю эту возню с признаниями в убийствах. Сидел бы тихо, получил бы свои 8 или 10 лет и вышел бы на свободу. Но нет, ему захотелось стать «Бостонским Душителем»!

Воистину точна мудрость, гласящая: бойтесь своих желаний, они иногда исполняются.

ДеСальво вернулся в Бриджуотер. В середине февраля 1967 г ему сообщили о предстоящем переводе в тюрьму «Уолпол», получившую своё название по городку, в котором располагалась часть её зданий (полное название сей юдоли скорби выглядело так: Массачусетское исправительное учреждение «Уолпол», на языке оригинала: Massachusetts Correctional Institution Walpole¹. Тюрьма эта была расположена в непосредственной близости от тюрьмы «Норфолк», в которой содержался Рой Смит, осуж-

Bailey Set to Battle Trial Of DeSalvo as Strangler

By ED CORSETTI, TOM BERUBE and BILL DUNCLIFFE

Atty. F. Lee Bailey, setting in motion the steps he hopes will reverse the guilty verdict which doomed Albert H. DeSalvo to a sentence of life imprisonment, declared Thursday that unless he wins his appeal he will fight any attempt to have DeSalvo tried for the stranglings of 13 Greater Boston women.

DeSalvo, back at Bridgewater State Hospital—the institution Bailey called “the animal farm and garbage bin”—will not be moved to Walpole State Prison until the appeal is decided by the Supreme Judicial Court.

Bailey said he expects to file the appeal within ten days, and he added: “Whether or a Strangler trial is concerned, there’s no sense in running the risk of an appeal in the event Wednesday in Middlesex Court because the evidence wouldn’t change full month.”

“However, if the Supreme Court reverses the verdict, the appeal would still, in effect, be mooted and the world wouldn’t be the better for Albert in a Strangler trial.”

TALKS OF RETRIAL

“If we do get a reversal, we will re-try the case in Middlesex—and in a second trial the testimony in which Albert confessed he was a Strangler would be allowed.”

Bailey indicated that he will base his appeal both on the opinion of DeSalvo’s lawyer, the Strangler confessor—and on the opinion of testimony by defense psychiatrist Dr. James A. Hunsford of New York on the Model Penal Code.

Bailey, in effect, will be seeking to have Massachusetts adopt the Code, which was proposed by the American Law Institute to deal more ade-

quately with the question of criminal insanity. The State Supreme Court in 1959 denied Jack Chester, a convicted murderer a new trial law, indicating that it might be interested in considering the adoption of the Code in Massachusetts.

It appeared that in Middlesex County at least, Bailey will have little to worry about, as far as a Strangler trial is concerned.

But, Atty. John J. Droney told the Boston American: “At the present time, although the case is still under investigation, there isn’t the slightest bit of evidence that would warrant an Attorney General or any District Attorney to seek indictments.”

LAWYER BANKS LAW

“It would be a mockery of our self and a mockery of the good jury system.”

Bailey said he, that the Model Penal Code, which Bailey hopes through an appeal to make part of Massachusetts law in the field of criminal insanity, “is an attempt to assert a good Massachusetts law.”

Droney declared that the jury verdict in this case, which requires the prosecution to prove that a defendant had the ability to distinguish between right and wrong, is satisfactory.

In the Chester Case, the Supreme Court stated:

“After the attorney for Christo-

DeSalvo Could Regain Freedom Via Parole

By JEAN COLE and HAROLD BANKS

The jurors may have thought they were putting the self-confessed Strangler away for life—but they weren't, necessarily. The simple fact, as matters stand now, is that if the conviction of DeSalvo on charges other than the stranglings is upheld

LAWYER BELIEVES DESALVO NOT BOSTON STRANGLER

A lawyer who represented Albert DeSalvo in the early

BRIDGEWATER State Hospital, Albert DeSalvo discusses conditions there with Dr. Robert Marz during recent fear of committing studying conditions. DeSalvo is now back there after his conviction. He'll await outcome of an appeal to be sent to Supreme Judicial Court on verdict. (Boston American, East Coast)

PHOTO BY HAROLD BANKS, BOSTON, FRIDAY, JAN. 20, 1967

20 января 1967 г Ли Бэйли дал обширное интервью журналистам нескольких массачусетских газет, в котором много-много рассказывал о той несправедливости в отношении ДеСальво, которой закончился двумя днями ранее суд. Адвокат не без пафоса вешал о предвзятом отношении к его подзащитному, которого почему-то судили как «Душителя» (вот ведь странно, да?), грозился отменить приговор будущей апелляцией и намекал на возможность условно-досрочного освобождения ДеСальво. При этом он, разумеется, не словом не обмолвился об ошибочности выбранной им стратегии защиты и несправедливой, мягко говоря, оценке действий Эймса Роби. На фотографии, приведенной в статье «Рекорд американец», запечатлен ДеСальво, разговаривающий с адвокатом Эйггерссоном. Последний, в отличие от Ли Бэйли, громкими заявлениями не делал и ничего не обе-

шал. Видимо Эйсгерссон понимал безвыходность того положения, в которое Ли Бэйли загнал ДеСальво.

денный за убийство Бэсси Голдберг. Но в отличие от тюрьмы «Норфолк», имевшей сравнительно мягкий, т.н. средний режим строгости заключения, тюрьма «Уолпол» относилась к исправительным учреждениям строгого режима. Открытая в 1955 г эта тюрьма изначально была рассчитана на пребывание 633 заключенных, но функционировала с постоянным перегрузом, что создавало вполне понятные бытовые проблемы, связанные с переполненностью камер, сокращенным временем приёма пищи, перегрузкой прачечной и т. п. Об этой тюрьме шла дурная слава, там содержался очень опасный контингент и отправка туда сулила мало хорошего.

Алберт пытался договориться о том, чтобы его оставили в больнице, но попытка эта была обречена на провал — слишком уж он стал известен, слишком много внимания привлекала его персона, а потому не имелось ни единого шанса в пользу того, что администрация Бриджуотера сумеет отменить перевод. Да, впрочем, никто из должностных лиц и не стал бы заморачиваться подобной чепухой.

Столкнувшись с полным безразличием, чувствуя себя обманутым и обиженным, ДеСальво решил на неожиданный поступок. Алберт в компании с двумя другими обитателями Бриджуотера совершил побег.

Согласно документам регионального управления ФБР, события развивались следующим образом. В пят-

¹ В настоящее время эта тюрьма именуется Massachusetts Correctional Institution — Cedar Junction

Фредерик Эриксон (фотография слева) и Джордж Харрисон (справа) ушли в побег вместе с Албертом ДеСальво в ночь на 24 февраля 1967 г. Компания оказалась очень странной и неудивительно, что побег в их исполнении тоже оказался очень странным.

ницу 24 февраля 1967 г в 06:20 конвоир обнаружил отсутствие в камерах Фредерика Эриксона (Frederick Erickson), Джорджа Харрисона (George Harrison) и Алберта ДеСальво. Эриксон был самым старшим, ему исполнилось 40 лет. В далеком уже в 1954 г он был судим за убийство жены и приговорён к пожизненному заключению, в Бриджуотере он проходил психолого-психиатрическую экспертизу и готовился к переводу в тюрьму «Уолпол». Харрисон был самым молодым, ему исполнился 31 год и за решётку он угодил за серию вооруженных ограблений. Все трое в день побега должны были дежурить на кухне, поэтому их надлежало разбудить на 30 ми-

нут раньше остальных заключенных. Если бы не эта деталь, побег был бы обнаружен позже.

Эриксон, содержащийся в одной камере с Харрисоном, сумел раздобыть ключ, открывавший дверь его камеры снаружи. Сделать это оказалось не очень сложно, поскольку камеры были оснащены замками, выпущенными в 1888 году, ввиду чего они регулярно выходили из строя и ремонтировать их приходилось своими силами в слесарной мастерской. Конструкция замков была предельно примитивной поэтому мужчина с некоторым набором навыков работы с металлом мог без особых затруднений обзавестись нужным ключом. Дальнейшее явилось делом техники: Эриксон сумел открыть окошко в двери и снаружи дотянуться рукой до замка, вставить в него ключ и отворить дверь. После этого он и Харрисон прошли к двери ДеСальво и выпустили его. Для этого ключ им даже не понадобился — массивный замок до такой степени разболтался, что они сумели отодвинуть язычок просто за счёт существовавшего люфта. Далее все трое прошли по пустому этажу, открыв две двери на своём пути, запиравшиеся старыми замками, имевшими низкую взломоустойчивость.

Поскольку на пути беглецов вниз находились посты охраны, удалая троица направилась в противоположную сторону, т.е. вверх. В этом им помог ремонт, который тогда проходил в Бриджуотере. Один из лифтов был демонтирован и компания по его шахте поднялась этажом выше, прошла по коридору, проникла на леса и через них спустилась на стену, ограждавшую больницу. Прямо по вершине стены, имевшей высоту 6 м, ДеСальво, Эриксон и Харрисон пробежали к тому её участку, что выходил на обширную пустошь. Там они там спрыгнули на землю. В снегу, смешанном с грязью, посланный в погоню конвой обнаружил три следовых дорожки. Они вели к ручью, далее в лес и терялись на подходе к городку

Бриджуотер.

К 10 часам утра уже стало известно, что от здания местного колледжа угнан автомобиль. С этого момента в розыску беглецов подключилось Управление ФБР в Бостоне, которое разослало ориентировки коллегам в соседние регионы. Троица из Бриджуотера вполне могла покинуть штат и появиться за многие сотни километров от Массачусетса.

Бегство опаснейших преступников вызвало шок среди жителей Бостона и его пригородов. Все ужасы, пережитые горожанами во время разгула «Бостонского Душителя», словно в одночасье ожили. На что может решиться безжалостный и к тому же сумасшедший преступник, уже приговоренный к пожизненному заключению и потерявший в отчаянии последние остатки благоразумия? Сколько женщин он ещё убьёт? Где и как он это сделает?

Вся правоохранительная система штата была приведена в полную готовность и ориентирована на поиск беглецов. Сотрудники городских департаментов полиции не уходили домой после смен и заступали в сверхурочные наряды. Дорожная полиция штата патрулировала все дороги, как крупные автотрассы, так и совсем заброшенные просёлки. Службы окружных шерифов выставляли засады возле мелких магазинов, автозаправочных станций и иных объектов, легкодоступных с точки зрения ограбления. Лесная служба проводила прочёсывания лесных массивов и осмотр одиночных строений в лесных зонах с целью обнаружить возможные места «дневок» беглецов. Полиция штата объявила о выплате вознаграждения в сумме 5 тыс.\$ за задержание или убийство беглецов.

Власти штата рекомендовали жителям не покидать без крайней нужды свои жилища и никого не впускать в дома, поскольку бежавшие преступники, не имевшие при себе денег и продуктов питания, будут пытаться по-

Кадры из телевизионных новостей от 24—25 февраля 1965 г демонстрируют детали побега из больницы в Бриджуотере.

Слева сверху — общий вид фасада лечебного учреждения, сверху справа — демонстрация того, как просто можно было дотянуться до замка на двери камеры снаружи, вставить и повернуть в замочной скважине ключ. Подобный фокус в российской или советской тюрьме был бы невозможен, поскольку в отечественных тюрьмах окошко в двери всегда откидывается наружу вниз. На фотографии снизу слева можно видеть леса, возведенные в ходе ремонта здания, внизу справа — охранник демонстрирует окошко, через которое беглецы вылезли на леса.

лучить то и другое. Каждый час по местным ТВ- и радиоканалам выходили новости, оповещавшие жителей штата о последних событиях.

Меры, принимаемые властями, следует признать совершенно адекватными возникшей угрозе. Ситуация действительно выглядела пугающе, но дальнейший ход событий постепенно придал случившемуся явный оттенок шизофренического бреда, причём чем дальше, тем более выраженного.

Вечером того же самого 24 февраля Эриксон и Харрисон были задержаны полицией. Со времени их побега из-под замка минули приблизительно 13 часов. Задержание произошло совершенно буднично, не было никакой погони, никакого сопротивления. И даже особой интриги в произошедшем не имелось. Два беглеца, напившиеся в стельку, позвонили адвокату и сообщили адрес, по которому тот может направить полицию и приехать сам. Особый сюрреализм произошедшему придало то обстоятельство, что преступники, пьянствовавшие в баре в городке Уолтем (Waltham), на протяжении полутора часов оставались никем не узнаны, хотя по радио постоянно передавали их описания, а по телевизионным программам демонстрировались их фотографии!

Разумеется, преступники были водворены в полицейское управление и немедленно допрошены. Казалось бы, обыватели могли теперь перевести дух и немного расслабиться — но нет! — то, что Эриксон и Харрисон поведали на допросах не только не понизило градус напряжения, а напротив — лишь повысило его.

Выяснилось, что компания действительно угнала автомобиль от колледжа в Бриджуотере и двинулась на север, к Бостону. Миновав Бостон, они поехали далее на север. В местечке Эверетт они высадили ДеСальво и, посоветовавшись немного, повернули оглобли обратно к Бостону. Там в баке автомашины внезапно закончился

бензин — он всегда заканчивается внезапно! — и парочка отправилась искать какой-нибудь автобус, чтобы уехать из города. Автобус они нашли и добрались на нём до Уолтема, где в очередной раз пересмотрели собственные планы, решив, что неплохо бы сдать... Помните, крылатую фразу из кинофильма «Джентльмены удачи» про то, что «в тюрьме сегодня макароны на ужин»? Вот именно об этом Эриксон и Харрисон и подумали. Но напоследок решили выпить, ибо когда ещё выпадет случай посидеть в баре?!

Разумеется, главные вопросы полицейских и сотрудников ФБР, проводивших допрос, касались судьбы ДеСальво: где его искать? куда он мог направиться? что известно о его планах? Эриксон и Харрисон, допрошенные порознь, дали довольно подробные и точные в мелочах показания. По их словам, на угнанной машине он проехали от Бриджуотера до Эверетта, города немногим севернее Бостона. Там на автозаправке ДеСальво отделился от дружков. Эриксон и Харрисон от Эверетта отправились на юг, в Бостон, и там, в районе Хэймаркетсквер, оставили автомобиль, в котором заканчивалось топливо.

Допрашивавшие беглецов быстро поняли, что бриджуотерские умники чего-то не договаривают. Они доехали до бензозаправочной станции, но почему-то не залили бензин в бак. Стало быть, они направлялись туда не за этим... А зачем? Что они там искали? Телефон? Их задержали в цивильном, в то время как в больнице они содержались в хорошо узнаваемой одежде с нашитыми на спинах буквами «S» и «H» (это первые буквы слов «state hospital», т.е. «госпиталь штата», как в просторечии именовали тогда больницу в Бриджуотере). Где беглецы раздобыли одежду, если у них не было денег даже на бензин? Допрашиваемые тянули время и пытались изобретать отговорки, но их довольно быстро вывели на чистую

воду.

Выяснились интересные детали. На автозаправочную станцию Эрисон и Харрисон привезли ДеСальво не случайно — это было запланировано заранее. Алберт позвонил по телефону брату, который должен был подъехать на автомашине и забрать его. А в знак благодарности за помощь ДеСальво пообещал друзьям, что брат привезёт одежду, в которую те смогут переодеться. Так и случилось: Алберт позвонил кому-то, подождал некоторое время, потом подъехала автомашина, ДеСальво взял из неё пару старых курток и свитеров и передал Эриксону. Беглецы до такой степени обрадовались одежде, что забыли попросить у ДеСальво пару долларов на бензин и уехали от автозаправки, не залив топливо. Эта легкомысленность в конечном итоге и разрушила все их планы, ведь им пришлось бросить автомашину!

Итак, правоохранительным органам стало известно, что кто-то из братьев помог Алберту ДеСальво. Но это была не самая главная новость — имелось и другая, не менее важная!

Эриксон и Харрисон сообщили, что Алберт имел при себе «беретту» 32-калибра (7,9 мм). Он придерживался детально продуманного плана, рассчитывал бежать в Канаду, где в Онтарио у него был друг, способный организовать изменение внешности у пластического хирурга. ДеСальво рассчитывал оплатить операцию, а потом убить врача. Учитывая, что из-за большого носа внешность ДеСальво была весьма узнаваемой, такой замысел имел резоны. Другой вопрос, насколько он был реализуем? Впрочем, главная проблема заключалась в том, что на пути к заветной цели вооруженный пистолетом убийца мог лишиться жизни всякого, ставшего на его пути.

Полицейские патрули немедленно оцепили автозаправочную станцию на въезде в Эверетт, возле которой Эриксон и Харрисон расспрошались с ДеСальво. Осмотр

окрестностей позволил сделать важные открытия — в кустах неподалёку от заправки были найдены очки, принадлежавшие ДеСальво, его тюремный бушлат с нашитыми на спине буквами «S» и «H», а также... 30 (!) обёрток от шоколадных конфет. Алберт был сладкоежка, любил полакомиться кондитерскими изделиями и, оказавшись на свободе, не отказал себе в удовлетворении маленькой слабости.¹

Как только руководство ФБР узнало о намерении ДеСальво пробраться в Онтарио, последовало официальное уведомление правоохранительных органов как Канады, так и Мексики. Нельзя было исключать того, что беглец направит свои стопы именно на юг, а не на север и его рассказы о Канаде на самом деле лишь маскировали намерение податься в Мексику. Одновременно с этим последовали допросы братьев ДеСальво, в ходе которых выяснилось, что с Албертом в действительности встречался не один брат, а два — старший Джозеф и младший Ричард. Генеральный прокурор штата Эллиот Ричардсон лично санкционировал арест последних, они предстали вскоре перед судом и были оштрафованы: Джозеф

¹ В этой связи хочется сделать маленькую ремарку. В начале своей криминальной карьеры ДеСальво был пойман после совершения хищения из дома, тогда в его карманах были найдены шоколадные конфеты. Оправдываясь перед судьёй, Алберт заявил, что влез в чужое жилище с целью раздобыть сладости любимой жене и дочери-инвалиду, дескать, он не мог явиться домой без маленького гостинца. Сложно сказать, поверил ли ему судья, но в тюрьму ДеСальво не отправился, в результате чего вскоре был пойман на новом хищении. На самом деле Алберт, влезая в чужой дом, вряд ли думал о дочери и жене, как видим, он сам был не прочь приналечь на конфетки и, оказавшись на свободе, поспешил удовлетворить свою небольшую страстишку.

на 1000 \$, а Ричард — на 500\$.

В тягостном ожидании минула ночь на 25 февраля, во время которой не обошлось без пугающих новостей. В 03:00 оперативный дежурный центрального аппарата ФБР получил сообщение из столицы страны, Вашингтона, из которого следовало, что 50 минутами ранее ДеСальво в сопровождении неизвестного мужчины был замечен в районе пересечения Нью-Йорк авеню и Блэйденсбург-роад на территории округа Колумбия. Парочка находилась в белом 4-дверном седане «форд» 1955 г выпуска. Все правоохранительные структуры, работавшие в столице страны, были немедленно приведены в повышенную готовность, нельзя было исключить того, что шизофреник с пистолетом решится на теракт.

Наступило утро...

Сразу после полудня центральный аппарат ФБР был проинформирован о том, что ДеСальво обратился на автовокзале в Ричмонде, штат Виргиния, с вопросом о расписании и стоимости проезда в Майами, штат Флорида. Вашингтон находится примерно в 600 км юго-западнее Бостона, а Ричмонд — в 140 км к югу от Вашингтона. Неужели «Бостонский Душителъ» и в самом деле навострил лыжи во Флориду, а его болтовня про Онтарио являлась лишь дымовой завесой? Очень было похоже на то...

А в Массачусетсе руководство правоохранительных органов считало, что ДеСальво находится где-то в районе Линна, к северу от Бостона, поскольку водитель одного из автобусов сообщил, будто подвозил некоего мужчину, похожего на ДеСальво. Местная полиция проводила осмотры заброшенных строений, сотрудники в штатском осуществляли скрытное патрулирование общественных мест. В город и его окрестности стягивались полицейские силы со всего штата.

Неожиданная развязка наступила в 14 часов, когда в полицию позвонил некий Алан Саймонс (Alan Simons),

заявивший, что в его магазине форменной одежды «Simons uniform store» находится Алберт ДеСальво. Буквально через полминуты поступила информация от бывшего лейтенанта полиции, а ныне частного детектива, Эндрю Туни, сообщившего примерно то же самое. Сообщения эти подтвердились, Десальво действительно находился в магазине одежды, куда прибыл наряд полиции из 3 человек, вооруженных помповыми ружьями во главе с Робертом Клуномом (Robert Clounan), который и зашёлкнул на запястьях ДеСальво наручники.

Стало ясно, что ни в каком Вашингтоне и уж тем более в Ричмонде ДеСальво не бывал — он всё время оставался в районе Бостона.

Официальная версия событий выглядит просто, даже незатейливо, и сводится примерно к такой схеме: беглец вошёл в магазин и обратился к Алану Саймонсу с вопросом, может ли он позвонить своему адвокату? Саймонс сразу узнал ДеСальво, уточнил, действительно ли это он? и после утвердительного ответа отвёл опасного посетителя к телефону в задней комнате магазина. Пока Алберт звонил адвокату, Саймонс позвонил в полицию, после чего заварил кофе и отнёс чашечку ДеСальво. Последний едва пригубил напиток, как появились полицейские...

В общем, известная трактовка этой истории выглядит вполне мирно и даже пасторально. Особенно трогательное впечатление оставляет чашечка кофею, поданная владельцем магазина¹ жестокому убийце.

Однако, при более внимательном изучении документов и показаний участников событий, картина получается немного иной. О её деталях следует сказать несколько

¹ Если быть совсем точным, то Алан Саймонс владел не всем бизнесом, а 50%-ой долей.

слов, поскольку при ближайшем рассмотрении поведение ДеСальво начинает играть необычными красками.

Начать следует с ночных событий. Итак, ДеСальво действительно приехал в Линн автобусом, слонялся по улицам несколько часов, и примерно в 02:30 ночи с 24 на 25 февраля проник в подвал дома №785 по Вестерн-авеню в городе Линн. В доме находились его владелец Артур Винсент (Arthur Vincent) и родная сестра последнего Симона Фидас (Simone Fedas). Погода той ночью была отвратительная — шёл дождь с громом и молниями, Винсент плохо спал и слышал какой-то подозрительный шум в подвале. Мужчина, однако, не пожелал вылезать из постели и быстро уснул. Как показал ход последующих событий, его пассивность оказалась наилучшим решением из всех возможных.

ДеСальво осмотрел подвал дома и обнаружил там форму военного моряка, принадлежавшую хозяину. Он переоделся в неё и только после этого обнаружил, что форма некомплектна — не хватало нижней трикотажной рубашки. Именно поиск этой недостающей детали военной формы и привёл его через 12 часов в магазин Саймонса. Алберт просидел в подвале до утра, пытался уснуть, но неудачно, замёрз, его донимало чувство голода. Он решил избавиться от пистолета, опасаясь, что при попытке задержания его попросту застрелят. Свою «берретту» он засунул в пачку газет, обвязанную шпагатом и приготовленную на выброс. Не пройдёт и суток, как пистолет обнаружат детективы, устроившие тщательный обыск подвала.

Братья вручили Алберту 150\$ — «этих денег с лихвой должно было хватить на то, чтобы добраться до Канады. Понимая, нарушение военно-морской формы будет привлекать внимание всех мужчин, имеющих представление о том, как должен быть одет матрос, ДеСальво решил исправить недостаток и именно для этого отпра-

Фотография слева: полиция Линна передаёт ДеСальво службе судебных маршалов. Слева, с патронташем через плечо, Роберт Клунен, непосредственно задержавший беглеца в магазине. Фотография справа: детектив демонстрирует место сокрытия пистолета «беретта» 32-го калибра, который ДеСальво спрятал в стопке газет в подвале дома №785 по Вестерн-авеню.

вился в магазин форменной одежды. Другими словами, звонить адвокату и сдаваться властям в его планы тогда ещё не входило.

Войдя в магазин Саймонса, он заявил, что хотел бы посмотреть военную форму и вместе с Аланом прошёл вглубь торгового зала. Саймонс сразу понял, кто находится перед ним и условным жестом подал знак тревоги своему помощнику, 32-летнему Джимми Треллегану (Jimmy Trellegan), крупному, спортивного вида мужчине. Тот, взяв в руки бейсбольную битку, встал у входных дверей, давая понять своим видом, что мимо него никто не пройдёт. ДеСальво не знал, что в магазине два человека, лишь пройдя вглубь, он обернулся и понял, что выход отрезан. Также он понял, что следовавший за ним по пятам Саймонс его узнал, видимо, поведение последнего

не оставляло в этом никаких сомнений. У ДеСальво не было с собой пистолета, а потому он моментально осознал, что его шансы вырваться из магазина посредством грубой силы минимальны. Мгновенно сориентировавшись в сложившейся обстановке и опасаясь, что его сейчас попросту убьют, ДеСальво моментально забыл о том, что хотел посмотреть военную форму. Он спросил у владельца магазина, может ли тот предоставить ему телефон для звонка адвокату? Он даже назвал фамилию адвоката, которому хотел звонить — Ли Бэйли (напомним, что с ДеСальво работали два адвоката — Айсгерссон и Ли Бэйли).

Алан Саймонс ответил, что хотел бы убедиться в том, что ДеСальво не вооружён. Последний кивнул и разрешил себя ощупать. Саймон похлопал по куртке и штанам Алберта и, не обнаружив ножа или пистолета, препроводил его в подсобное помещение, расположенное за торговым залом и имевшее телефон. ДеСальво поднял трубку и сообщил телефонистке, что хотел бы позвонить адвокату Ли Бэйли, последний должен был оплатить звонок. Однако, в конторе Ли Бэйли никто трубку не поднял, видимо, в середину дня субботы все сотрудники Фрэнсиса решили отдохнуть. Тогда ДеСальво попросил телефонистку соединить с лейтенантом Службы шерифа округа Эссекс Эндрю Туни. Телефонистка на это ответила, что такого сотрудника в указанном подразделении нет, однако в Массачусетсе есть частный детектив с таким именем и фамилией. Эндрю Туни после расформирования Бюро «Душитель» уволился из правоохранительных органов и подался на ниву частного сыска, о чём ДеСальво не знал. Туни оказался в своём офисе и поднял трубку. Алберт объяснил ему, что хотел бы сдать властям, сообщи адрес своего местонахождения и попросил прислать полицейскую машину. Лейтенант в отставке немедленно связался

26 февраля 1967 г в Массачусетсе не было ни одной газеты, обошедшей молчанием задержание ДеСальво и его водворение в «Уолпол». Во всех новостных блоках теле- и радиокomпаний в режиме онлайн передавались сообщения, связанные с событиями в Линне. В тот день ДеСальво мог собой гордиться — он добился всеобщего внимания и заставил о себе говорить! По крайней мере, в родном Массачусетсе.

с полицией и довел полученную информацию.

В это же самое время в полицию звонил Алан Саймонс. Фактически два звонка — от Саймонса и Туни — сошлись у одного адресата с минимальным разрывом во времени, буквально менее минуты.

Саймонс действительно налил и отнёс ДеСальво чашку кофе. По словам Алана тот выглядел очень плохо, казался вялым, усталым и грустным. Алберт действительно был не в своей тарелке, что и отметили сопровождавшие его полицейские. Состояние его казалось настолько тревожным и пугающим, что полиция всерьёз опасалась самоубийства. В ночь с 25 на 26 февраля ДеСальво не оставляли одного, напротив его камеры в полицейском участке был установлен стул, на котором сидел полицейский, наблюдавший за его поведением.

26 февраля ДеСальво передали службе судебных маршалов, после чего его отвезли в тюрьму «Уолпол».

В больницу в Бриджуотере он никогда более не возвратился.

Как видим, при внимательном ознакомлении с событиями, добровольная сдача ДеСальво становится не вполне добровольной. Обращают на себя несколько моментов. Во-первых, беглец, входя в магазин, вовсе не собирался звонить адвокату, вышедшему навстречу владельцу он сообщил о намерении посмотреть продаваемую военную форму. Мысль о телефонном звонке возникла в голове ДеСальво после того, как он увидел мужчину с бейсбольной битой в дверях. Во-вторых, ДеСальво оказался моментально опознан человеком, никогда его не вдевшим прежде. Эта мелочь убедительно подтверждает то, что интуитивно понятно всякому, видевшему фотографию Алберта, а именно: внешность его хорошо запоминаема и узнаваема. И вот тут интересно вспомнить результаты опознаний, проводившихся полицией после того, как стало известно о том, что ДеСальво признаётся в убийствах «Бостонского Душителя». Никто из свидетелей, предположительно видевших этого преступника, не опознал ДеСальво. Это очень веский довод в пользу того, что все эти люди видели какого-то другого человека. В-третьих, очень красноречив тот факт, что Алберт в подвале дома Артура Винсента избавился от пистолета. Это означало, что он не собирался кончать жизнь самоубийством и одновременно с этим, не планировал сопротивляться близкому по силе противнику. В этом предложении ключевое словосочетание «близкому по силе». Понятно, что в отношении женщины или ребёнка, вставшему на пути к свободе, ДеСальво применил бы силу, поскольку мог надеяться остаться безнаказанным. А вот с мужчиной, близким ему по кондициям, он бороться не собирался. Если бы это было не так, то от пистолета он бы не избавился, поскольку пистолет очень бы ему в такой борьбе помог. Получает-

ся интересная картина: ДеСальво, сумев раздобыть пистолет и сбежать из Бриджуотера, решил довольно нетривиальную задачу, ведь он приложил для этого массу усилий и у него всё получилось отлично, но как только проблема достижения поставленной цели сместилась в область личного мужества и готовности рисковать жизнью и здоровьем, выяснилось, что нет у ДеСальво ни мужества, ни готовности рисковать. Жидок характером оказался страшный убийца!

Впрочем, слабоваты характером оказались и его товарищи по побегу. Все эти персонажи были из категории тех, кто готов безнаказанно убивать беззащитных и слабых, но не готов рисковать собой в борьбе с равным противником. В точности по известной русской пословице: молодец среди овец, а как встретил молодца, так и сам стал овца.

Завершая историю февральского побега, остаётся добавить, что правоохранительным органам так и не удалось доподлинно установить происхождение пистолета, которым был вооружен ДеСальво. Ясно только, что оружие он получил не от братьев. Попала ли «беретта» в руки Алберта случайно или же он целенаправленно приобрёл пистолет — неизвестно. Сам беглец отделался малодостоверным рассказом о том, будто случайно обнаружил пистолет в тайнике и перепрятал его, рассчитывая прихватить при побеге. Раздобыть в Бриджуотере такую штуку было крайне непросто и затратно по деньгам, если ДеСальво, всегда нуждавшийся в деньгах, потратил имевшиеся у него небольшие суммы на приобретение оружия, стало быть, он считал это необходимым и допускал возможность применения оружия. Тем удивительнее то, как он в конечном итоге от него избавился. Тут мы в очередной раз видим ту странную двойственность, что присуща многим словам и поступкам этого человека.

Вернёмся, Впрочем, к хронологии событий.

Итак, в конце февраля 1967 г ДеСальво оказался в «Уолполе», той самой тюрьме, пребывание в которой он стремился избежать всеми средствами. Вполне возможно, что вся история с его признаниями в убийствах «Бостонского Душителя» была затеяна с единственной целью не попасть в «Уолпол» или аналогичную по строгости тюрьму. Но пути Господни воистину неисповедимы и несмотря на гарантии помощника Генпрокурора суровая тюрьма приняла в свои объятия знаменитого преступника.

Казалось, теперь ДеСальво обречён на то, чтобы выпасть из информационного пространства надолго, если не на всю оставшуюся жизнь. Но не прошло и 3-х недель, как ему удалось напомнить о себе и притом проделать это довольно необычным способом. 15 марта кембриджская студия звукозаписи «ССМ productions of Cambridge» объявила о выпуске грампластинки с записью стихотворения ДеСальво, декламируемого автором под музыкальное сопровождение. Стихотворение носило говорящее название «Душитель в ночи» («Strangler in the night»), запись была сделана ещё до побега ДеСальво из Бриджуотера. Зная о том, что Алберт вскоре после этого предпринял попытку вырваться на свободу, можно уверенно предполагать, что он рассматривал свою эпистолу как своего рода насмешку над удачно обманутым им человечеством. Для шизофреников довольно типично расценивать собственное творчество как сверхценное, они если что-то и пишут, то непременно талантливо, если обращаются, то обязательно ко всему миру. И не меньше.

Стихотворение это довольно любопытно, имеет смысл воспроизвести его целиком, оно невелико (автор умышленно приводит подстрочный перевод, а не литературный, поскольку второй может сильно исказить оригинальные коннотации. а этого хотелось бы избежать):

Нерассказана история о Душителе,
Заявившем об убийстве тринадцати женщин,
 молодых и старых.
Вот от, неуловимый Душитель,
Никому не ведомо, куда же погонит его страсть
 к путешествиям.
Он убивал при свете дня,
Не оставляя ни единой подсказки.
Молодые и старые жертвы, их губы стиснуты,
Тайну их смерти никогда не раскроют.
Даже если он болен,
Он слишком умен для того, чтобы полиция
 сумела его отыскать.
Раскрытый секрет принесёт ему славу,
Но опозорит семью нежелательным стыдом.
Сегодня он заперт в тюремной камере,
Только внутри глубоко секрет, который он может
 сообщить.
Люди повсюду всё ещё сомневаются,
Душитель в тюрьме или ходит поблизости?¹

Устроители всей этой довольно странной с этической точки зрения PR-компания предварили её разьяс-

¹ Вот текст для тех, кто хочет увидеть стихотворение на языке оригинала:

Here is the story of the Strangler, yet untold, The man who claims he murdered thirteen women, young and old. The elusive Strangler, there he goes, Where his wanderlust sends him, no one knows. He struck within the light of day, Leaving not one clue astray. Young and old, their lips are sealed, Their secret of death never revealed. Even though he is sick in mind, He's much too clever for the police to find. To reveal his secret will bring him fame, But burden his family with unwanted shame. Today he sits in a prison cell, Deep inside only a secret he can tell. People everywhere are still in doubt, Is the Strangler in prison or roaming about?

нениями, из которых следовало, что ДеСальво не получит ни единого цента из тех денег, что будут собраны продажей грампластинок и передачей прав на радиотрансляцию коммерческим каналам. Устроители этой компании планировали все вырученные деньги, каких ожидалось до 10 тыс. \$, направить на счета организации под названием «Фонд изучения и лечения сексуальных расстройств» (по-английски «Foundation to study the cause and treatment of sexual disorders — established»). Предполагалось, что «Фонд» потратит полученные средства на выплату грандов, связанных с изучением сексуальных девиаций. Честно говоря, вся эта история с декламацией стихотворения ДеСальво, имеет какой-то не очень хороший оттенок. Включать в автомобиле радио и слышать голос серийного убийцы, читающего под гитарное треньканье собственные мрачные вирши, вряд ли понравится абсолютному большинству нормальных людей. Ну в самом деле, примерьте ситуацию на себя, включаете вы какое-нибудь «Авторадио» или радиостанцию «Шоколад», а оттуда в ваши уши льётся голос Муханкина¹, читающего собственные графоманские вирши... Рука невольно потянется к пистолету!

В 1967 г началось постепенное и неукротимое ухудшение отношений ДеСальво и Ли Бэйли. В каком-то смысле этот процесс был запрограммирован приговором, вынесенным в январе 1967 г. ДеСальво не ожидал

¹ Муханкин Владимир Анатольевич (род. 1962 г) — российский серийный убийца, рецидивист, убивший не менее 8-ми и тяжело ранивший 4-х человек. Приговорён к пожизненному заключению в тюрьме, отбывает наказание в колонии «Чёрный дельфин». Автор большого числа графоманских стихотворений, по форме преимущественно сентиментально-жалостливых и тоскливых, которые с удовольствием декламирует во время интервью.

пожизненного приговора плюс 10 лет, да к тому же вне стен психиатрической больницы, поэтому неудивительно, что он обратился к адвокату с претензиями. Мы не знаем, как именно успокаивал Ли Бэйли своего подзащитного, поскольку Ли Бэйли всегда рассказывал о своих отношениях с ДеСальво в этом период в очень аккуратных и округлых выражениях. Адвоката можно понять — он сделал себе имя и немалые деньги на «Бостонском Душителе», поэтому не в его интересах допускать какие-то острые высказывания. Но противоречия, безусловно, существовали и в этом нас убеждают события, последовавшие после водворения ДеСальво в «Уолпол».

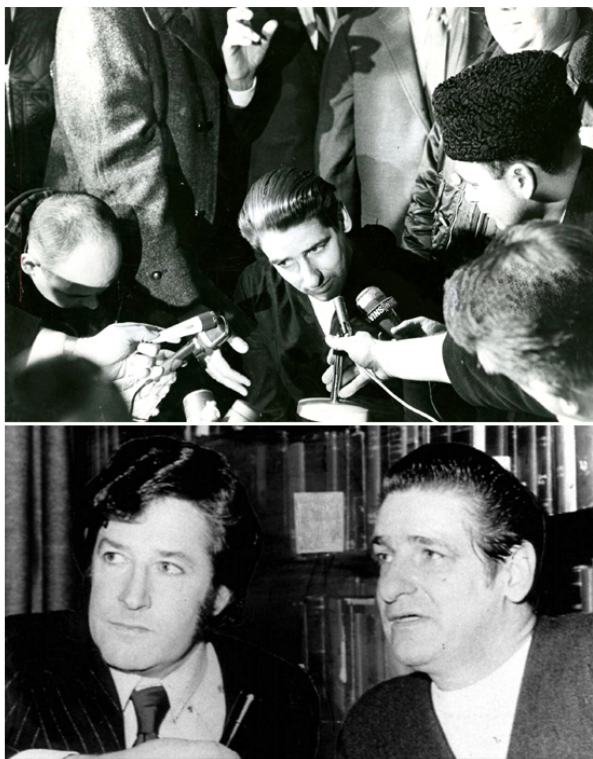
Выше упоминалось, что Ли Бэйли представлял интересы ДеСальво по всему кругу вопросов, связанных с правообладанием на материалы, имеющие отношение к «Бостонскому Душителю». Джеролд Франк, первым написавший и издавший книгу о серийных убийствах в Бостоне в 1962—1963 гг, заключил необходимое соглашение и выплатил адвокату деньги ещё до публикации книги. Напомним, что книга Франка увидела свет до того, как ДеСальво получил итоговый тюремный срок в январе 1967 г! Ли Бэйли деньги от Франка получил, но ДеСальво их не передал. То есть, адвокат выдавал Алберту кое-какие суммы на мелкие расходы, буквально 10-20-30 \$ в неделю — при этом даже не каждую неделю! — но не более того.

После февральского побега адвокат пошёл дальше — он обвинил ДеСальво в нарушении принятых на себя обязательств, рассуждая примерно по такой схеме: как ты можешь требовать от властей соблюдения договорённостей, если сам грубейшим образом нарушаешь собственные обещания и попираешь закон?! Произошедшее Ли Бэйли использовал для того, чтобы полностью перекрыть финансовый ручеёк, попадавший к ДеСаль-

во. Нет, Ли Бэйли формально не «кидал» своего подзащитного, он просто тянул время, не подпуская ДеСальво к постепенно копившейся денежной кубышке. При этом успокаивал его, говоря, что следует подождать подачи апелляции, её рассмотрения в Апелляционном суде, отмены приговора, потом следовало подождать возвращения в Бриджуотер, ну а уже после того, как всё успокоится, мы проведём проверку движения денег на счёте, окончательный расчёт и я открою тебе доступ к твоему счёту. При этом сам Ли Бэйли продолжал неплохо зарабатывать на ДеСальво. Джордж Уильям Рэй, подготовивший в 1967 г свою книгу «Признания Бостонского Душителя» к изданию, обратился к Ли Бэйли для решения вопроса о правообладании на тексты признательных заявлений ДеСальво. Вопрос был урегулирован, деньги на счёт ДеСальво переведены и книга издана. Вот только сам ДеСальво этих денег не увидел, как не увидел денег Франка и множества журналистов, с которыми встречался.

Да-да, вы поняли всё правильно, Ли Бэйли взимал деньги со всех репортёров, пытавшихся увидеться с его подзащитным сначала в Бриджуотере, а потом и в «Уолполе». Поток их в 1967 г значительно сократился по сравнению с предыдущим годом, но всё же время от времени о «Бостоносском Душителе» вспоминали и журналисты начинали искать возможность пообщаться с известным преступником. Ли Бэйли денежки складывал, а ДеСальво переводил, как сказано выше, по 10\$, а в лучшем случае, по 20\$ в неделю. Ну, в самом деле, на сигареты хватит, и даже на конфетки, если не шиковать особо!

Летом 1967 г к Ли Бэйли неожиданно обратилась Ирмгард ДеСальво, она же Бек, к тому времени уже оформившая развод с Албертом, но ещё не успевшая взять фамилию второго мужа. Причина обращения была неожиданная и довольно приятная для обеих сторон.

Ли Бэйли всячески поощрял стремление ДеСальво прославиться и всё время быть на виду. Алберту нравилось общаться с писателями и журналистами и его грела мысль, что помимо славы он на таком общении ещё и зарабатывает деньги. Прошло довольно много времени прежде чем Алберт понял, что деньги он зарабатывает отнюдь не себе, а... своему адвокату. Который узурпировал распоряжение банковским счётом ДеСальво и не собирается допустить последнего до кубышки. Это открытие поразило Алберта и спровоцировало его острый конфликт с Ли Бэйли, но официально признанному шизофренику очень сложно бороться с адвокатом на ниве гражданского права.

А произошло вот что. Киностудия «20th century fox» заявила о намерении снять кинофильм, посвященный истории «Бостонского Душителя». В качестве первоисточника предполагалось использовать книгу Джеролда Франка. Хотя она являлась документальной, автор взялся её адаптировать для съёмок игрового кино. Фильм предстояло снять в Бостоне, в аутентичном, так сказать, антураже. В качестве консультанта кинокартины выступил бывший полицейский сержант, а ныне пенисонер, Филипп ДиНатале, тот самый специалист по работе с экстрасенсами, что не раз упоминался в предыдущих частях этой книги. Никто не знает в точности, сколько ДиНатале заработал на своих консалтинговых услугах, но можно не сомневаться, что доход получился очень достойный. Ему настолько понравилось работать с господами из кинобизнеса, что он бросил дождливый Массачусетс и купил дом в Калифорнии, где в течение ряда лет подрабатывал консультантом на съёмках кинокартин детективной и околोकриминальной тематики. Впоследствии ДиНатале на заработанные деньги открыл детективное агентство, которое и возглавлял вплоть до собственной смерти в 1987 г. В общем, всё у сержанта сложилось более чем хо-рошо!

На этапе подготовки к съёмкам картины встал вопрос о том, под каким именем надлежит вывести жену отвратительного садиста? Под именем «Ирмгард», или, быть может, каким-то иным? Женщина, не долго думая, обратилась за консультацией к Ли Бэйли, благо репутация последнего после истории с признаниями ДеСальво сделалась чрезвычайно высокой. Адвокат согласился представлять интересы бывшей супруги своего подзащитного, не увидев в этом конфликта интересов. Ли Бэйли провёл переговоры с кинокомпанией и договорился о весьма неплохой компенсации за использование имени Ирмгард — 25 тыс.\$! Не забываем, что в том году средняя

Филипп ДиНатале во второй половине 1960-х гг. Отставного полицейского следует признать одним из бенефициаров разоблачения «Бостонского Душителя». Он заработал очень неплохие деньги на сотрудничестве с Голливудом и прожил очень достойную старость, которую не смог бы себе позволить на сержантскую пенсию. Понятно, что ДиНатале, как Ли Бэйли, Боттомли, сенатор Брук и ряд других участников событий 1965—1966 гг, всегда с яростью настаивали на безусловной виновности Алберта ДеСальво.

зарплата в США едва перевалила за 1 тыс.\$ в месяц, так что Ирмагд благодаря Ли Бэйли фактически подняла с земли 2-годовой средний заработок.

Честно говоря, сложно понять в чём кроется сакральный смысл использования имени и почему киностудия должна была платить за использование подлинных имени и фамилии... Впрочем, не станем углубляться в эти весьма странные юридические кущи, а отметим другое: Ли Бэйли скрыл от Алберта факт обращения его бывшей жены и представление её интересов в ходе коммерческих переговоров. ДеСальво узнал об этих деталях спустя почти полтора года и притом совершенно случайно. Фильм вышел на экраны в октябре 1968 г и был встречен в Массачусетсе весьма прохладно. ДеСальво в исполнении Тони Кёртиса плакал, избивал и яростно боролся с жертвами, что совершенно не подкреплялось фактическими данными, а потому знакомые с деталями расследования лица комментировали кинокартину не без иронии. Журналисты писали саркастические рецензии и задавались вопросом, к чему было устраивать съёмки в Бостоне и позиционировать фильм близким к реальным событиям, если на самом деле в этом киношедевре вымысла больше, чем правды? В одной из рецензий и промелькнуло упоминание о том, что кинокомпания, стремясь к избыточной достоверности, заплатила Ирмагд немалую сумму за использование её подлинного имени. Статья попала на глаза Ричарду ДеСальво и тот помчался с нею в тюрьму к брату.

Алберт ДеСальво, узнав, что его адвокат провёл переговоры с кинокомпанией и добился денежной выплаты бывшей жене, впал в ярость. Так и хочется воскликнуть: наконец-то! Наконец-то до бедолаги ДеСальво дошло, что все вокруг него за его счёт порешали свои материальные проблемы. Даже жена, бросившая его в самый трудный период жизни, умудрилась на заработать на его чёр-

ной славе! У всех всё хорошо, кроме самого ДеСальво, разумеется!

Было отчего расстроиться...

В этом месте можно упомянуть, что две апелляции, поданные Ли Бэйли и Айсгерссоном в 1967 г, были отклонены. 4 января 1968 г Верховный суд штата отклонил прошение о назначении нового суда, которое обосновывалось довольно странным образом. Адвокаты настаивали на том, что решение окружного суда, вынесенное в январе 1967 г, якобы вступало в противоречие с мнением психиатров, высказанном в ходе слушаний в июне 1966 г. Это, разумеется, было не так и адвокаты это прекрасно знали, более того, сам же Ли Бэйли активно противостоял психиатру Роби Эймсу, доказывавшему, что ДеСальво нельзя судить, а следует подвергнуть лечению! Верховный суд, изучив материалы судебных заседаний 1966 г и 1967 г, разобрался в ситуации и вынес вполне оправданное решение, постановив отклонить прошение о назначении нового суда, как немотивированное и лишённое логики. При этом члены Верховного суда, должно быть, не без толики издёвки отметили, что лучший способ решить вопрос об ответственности или безответственности преступника, заключается в том, чтобы предоставить двенадцати членам жюри решить этот вопрос после разумного и понятного суда. Что в январе 1967 г и произошло. Переводя с русского на понятный, мысль судей можно выразить саркастической сентенцией: вы хотели судебного процесса — вы его получили!

А летом 1968 г была отклонена вторая апелляция, в которой адвокаты предприняли попытку добиться отмены приговора, вынесенного в январе 1967 г, на основании чисто казуистических доводов. Может быть, такая апелляция и возымела бы результат, если бы касалась обычного уголовника, но в случае «Бостонского Душителя» на её успех рассчитывать не приходилось изначально.

Провалы апелляции усугубили гнев ДеСальво, не находивший утоления после того, как он узнал о полученных Ирмгард деньгах. Мы не знаем, какими словами Фрэнсис Ли Бэйли пытался уговорить Алберта ДеСальво, поскольку адвокат всегда крайне скупно рассказывал о деталях своего общения со знаменитым подзащитным после побега последнего из Бриджуотера. Но зная эмоциональность и болтливость ДеСальво, можно не сомневаться, что его объяснение с адвокатом носило характер феерического словоизвержения и настоящего пароксизма. Именно тогда, в ноябре 1968 г отношения между ДеСальво и Ли Бэйли оказались на грани разрыва. Адвокат, сам по себе бывший отличным лицедеем и манипулятором окружающими, каким-то образом пригасил конфликт на несколько месяцев, но уже тогда стало ясно, что противоречия стали непримиримы и разрыв является всего лишь вопросом времени.

В этой связи не без толики сарказма хочется упомянуть о том, что в начале 1968 г Генеральная прокуратура штата Массачусетс с подачи её нового руководителя Ричардсона озабочилась вопросом... расследования убийств одиноких женщин в 1962 — 1964 гг в Бостоне. Да-да, это не опечатка, речь идёт о тех самых преступлениях, которые приписывались «Бостонскому душеителю»! 23 февраля 1968 г в газете «Herald travelers» появилась статья с говорящим названием «Ричардсон может обнаружить шероховатости в деле ДеСальво». В материале сообщалось о неудовлетворенности Генеральной прокуратуры штата результатами работы группы Джона Боттомли и обращалось внимание на то, что все лица, связанные с расследованием, покинули правоохранительную систему штата.

В связи с намерением Генпрокурора Ричардсона возобновить расследование, журналисты обратили вни-

Richardson May Find DeSalvo Case Rough

By JACK O'SHEA

Atty. Gen. Elliot L. Richardson bit off a big chunk recently when he announced the reopening of the probe of self-acclaimed Boston Strangler Albert DeSalvo.

His office has a tremendous amount of work to do on the case because:

—Tapes of detailed conversations with the Malden handyman in 1963 may not be admissible at a trial, if any is ever held.

—Several key persons involved with the initial investigation are no longer in office.

In July, 1965, when DeSalvo first volunteered to tell officials of his alleged activities connected with the deaths of 13 Greater Boston women between 1962 and 1964, there was a stipulation that nothing he told them could be used in prosecution.

Former Asst. Atty. Gen. John S. Bottomly, head of the so-called Strangler Bureau established in 1964 by former Atty. Gen. Edward W. Brooke, re-

quest that Bottomly turn over the tapes to his office.

Present during the several taped interviews with DeSalvo at Bridgewater State Hospital were several officials. These included, besides Bottomly, former State Police Lt. Det. Andrew J. Tuney, DeSalvo's guardian; former Corrections Commr. George McGrath, former Boston Police Det. Philip DiNatale, and DeSalvo's counsel, Atty. F. Lee Bailey.

Only Bailey still remains on the job.

Bottomly left office in the fall of 1966 to return to practice of private law. He is currently a co-ordinator for a Hollywood firm filming the Boston Strangler story.

DiNatale recently resigned from the Boston Police Dept. to become a consultant to the same movie firm. Filming has been completed in Boston and the company is now in California.

Tuney left as chief investigator in the Strangler Bureau in October 1966 and is now

laney, a former MDC policeman, have left for private work.

Even the secretary to the former bureau has resigned. Miss Sandra Irizarry is now with Tuney's firm.

Before the special bureau was shut down, a vast collection of files including photographs of each crime scene had been compiled.

Presumably this collection, representing two years' labor by a staff of at least four detectives, is in Richardson's possession.

Donald Conn, former assistant attorney general and now special assistant to Richardson, is presumably the man who would prosecute DeSalvo, Conn, while an assistant district attorney in Middlesex County, succeeded in January 1967 in getting DeSalvo convicted for four sex attacks.

DeSalvo has never been formally charged with any of the murders and the only comment from anyone in authority is that he has remained "a suspect."

Статья, появившаяся в «Herald travelers» 23 февраля 1968 г, сообщала о неудовлетворенности Генпрокуратуры штата результатами работы Бюро «Душитель» и, по-видимому, носила заказной характер.

мание на весьма красноречивый переход на новую работу Дональда Конна, помощника окружного прокурора, выступавшего обвинителем на процессе ДеСальво в январе 1967 г. Конн совершил в высшей степени неожиданный карьерный рывок — с довольно заурядной должности в окружной прокуратуре он прыгнул в кресло специального помощника Генпрокурора штата.

Ранг специального помощника получали чиновники, возглавлявшие какое-либо важное расследование и имевшие право напрямую выходить на Генерального прокурора для оперативного и частного решения поставленных задач. То, что Конн неожиданно для всех занял такую позицию, могло свидетельствовать о намерении Ричардсона реанимировать расследование убийств 1962 — 1964 гг в Бостоне.

Статья в «Herald travelers» являлась не единственной публикацией такого рода в средствах массовой информации того времени. Некоторые материалы были очень остры и откровенно направлены против Боттомли и проделанной им работы. Например, Харрисон, один из товарищей ДеСальво по февральскому 1967 года побегу из Бриджуотера, рассказал журналистам о том, что Алберт не является «настоящим Бостонским Душителем». По словам Харрисона на эту роль ДеСальво «натаскал» другой узник психиатрической лечебницы, с которым Алберт много общался. Харрисон утверждал, что неоднократно, может быть, 15 или даже 20 раз лично слышал эти разговоры и никакой загадки в том, кто же является настоящим «Фантомом», для него нет. Что примечательно, Харрисон не назвал журналистам фамилию таинственного «настоящего Бостонского Душителя».

Честно говоря, эти публикации производят впечатление заказных, т.е. решают они не те задачи, которые формально призваны решать. Заказные публикации — это всегда способ достижения какой-то неявной задачи. Важно понимать, что должность Генерального прокурора штата в американской бюрократической иерархии очень важна, чиновник такого уровня — всегда политическая фигура. Это означает, что он решает не только вопросы управления текущей работой подчиненного ему ведомства, но и проблемы политической борьбы на территории штата. Посему многие слова и действия

Генерального прокурора — как, впрочем, и молчание, и бездействие — могут проистекать из соображений политической целесообразности, а вовсе не из духа или буквы Закона. У автора сложилось впечатление, что в 1968 г Генпрокурор Ричардсон угрозами возобновить расследование преступлений «Бостонского Душителя» усиленно подавал кому-то сигналы. Кому именно предназначались эти сигналы, сказать сложно, для понимания таких нюансов надо очень глубоко погрузиться в политическую историю штата Массачусетс (что по мнению автора не очень интересно, да и не имеет большого смысла). Понятно, что возобновление расследования неизбежно грозило доставить кое-кому неприятные минуты — могли появиться вопросы к Боттомли, его группе со странными полномочиями, к юридической чистоте договоренности помощника Генпрокурора с ДеСальво, к правомочности игнорирования Эймса Роби и т. п. И точно также понятно, что задавать острые вопросы всегда проще и веселее, нежели отвечать на них. В общем, Ричардсон, возобновляя расследование, мог вдоволь покуражиться, а уж кому досталось бы на орехи — бывшему Генпрокурору Бруку, его помощнику Боттомли или, скажем, начальнику полиции Бостона МакНамаре — это уже дело десятое!

Судя по всему, поданные Ричардсом сигналы были замечены и должная реакция последовала. В этом нас убеждает то, что обещанной активизации расследования так и не последовало. Публикации на тему «обоснованных сомнений в результатах расследования» в одночасье прекратились и обсуждение истории «Бостонского Душителя» сделалось вдруг неактуальным. Ни в 1969 г, ни в 1970 г, ни в последующие годы в средствах массовой информации штата Массачусетс мы не видим ничего похожего на ту активность, что имела место в первые полтора года работы Эллиота Ричардсона на посту Генераль-

ного прокурора.

Что происходило с ДеСальво после его водворения в тюрьму «Уолпол»?

7 июля 1968 г Апелляционный суд оставил без движения вторую апелляционную жалобу на приговор январского 1967 г суда ввиду формальных нарушений, допущенных Ли Бэйли при подаче жалобы. Об этом было упомянуто выше, в том месте, где рассказывалось о разрыве отношений между ДеСальво и Ли Бэйли.

Уже после выхода в октябре 1968 г кинофильма «Бостонский Душитель» ДеСальво надумал подать в суд на кинокомпанию «20th century fox». Алберт не видел сего шедевра, но по рассказам родных составил ясное представление об уровне сего поделия. Он испытал чрезвычайное раздражение от того, каким придурком его выставили создатели киноленты. По совести говоря, обижаться ему было не на что, поскольку жестокого убийцу и насильника невозможно изобразить человеком, вызывающим сочувствие. Однако, экранный образ преступника оставлял ощущение некоторой клоунады и забористой гротескности, режиссёр явно переборщил с драматургией и тем задел самолюбие ДеСальво. Думается, последнему не понравился бы свой образ при любой экранизации, но в данном случае недовольство ДеСальво имело объективную основу, в чём может удостовериться любой, просмотревший этот фильм. Сделать это несложно, кинокартина сейчас выложена в интернет и доступна всем. ДеСальво не понравилось и то, что преступник в кинокартине действовал под его именем и фамилией, а также под своими именем и фамилией была показана его жена Ирмагд. ДеСальво трактовал свою договорённость с прокуратурой таким образом, что его анонимность должна была быть гарантирована Генеральной прокуратурой штата. Понятно, что после тысяч телерепортажей и газетных публикаций об этом не могло быть

Тони Кёртис в кинофильме «Бостонский Душитель», вышедшем на экраны в октябре 1968 г, ожидаемо играл Бостонского Душителя. Получилось это у него, скажем прямо, не очень хорошо, даром, что актёр талантливый и известный! Режиссёр явно переборщил с драматургией и смотреть сие киноподелие — та ещё пытка! Неудивительно, что фильм показал в прокате результаты довольно средние, а в Массачусетсе местная пресса встретила его критикой и сарказмом.

и речи. Конечно, нежелание быть названным в кинофильме своим именем и фамилией выглядит очень странно, учитывая, что буквально годом ранее сам же ДеСальво всячески приветствовал интерес журналистов к собственной персоне. А ведь кроме этого Алберт получил от Джеролда Франка деньги за книгу и в период её подготовки встречался с автором. Ну, о какой анонимности после всего этого может идти речь? Очевидно, что перед нами искаженное мировосприятие больного человека, слабо ориентирующегося в окружающей обстановке и воспринимающего мир совершенно искаженно.

Ли Бэйли пытался отговорить ДеСальво от подачи иска, видимо, понимая нереальность добиться скольконибудь значимой компенсации. Однако, в данном случае коса нашла на камень, ДеСальво настаивал на выплате в порядке компенсации 2 млн.\$ — это была чудовищная сумма по тем временам, понятно было, что ни один суд не встанет на сторону истца при такой величине искового требования. Особенно учитывая то, кем являлся истец! ДеСальво, однако, ничего не хотел слушать, он, что называется, закусил удила. Отношения между адвокатом и подзащитным к концу 1968 г были испорчены уже до такой степени, что первый в глазах второго растерял последние остатки бывшего уважения. Фрэнсис Ли Бэйли в конечном итоге подал иск, на котором настаивал ДеСальво. Видимо, он посчитал разумным поступить в точности по поговорке «исполню любые извращения за деньги клиента».

По горькой иронии судьбы теперь Ли Бэйли пришлось обратиться за поддержкой к доктору Эйму Роби, уехавшему к тому времени из Массачусетса и обосновавшемуся в Мичигане. Там он продолжал заниматься судебной медициной и даже принял участие в расследовании серии убийств студенток Мичиганского университета, произошедших в городах Ипсиланти и Энн-Арбор¹. Ад-

вокат просил Роби выступить на процессе свидетелем, психиатр согласился и дал показания 20 декабря 1968 г. Ли Бэйли, явно не желая лично проводить допрос антипатичного ему человека, уклонился от этой неприятной миссии, попросту не появившись в нужный момент в зале суда. Поэтому допрос психиатра провёл Томас Трой (Thomas Troy), ещё один из команды адвокатов, работавших к тому времени с ДеСальво. В принципе, показания Роби во всём соответствовали тому, что доктор говорил на суде летом 1966 г. Роби, пожалуй, был вообще единственным человеком из многих десятков участников этой драмы, сохранившим своё отношение к ДеСальво неизменным. Психиатр в который уже раз — как минимум, в третий! — повторил в суде своё мнение о недееспособности ДеСальво в начале 1965 г, т.е. в то время, когда решался вопрос о его соглашении с Джоном Боттомли о признаниях в убийствах «Бостонского Душителя». На вопрос Троя о том, каково было состояние мышления ДеСальво в то время, Роби образно ответил, что ДеСальво мог думать о замене батарейки в транзисторном радиоприёмнике в своей камере, но вряд ли о чём-то более важном.

Адвокаты кинокомпании Мезэр (Meserve) и Фэчер (Facher), разумеется, понимали, что показания Эймса Роби объективно играют на пользу истцу, а потому при перекрёстном допросе они устроили психиатру настоящую обструкцию, доказывая его некомпетентность и неспособность объективно оценивать состояние ДеСальво в тот период. Судье пришлось вмешиваться

¹ Этому расследованию посвящен очерк «Волк в овечьей шкуре», размещенный на сайте автора «Загадочные преступления прошлого». Вот интернет-адрес этого очерка: http://murders.ru/Jo_No_Col_1.html

и останавливать дискуссию в зале, принявшую форму довольно откровенной перебранки.

Наверное только в те декабрьские дни 1968 г ДеСальво наконец-то понял, что Эймс Роби являлся его единственным другом, или, если выражаться более обтекаемо, единственным, кто не искал в нём выгоды. Правда, понимание этого очевидного факта пришло к ДеСальво слишком поздно, лишь тогда, когда Алберт потерял всякую возможность влиять на собственную судьбу.

Тяжба с громадной кинокомпанией закончилась вполне ожидаемым пшиком. Наверняка, никто, кроме одного лишь ДеСальво, и не верил в то, что серийному убийце и признанному шизофренику удастся отсудить у акулы Голливуда миллионы долларов. Провал суда спровоцировал острое выяснение отношений между ДеСальво и Ли Бэйли. Алберт заявил об отказе от услуг Фрэнсиса и потребовал передачи всех денег, которые тот получил от писателей и журналистов, представляя его интересы. Ли Бэйли отказался что-либо отдавать ДеСальво, заявив, будто никаких денег и нет, ибо все полученные деньги ушли на оплату его, Ли Бэйли, услуг. Если раньше «кидок на деньги» носил, так сказать, виртуальный характер, то в феврале 1969 г он нашёл своё выражение в официальном заявлении адвоката, которое свелось к незатейливой форме «денег нет и не будет». Особый цимес этой ситуации придавало то обстоятельство — к тому времени благополучно позабытое — что Ли Бэйли изначально брался представлять интересы ДеСальво совершенно бесплатно.

4 марта 1969 г ДеСальво официально отозвал доверенность Ли Бэйли на представление интересов и право выступать от имени клиента в суде и у «Бостонского Душителя» появился новый адвокат — Томас Трой. Последний привлёк к работе своего хорошего друга Фрэнсиса Ньютона-младшего (Francis C. Newton, jr.). Именно эти

два человека плотнее всех контактировали с ДеСальво в его последние годы жизни. Обоим Алберт заявлял не раз, что не является «Бостонским Душителем» и намерен написать книгу, в которой расскажет всю правду о том, как и почему ему пришлось согласиться сыграть роль убийцы.

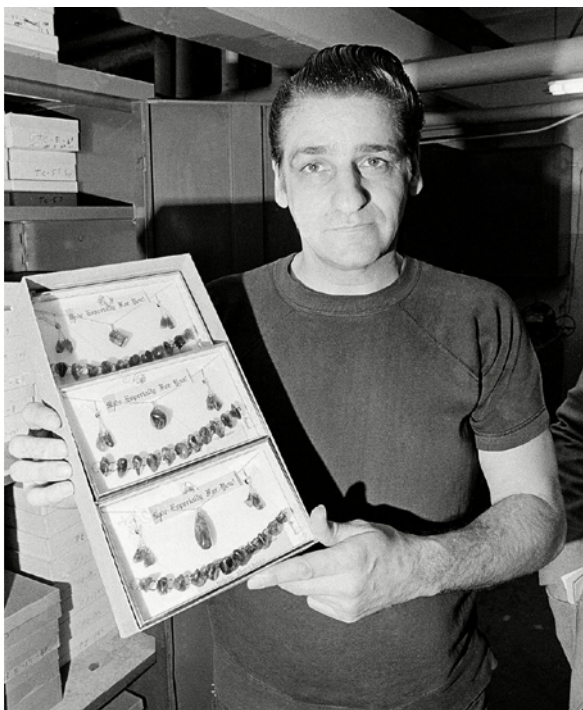
Основным условием сотрудничества новых адвокатов с Албертом ДеСальво явилось бесплатное оказание услуг на первом этапе. Выплата гонорара должна была состояться только после возвращения денег, на которые наложил лапу Ли Бэйли. Сначала адвокаты пытались достичь с последним досудебного урегулирования, настаивая на представлении им полного отчёта о полученных в период с 1965 г по конец 1968 г средствах. Ли Бэйли откровенно тянул время, он вроде бы и не отказывался от сотрудничества, но принятых на себя обязательств не выполнял, ссылаясь на разного рода объективные причины. То он уезжал на другой конец страны для представления интересов очередного клиента, то не являлся на назначенные встречи, объясняя отсутствие лечением в больнице, то выдумывал что-то ещё. Проволочки растянулись более чем на 2 года. Уставший от этих вздорных игр, Фрэнсис Ньютон летом 1971 г подал против Фрэнсиса Ли Бэйли иск, настаивая на принудительном взыскании с последнего денег, причитающихся Алберту ДеСальво. Сумма иска превышала 70 тыс.\$ — это были очень значительные для того времени деньги. Минули долгих 6 лет, прежде чем суд поставил точку в этой грязной истории.

К концу жизни ДеСальво оказался в отчаянном положении — у него вообще не было никаких денег, хотя потенциально он был довольно обеспеченным человеком... Правда, все его средства находились в руках Ли Бэйли и их каким-то образом надлежало у него забрать. Это и стало главной задачей Троя и Ньютона. Предполага-

лось, что после того, как они вернут деньги, ДеСальво оплатит их услуги и уже после этого адвокаты займутся работой над отменой приговора. ДеСальво надеялся, что его отказ от признательных показаний, данных Боттомли, позволит поставить вопрос о пересмотре приговора, вынесенного в январе 1967 г.

Чтобы заработать хоть какие-то карманные деньги, столь необходимые для жизни в тюрьме, ДеСальво принялся мастерить чокеры, женские украшения из недорогих поделочных камней и серебра, носимые вокруг шеи. В комплекте с ними обычно продавались серьги, кольца или браслеты. Свои поделки Алберт продавал в тюремном магазине, устроенном для удобства посетителей прямо на входе в административный корпус, либо изготавливал под заказ и высылал по почте. Бизнес был копеечным, требовал много времени и усидчивости, скольконибудь заметных денег заработать таким образом оказалось невозможно.

Неудивительно, что общительный и активный ДеСальво нашёл себя в другой сфере. Он принял активное участие в создании своеобразного «тюремного профсоюза», представлявшего собою группу предпринимчивых заключенных, объявивших себя защитниками интересов всех тюремных сидельцев. «Профсоюз» требовал реформы тюремного режима — разрешения гостевых визитов продолжительностью 3 суток, увеличения денежных сумм, разрешенных к передаче, решения расовых вопросов и пр. Отдельным пунктом стояло требование беспристрастного расследования всех случаев насилия в тюрьме. В период с января 1972 г по декабрь 1973 г в «Уолполе» были убиты 10 заключенных, т.е. убийства происходили чаще, чем раз в 2 месяца. Инциденты, связанные с насилием, но без смертельного исхода — ножевые ранения, избиения, групповые драки — происходили буквально каждую неделю, число

Алберт ДеСальво с наборами собственноручно изготовленных чокеров. Автор должен признаться, что считает эту фотографию лучшей из всех. Портрет убийцы получился очень характерным: в глазах — неизбывная тоска, худенькая фигура с узкими плечиками и руками, лишенными мускулатуры, на голове нелепый, намазанный бриолином кок... Никакой энергии, никакой брутальности, ни малейшего вызова. На фотографии мы видим маленького мужичонку, бессильного и запуганного. Такое ощущение, что ДеСальво держит в руках эту планшетку с чокерами, презирает сам себя и думает: «Господи Боже, как я здесь оказался? Что же я наделал?»

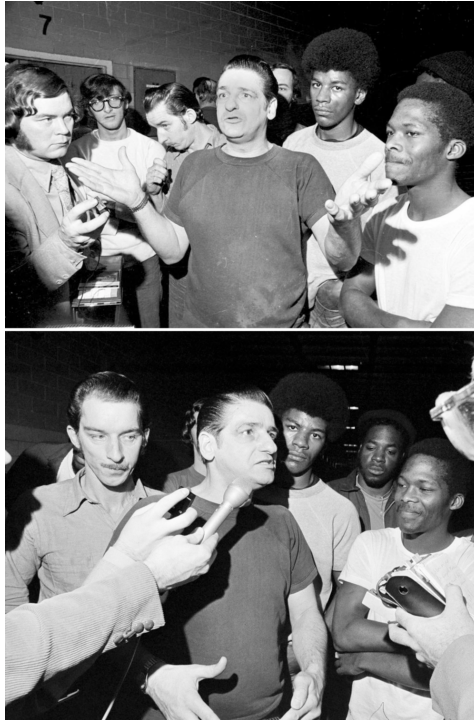
такого рода происшествий в то время стабильно держалось на уровне 45 — 65 в год.

ДеСальво явно не искал тихой жизни. Он хотел всё время оставаться на виду и был готов использовать для этого любой повод. Вряд ли подобное поведение можно считать оптимальной стратегией выживания в таком опасном месте, каковым являлась тюрьма «Уолпол».

Однако вся эта общественная деятельность никак не помогала наполнить карманы. Между тем, деньги были нужны на всё — на шоколадные конфеты и на сигареты, и уж тем более на запрещённые удовольствия, вроде, выпивки или наркотиков. Безденежье толкнуло Алберта на ту единственную стезю, что обещала принести хоть какую-то заметную материальную выгоду. Речь идёт о нелегальном тюремном бизнесе. Таковой обычно связан либо с азартными играми и ростовщицеством, либо с торговлей запрещёнными товарами. ДеСальво не имел свободных денежных средств, а потому не мог играть в карты, делать ставки в тотализаторе или ссужать деньгами нуждающихся. Потому ему оставалось лишь пытаться счастья на ниве подпольной тюремной торговли.

Успех всякого нелегального бизнеса во многом связан с тем, является ли его организатор человеком, которому отдают долги. Потому что есть люди, которым долг можно не отдавать вовсе, а есть такие, у которых лучше вообще не занимать. От того, насколько серьёзным человеком является заимодавец, во многом зависит успех его затей.

Насколько серьёзным преступником считался ДеСальво в тюрьме? Другими словами, пользовался ли он авторитетом среди прочих сидельцев? Дэниел Догерти (Dan Doherty), социальный работник, занимавшийся в начале 1970-х гг оформлением различных документов для заключённых «Уолпола», имел возможность наблюдать за тюремной жизнью той поры и спустя три десятилетия дал несколько развёрнутых интервью о том, что

ДеСальво во главе группы членов «тюремного профсоюза» разговаривает с журналистами. В тюрьме «Уолпол» периодически происходили инциденты, привлекавшие внимание средств массовой информации, тогда тюремная администрация устраивала экскурсии для репортёров, дабы показать, что ситуация полностью под контролем. При появлении журналистов ДеСальво старался попасться им на глаза и с удовольствием изображал из себя человека, пользующегося уважением окружающих. Подобное поведение, безусловно, должно было раздражать очень многих — как тюремный конвой, так и других заключенных. Привлекать внимание к себе — это не лучшая стратегия выживания в таком месте, как тюрьма строгого режима.

видел и слышал от своих подопечных. Он, разумеется, знал кто такой ДеСальво и расспрашивал о нём; сегодня мы можем верить или не верить воспоминаниям Догерти, но по некоторым косвенным соображениям можно считать, что они довольно близки к истине.

Догерти вспоминал, что ДеСальво называли «Итальянец» — это «погоняло» не имело уничижительной коннотации и хорошо соответствовало как внешности Алберта и фамилии, так и темпераменту. Обычно убийцы в американских тюрьмах относятся к категории самых крутых сидельцев, но это правило распространяется на «солдат» мафии и не имеет отношения к сексуальным убийцам. То обстоятельство, что ДеСальво считался убийцей 13 женщин, не придавал ему какой-то особый вес или авторитет в глазах окружавших его уголовников. Алберт был болтлив и хвастлив — эти особенности его поведения отмечали все, знавшие ДеСальво — а болтливость и хвастовство в мужских коллективах всегда работают против имиджа серьёзного человека. В «Уолполе» отбывали наказание преимущественно профессиональные преступники, многие из которых были связаны с преступным миром на протяжении всей взрослой жизни. Они смотрели на ДеСальво как на человека совершенно постороннего и вздорного. Догерти поинтересовался у одного из итальянцев, связанного с мафиозной «семьёй» и отбывавшего срок за убийство «солдата» конкурирующей группировки, его отношением к ДеСальво. Догерти ожидал услышать более или менее корректный отзыв, поскольку единоплеменники обычно поддерживали друг друга в коллективах, имевших пёстрый национальный состав. Каково же было удивление Догерти, когда бандит при упоминании ДеСальво отозвался о том в высшей степени пренебрежительно. Своё крайнее неуважение он объяснил примерно так: как можно уважать человека, который сознался в преступлениях, которые не совер-

шал, и ничего за это не получил? Иначе говоря, соседи ДеСальво по «Уолполу» прекрасно понимали, что с ним что-то глубоко не в порядке — он «тянет чужую ляжку», то есть сидит за чужие преступления, причём сидит крепко, без шансов освободиться — и уважать такого неудачника тюремный коллектив вряд ли бы стал.

Уже после смерти ДеСальво журналисты пытались собрать информацию о нём у людей, наблюдавшие его в тюрьме. Известно, что его не без иронии называли «большой шишкой» (дословно: «he was a big shot») и коннотация подобного словосочетания применительно к Алберту была сугубо саркастичной. Сексуальный преступник, находящийся в тюрьме рядом с профессиональными гангстерами, не имел ни единого шанса занять хоть сколько-нибудь весомое место в негласной криминальной иерархии. Но помимо этого, представляется гораздо более важной другая информация от его коллег по заключению, согласно которой Алберт пристрастился к наркотикам. Для человека, страдающего шизофренией, систематический приём наркотиков означает разрушение и без того сниженной коммутации с окружающим миром, утрату адекватности и нормальной рефлексии.

Зная всё это, нельзя не признать, что попытка Алберта влезть в какой-то подпольный бизнес была чревата для него большими потенциальными проблемами. Их возникновение было лишь вопросом времени. ДеСальво являлся не тем человеком, которому надо обязательно возвращать долги, а коли так, его должны были рано или поздно «кинуть». «Кидок» был запрограммирован самой логикой тюремного общежития, где человек человеку — волк.

В ноябре 1973 г Алберт почувствовал угрозу своей жизни — его то ли предупредили о готовящейся расправе, то ли пригрозили те, кто намеревался эту расправу устроить. Причиной обострения ситуации послужили

его собственные действия, Алберт попытался влезть в весьма конкретную сферу внутритюремной торговли наркотиками, а если точнее, в распространение таблеток амфетамина. Он действовал явно не сам по себе, его «крышевал» кто-то из тюремной охраны, видимо, это придавало ДеСальво уверенность в собственных силах. Алберт продавал наркотики с большим дисконтом, что быстро парализовало деятельность остальных тюремных торговцев. После этого последовала тривиальная уголовная «разводка» — у ДеСальво исчез тайник с наркотиками, взятыми под реализацию. Есть и другой вариант рассказа об этом — человек, получивший «товар» в кредит, отказался возвращать деньги. В обоих случаях денег для возмещения пропавшего товара ДеСальво не имел.

Алберт понял, что дело плохо и возможны решительные действия со стороны владельца товара. 24 ноября 1973 г он обратился к тюремной администрации с просьбой предоставить ему защиту. Алберту в этом не отказали — его поместили в отдельную камеру тюремного лазарета. Это, кстати, была стандартная процедура в тех случаях, когда узнику требовалось обеспечить максимальный уровень личной безопасности. В том же самом 1973 г аналогичным образом и с той же целью в тюремную больницу помещались четверо других совершенно здоровых заключенных.

Больница представляла собой часть крыла 1-го этажа и включала в себя в общей сложности 14 помещений. Выше больницы располагался административный этаж, где находился, в том числе, и кабинет директора тюрьмы. Выше — на 3-м и 4-м этажах — помещались камеры с особо опасными преступниками, их специально держали поближе к администрации. Чтобы попасть с 3-го этажа на 1-й следовало преодолеть по меньшей мере 3 внутренних поста. Каждый из них был устроен таким образом, что представлял собою фактически шлюз,

в котором последующую дверь нельзя было открыть, не закрыв предыдущую. Это означало, что ни один из постов невозможно было преодолеть без взаимодействия с дежурным охранником. Общее же количество дверей, которые необходимо было пройти при движении с 3-го этажа на 1-й, составляло 6, а в случае движения с 4-го этажа на 1-й — 8.

Вечером 25 ноября, в воскресенье, уже после перевода в лазарет, ДеСальво сделал два телефонных звонка. Интервал между ними составил примерно 30 минут. Сначала Алберт поговорил с братом Ричардом. Как утверждал последний, разговор носил совершенно рутинный, обыденный характер, Алберт казался спокойным и даже весёлым. Он ничего не сказал о своём переводе в больницу, что наводит на мысль о его нежелании посвящать брата в возникшие проблемы.

Затем, примерно в 21 час или чуть ранее, Алберт позвонил по домашнему телефону Роби. Вообще-то, он не должен был застать его дома, поскольку врач работал в Мичигане и в Массачусетсе появлялся только наездами, но именно в тот день Эймс Роби вернулся для того, чтобы в понедельник выступить в суде. По словам психиатра, Алберт был явно напуган, он заявил, что нуждается в помощи и ему угрожает опасность. Далее он сообщил, что намерен дезавуировать собственные признания, сделанные Боттомли, и пояснил, что имеет рукопись, в которой он объясняет своё поведение. Впоследствии Роби затруднился в точности повторить фразу ДеСальво, касающуюся рукописи, и уточнил, что сказанное ДеСальво можно было истолковать так, что тот только собирается такую написать. Врачу передалась тревога Алберта и они договорились увидеться завтра. ДеСальво просил Роби приехать вместе с репортёром, дабы тот мог дословно записать и опубликовать в газете сказанное им. Выбор газеты Алберт оставил за Роби. В конце разговора

only deficit money for one year, the passage of the transportation package probably will set a precedent for continued state assumption of 50 percent of the MBTA operating deficit.

fill their fuel tanks at the outset, their efforts to reduce heating short the first time around, the ders would be able to refill th tanks and give them a warning cut down more strictly.

Albert DeSalvo found stabbed to death in cell

By Stephen Wermiel
Globe Staff

WALPOLE — Albert H. DeSalvo, the self-professed Boston Strangler, was found stabbed to death in his

G. Burke, who received the results of an autopsy late yesterday afternoon."

DeSalvo was serving a life sentence imposed in Middlesex County Superior Court in January, 1967 for robbery, burglary and sexual a

ДеСальво выразил сожаление относительно своей ошибочной договорённости с Ли Бэйли и добавил, что сейчас-то он понимает — все решения следовало принимать только посоветовавшись с Роби.

Психиатр имел очень плотное расписание на понедельник, поэтому поездке в Уолпол он мог уделить только несколько часов в первой половине дня. Роби рассчитывал появиться в тюрьме к 11 часам, к этому времени ему надлежало связаться с журналистом из какой-либо крупной местной газеты. Он рассчитывал позвонить за завтраком.

В 9 утра 26 ноября, во время бритья, Роби услышал в выпуске новостей по радио сообщение пресс-секретаря Департамента исправительных учреждений штата, заявившего об убийстве ДеСальво. Преступление было обнаружено около 7 часов утра. Из сообщения можно понять, что инцидент имел место в ночные часы в помещении тюремной больницы. Смерть предполагаемого «Бостонского Душителя» последовала в результате нане-

Одна из многочисленных газетных заметок, посвященная убийству ДеСальво. Вряд ли кто-то сильно скорбел о случившемся, разве что родственники вздохнули с сожалением. Все остальные, видимо, выдохнули с облегчением — история «Бостонского Душителя», наконец-то, закончилась!

сения ножевых ранений.

Ясной картины того, что произошло в ночь с 25 на 26 ноября 1973 г в больничном отделении тюрьмы «Уолпол» нет до сих пор. И это очень странно, поскольку ответ этой загадки не может быть глубоко запрятан ввиду описанной выше причины — больничное крыло было надёжно изолировано и хорошо охранялось.

Известно, что Алберт ДеСальво был убит в собственной кровати и в ней же он остался лежать. Одна только эта деталь позволяет сделать кое-какие выводы о личности вошедшего в его камеру убийцы.

Согласно заключению судмедэксперта Норта Бигелоу (Nolton Bigelow), осматривавшего труп в кровати, а потом проводившего его вскрытие, Алберту нанесли 14 ножевых ранений, 12 из которых пришлись в область груди, а 2 — в верхнюю часть живота. Убийца использовал настоящий нож, а не обычную для тюремных сидельцев самодельную заточку; ширина его лезвия равнялась 25 мм (1 дюйм), а длина — 20 см или чуть более. Нож убийцы нанёс повреждения важнейшим внутренним органам — сердцу, лёгким, желудку, печени, некоторые из них были пронзены многократно. Даже если бы ДеСальво немедленно была оказана помощь, спасти его не удалось бы — медицина не может спасти человека, чьё сердце проткнуто ножом 5 раз.

По мнению Бигелоу, смерть «Бостонского Душителя» последовала примерно за 10 часов до обнаружения трупа.

Если считать, что тело было найдено в 7 часов утра, получалось, что убийство имело место около 9 часов вечера 25 ноября. Эймс Роби утверждал, что его разговор с Албертом произошёл примерно в это же время, а значит, ДеСальво был убит спустя небольшой промежуток времени с момента телефонного звонка психиатру.

Первая странность, которая бросается в глаза при попытке смоделировать картину произошедшего — это необъяснимая пассивность жертвы, оставшейся в кровати при появлении в камере постороннего (или посторонних). Всё выглядело так, словно убийца спокойно подошёл к кровати Алберта, который не сделал попытки подняться, возможно, лишь сел. Однако странность эта кажущаяся — дело в том, что убитый находился под воздействием морфина и скорее всего спал. Наркотик ему никто не назначал, а стало быть ДеСальво получил его по своим каналам. Это обстоятельство в явной форме указывает на коррупцию тюремного персонала, а потому неудивительно, что столь важная деталь всячески замалчивается, запутывая картину преступления.

Существует и другой нюанс, не менее важный и красноречивый. Убиваемый обязательно должен был сильно кричать — это особенность ранения сердца, умирающий всегда издаёт сильный крик при механическом повреждении любой сердечной мышцы. Даже если ДеСальво спал и не слышал, как открывалась дверь и к кровати подходил убийца, при первом ударе ножом в сердце он должен был громко вскрикнуть. Конвоир, чей пост находился в 8 метрах от камеры ДеСальво, не мог этого не слышать. Тем более, конвоир не мог не слышать звуков открываемой двери, движения в коридоре, да и пройти в сам коридор мимо поста охраны было невозможно.

Всё это однозначно свидетельствует о вовлеченности тюремного персонала в расправу над ДеСальво.

Алберт ДеСальво явился 11-м заключенным, убитым в тюрьме «Уолпол» с января 1972 г. Что и говорить, ненормальность внутритюремной обстановки прямо-таки била в глаза! Удивительно, но результаты внутреннего расследования, проведенного силами Департамента исправительных учреждений штата Массачусетс, озвучены не были. При этом газеты поспешили оповестить население, что Джордж Барк (George Burke), окружной прокурор округа Норфолк, на территории которого находилась тюрьма «Уолпол», уже 26 ноября провёл допрос подозреваемого.

В разное время со ссылкой на официальные лица распускались разные слухи, явно призванные запутать общую картину. В частности, назывались имя и фамилии убийцы — Роберт Уилсон (Robert M. Wilson) — сообщалось, что в ночь на 26 ноября он находился в тюремном лазарете, хотя и в другой камере. Формально считалось, что он не мог попасть в камеру к ДеСальво, поскольку содержание в тюремной больнице было одиночным, и двери камер всегда на ночь закрывались. Уилсон якобы убийства не планировал, он был клиентом ДеСальво и обратился к тому с просьбой продать «дозу», но Алберт отказал ввиду того, что Роберт уже должен был ему некую сумму, которую не отдавал длительный срок. В результате возникла спонтанная ссора, которая закончилась таким вот неожиданным для её участников образом.

Помимо этой, условно говоря «бытовой версии», через некоторое время появилась и другая. Согласно ей, Уилсон являлся членом ирландской преступной группы, контролировавшей торговлю наркотиками в тюрьме, и расправу над ДеСальво он осуществил по поручению своей банды.

В этом якобы участвовали кроме него ещё двое осужденных — некие Кармен Гаглиарди (Carmen Gagliardi) и Ричард Девлин (Richard L. Devlin) — т.е. нападение бы-

ло групповым и заблаговременно подготовленным.

Обе эти версии как минимум сильно не полны, потому что не объясняют странную способность убийцы (или убийц) перемещаться в ночные часы сквозь запертые тюремные двери. Конвой **не мог не принимать какое-то участие в убийстве**, вопрос заключается лишь в том, какое именно?

Окружная прокуратура пыталась дважды довести дело до суда, но в обоих случаях Большое жюри не находило оснований для выдвижения обвинений. Чтобы не писать слишком много на эту тему, сугубо второстепенную для нашего повествования, отметим, что Кармен Гаглиарди, который, вроде бы, в какой-то момент согласился дать показания против Девлина и Уилсона странным образом скончался в собственной камере от передозировки героина. Его смерть сама по себе выглядела очень странной.

Как видим, история убийства ДеСальво очень и очень мутна.

Много позже — уже в 1980 г — в ходе большой чистки тюремного персонала «Уолпола» вроде бы появилась перспектива назвать фамилию настоящего убийцы — или, выражаясь точнее, организатора убийства — из числа сотрудников конвоя. Центральный аппарат ФБР был проинформирован Бостонским управлением о том, что Департаменту исправительных учреждений фамилия этого человека известна и вопрос о предании его суду изучается. В итоге никакого суда так и не произошло и в известных ныне документах увидеть интересующую нас фамилию нельзя.

Тело Алберта ДеСальво после судебно-медицинского вскрытия было выдано его родственникам. Организацию похорон принял на себя младший брат убитого Ричард. Он заказал бальзамирование и погребение по высшему разряду. Для защиты гроба от почвенных

вод под ним была устроена песчаная подушка толщиной 60 см. Чтобы защитить захоронение от вандалов и не допустить осквернения останков, гроб сверху был закрыт 10-дюймовой (25 см) бетонной плитой. Она с одной стороны затрудняла доступ к телу без строительной техники, а с другой — отводила в стороны почвенные воды, выполняя роль своеобразного зонтика. Как увидим из дальнейшего, детали эти очень важны. Когда Ричарда спрашивали, для чего он тратит деньги на подобные ухищрения, тот уклончиво отвечал, что по его мнению тело Алберта следует сохранить, поскольку оно ещё понадобится. Удивительная прозорливость, учитывая, что в 1973 г никто даже и думать не мог об эксгумации — тогда казалось, что в этом попросту нет и не может быть смысла!

Хотел ли Алберт действительно отречься от признаний, сделанных Джону Боттомли, мы с точностью сказать не можем. Никаких рукописей, объясняющих мотивы его поступков, он не оставил. Сам факт существования таких рукописей вызывает большие сомнения. Алберт был закоренелым лгуном, кроме того, он являлся шизофреником, а потому к его словам следует относиться с большой осторожностью. Если бы встреча с Эймсом Роби утром 26 ноября состоялась бы и на ней присутствовал бы журналист, вполне возможно, мир услышал бы отказ от сделанных ранее признаний. Но означает ли это, что слова отречения ДеСальво были бы искренни? Разумеется, нет, ибо в попытке спасти свою жизнь и вырваться из «Уолпола» он был готов сказать, всё, что угодно.

А потому неверно думать, будто с неожиданным убийством ДеСальво истина ускользнула. Нет, ничто никуда не ускользало, ждать полной и всеобъемлющей правды от ДеСальво не следовало в принципе.

Земной путь Алберта ДеСальво трагически прервался. История «Бостонского Душителя» продолжила жить

собственной жизнью.

После ДеСальво

Жившие в Советском Союзе наверняка помнят пафосный коммунистический лозунг «Дело Ленина живёт и побеждает!» Что-то подобное можно сказать и о событиях, последовавших после убийства «Бостонского Душителя»: ДеСальво умер, но дело его живёт и побеждает!

Наверное мало кто из прочитавших эту книгу сомневается в том, что «Бостонский Душитель» — это выдуманный феномен, страшилка, сочиненная бостонскими журналистами. Но по странному стечению обстоятельств никогда не существовавший кошмар явился своего рода образцом для подражания вполне реальных серийных убийц последующих десятилетий. Сложно сказать в какой степени образ ДеСальво, растиражированный кино, телевидением и прессой 1960-1970-х гг, оказал влияние на сексуальных убийц второй половины 1970-х, но можно не сомневаться, что влияние это было велико. Образ ДеСальво в тёмном костюме и зачёсанными назад набриолиненными волосами стал почти респектабельным, можно даже сказать эталонным, его знали и узнавали все. Для нарциссов — а практически все серийные убийцы по сути своей нарциссы — подобная узнаваемость равна жизненному успеху. Следующим столь же узнаваемым сексуальным убийцей окажется «ужасный и милый» Тед Банди, но между ним и ДеСальво два десятилетия, на протяжении которых именно ДеСальво будет являться в глазах всей Америки «эталонным извергом».

Вся сатанинская паства на его примере увидела и поняла, что для славы и бессмертия вовсе не нужно совершать подвиги, добрые дела и жертвовать собою. Можно поступать ровно наоборот — и тогда слава и внимание, по крайней мере в США, в стране торжествующей демо-

кратии, тебе будут гарантированы! И плеяда хрестоматийных серийных убийц 1960-1970-х гг — все эти кенне-ты бьянки, гэри тэйлоры, джоны коллинзы и т. д. — все они, безусловно, знали о ДеСальво и в каком-то смысле сверяли свои деяния с приписанными ему. Лично для Алберта жажда славы обернулась тюремным заключением до гробовой доски, что ему, разумеется, никак не могло понравиться, но для огромного числа нравственных уродов он стал на многие годы своего рода идиолом и ориентиром.

И именно в этом смысле мы должны признать, что смерть ДеСальво обернулась его бессмертием. Такой вот логический переворот, своего рода инверсия.

Что происходило после того, как брэнное тело Алберта ДеСальво было предано земле на кладбище «Пуритан лон мемориал парк» (Puritan Lawn Memorial Park) в городе Пибоди, в 20 км севернее Бостона?

Через 2 года после смерти Алберта — в декабре 1975 г — умер его физический отец Фрэнк ДеСальво. Мать пережила его более чем на 16 лет, она умерла в марте 1992 г и похоронена на том же кладбище, что и Алберт, хотя и не рядом.

Интересная деталь: Ричард ДеСальво, младший брат Алберта, принявший на себя хлопоты по организации его похорон, предоставил для захоронения участок, на котором в будущем предполагалось предать земле и его самого, и его супругу. На бронзовой табличке указаны имена всех трёх человек, которым надлежало упокоиться на этом месте. Даты смерти Ричарда и его супруги разумеется не были указаны, поскольку они были живы¹. То, что Ричард хотел быть похоронен рядом

¹ Живы они, насколько известно автору, и на момент написания этой

Плита на могиле Алберта ДеСальво на кладбище в «Пуритан лон мемориал парк» в Пибоди.

с братом, означало его абсолютную уверенность в невиновности Алберта в убийствах. Иное трудно вообразить.

Личные вещи Алберта ДеСальво, находившиеся при нём в тюрьме, были переданы на сохранение Ричарду, который впоследствии передал их сыну Алберта. Украшения, изготовленные ДеСальво, и не купленные на момент смерти, были проданы Колледжу уголовного правосудия имени Джона Джея (John Jay College of Criminal Justice), расположенному в Нью-Йорке. Сейчас они находятся в библиотеке этого колледжа и их время от времени демонстрируют журналистам. Помимо украшений из поделочных камней колледж приобрёл и некоторые

книги, т.е. по состоянию на октябрь 2019 г

Украшения, собственноручно изготовленные Албертом ДеСальво, ныне хранятся в фондах библиотеки Колледжа уголовного права им. Джона Джея в Нью-Йорке.

вещи из кожи, изготовленные Албертом ДеСальво, в частности, кожаный портфель с личным клеймом изготовителя, две пары перчаток и пр. Фрэнсис Ли Бэйли передал в дар колледжу некоторые письма, которые ему

и его родственникам отправлял Алберт. Разумеется, содержание всех этих писем в высшей степени корретно и уважительно. Ли Бэйли, передавая эти письма коллежде, явно намеревался сформировать вполне определенный взгляд на те отношения, что существовали между ним и его известным клиентом; адвокату надо было отлакировать прошлое и скрыть жесточайшие противоречия, омрачившие его отношения с Албертом после 1967 г. Для этого хитроумный Фрэнсис пошёл на то, чтобы бесплатно отдать раритеты, которые через 10-20-30 лет могли бы стоить очень больших денег. Но имидж превыше денег и кому, как не Ли Бэйли понимать эту истину!

Смерть ДеСальво не остановила затеянную им тяжбу за право распоряжаться выплаченными ему деньгами. На протяжении 6 лет адвокат Фрэнсис Ньютон-младший пытался в судебном порядке истребовать деньги ДеСальво, зависшие на счёте, которым единолично распоряжался Ли Бэйли. Тот продемонстрировал всю бездну присущего ему цинизма — он не желал ни единого цента передавать детям ДеСальво, выдумывая аргументацию самого разного свойства: то доказывая, будто отношения с подзащитным не были окончательно урегулированы, то напирая на то, что побег Алберта из Бриджуотера автоматически уничтожил обоюдные обязательства, то взывал к римскому праву и напоминал, что неиспользование клиентом своего права равносильно отказу от него и т. п. Ещё раз повторим — Ли Бэйли морочил голову суду целых 6 лет (!), явно рассчитывая прикарманить деньги ДеСальво целиком, до последнего цента.

Но сколько верёвочке ни виться, а конец настанет. Закончился и этот процесс, в 1977 г суд обязал Ли Бэйли выплатить деньги наследникам ДеСальво, а также удержать свой гонорар и гонорар Ньютона. Окончательный расчёт выглядел следующим образом: Ли Бэйли получил

Ли Бэйли, конечно же, великий притворщик! Если не знать настоящей истории его отношений с ДеСальво, то, посмотрев на эту фотографию, можно подумать невольно: «Какая няша! Просто отец родной!» А когда узнаешь, как и почему Ли Бэйли в действительности расстался со своим подзащитным, то на ум приходят совсем иные эпитеты и метафоры.

8,2 тыс.\$, Ньютон-младший — 2,6 тыс.\$, а дети Алберта — 47 761,31\$. Обратите внимание на то, что гонорар Ли Бэйли более чем в 3 раза больше того, что получил Ньютон.

Интересен и другой момент. Ли Бэйли всегда был очень медийно активен — много и охотно давал интервью, читал лекции, снимался в документальных фильмах, не был чужд литературного творчества, всегда много и активно беседовал на любые темы. Но он всегда катего-

рически отказывался рассказывать об обстоятельствах своего расставания с ДеСальво. То есть о самом Алберте он обычно говорил охотно и многословно, сообщая порой интересные детали, но ни единым словом не упоминал о том, как и почему он перестал быть его адвокатом. Если не знать изложенных выше деталей, то можно подумать, будто Фрэнсис Ли Бэйли оставался поверенным Алберта до последнего дня жизни ДеСальво, однако, на самом деле, как видим, всё было совсем-совсем иначе.

История отношений Ли Бэйли и ДеСальво очень некрасива и совершенно недостойна адвоката. Конечно, ДеСальво, выражаясь просторечно, был тем ещё кренделем, но то, как повёл себя его адвокат, решивший умыкнуть деньги клиента, однозначно доказывает недобросовестность Ли Бэйли. И эта недобросовестность заставляет самым серьёзным образом задуматься над тем, какова же его истинная роль в решении ДеСальво признаться в преступлениях «Бостонского Душителя»? Был ли адвокат беспристрастен? Понимал ли он насколько тяжело болен ДеСальво и действительно ли действовал в интересах клиента? Ответы отнюдь не однозначны...

Ли Бэйли вообще отличался довольно циничным и даже хищническим отношением к клиентам. Адвокатом он являлся, конечно же, умным, высокопрофессиональным, не без лоска, но при этом совершенно аморальным. Фокус с воровством клиентских денег — а деньги ДеСальво он хотел именно умыкнуть, давайте называть вещи своими именами! — Ли Бэйли проделывал и позже, за что и адвокатского патента его лишали, и даже в тюрьму на старости лет сажали. В интернете довольно много информации об этом человеке и его карьере, так что все заинтересовавшиеся вполне могут самостоятельно составить мнение на сей счёт.

Примечательно, что в похожую историю примерно

в то же время вляпался и другой герой настоящего повествования. Речь идёт о Джоне Боттомли, главном «разоблачителе» «Бостонского Душителя». Напомним, что его звезда стала закатываться ещё в последний год работы Эдварда Брука на посту Генерального прокурора штата Массачусетс. В 1966 г Боттомли был освобожден от должности помощника Генпрокурора, хотя сохранял за собой руководство Бюро «Душитель» вплоть до момента расформирования этого подразделения в ноябре 1966 г. Как только Бюро упразднили, Боттомли сразу же вывели за штат, обещая новое назначение, которого в конечном итоге так и не последовало. Произошедшее с ним никак не комментировалось, хотя, разумеется, все эти события были неслучайны и выражали общее понижение статуса расследования и интереса к нему со стороны руководства ведомства.

В начале 1967 г новый Генеральный прокурор штата Эллиот Ричардсон окончательно отставил Боттомли, дав понять, что тому не приходится рассчитывать на возвращение в прокуратуру.

Боттомли же, закончив свою работу на прокурорском поприще, занялся бизнесом. На этой стезе не обошлось без неприятностей. В трастовом фонде, в совет директоров которого он вошёл, в конце 1970-х гг вскрылась недостача облигаций на предъявителя на сумму 60 тыс. \$. Подозрения пали на Боттомли и тот, спасая себя, заявил, будто об исчезновении облигаций узнал ещё в 1968 г, едва приступив к работе. Это ему мало помогло, правление настаивало на возмещении убытка, а Боттомли вносить деньги отказывался. Дело дошло до суда. Заодно возникло и другое дело, связанное с уклонением от уплаты налогов. Бостонская коллегия адвокатов приостановила на 6 месяцев лицензию Боттомли на занятие юридической практикой. В 1981 г Джона признали виновным в сокрытии от налогов доходов за 1973 г, ему пришлось

выплатить как налог с пенями, так и штраф. До самого конца жизни — а умер он в 1984 г — Боттомли вёл тяжбу из-за пропавших облигаций. После его смерти вдова пошла на мировую с трастовым фондом и выплатила ему 60 тыс.\$ — без этого она не могла вступить в права наследования.

Что случилось с облигациями выяснить так и не удалось. Хотя сам Боттомли настаивал на своей невиновности, всё указывало на то, что именно он приложил руку к исчезновению ценных бумаг. Разоблачитель «Бостонского Душителя» умер, имея репутацию мошенника, причём, репутацию заслуженную.

То, что судьбу ДеСальво определяли люди далеко не безупречные в нравственном отношении — речь в данном случае идёт о Ли Бэйли и Боттомли — рождает сильные сомнения в объективности и честности их выводов.

Сложно сказать, как развивались бы события вокруг истории «Бостонского Душителя» — скорее всего, никак! — но в начале 1980-х гг событиями 1962—1964 гг в Бостоне заинтересовалась никому неизвестная тогда писательница... ну, как писательница? автор трёх небольших статей... выпускница Эдинбургского университета Сюзан Келли. И произошло это совершенно неожиданным для неё образом. Получив степень доктора философии по средневековой английской литературе, Сюзан поняла, что хочет написать детективный роман. Немного неожиданная смена литературных предпочтений — что и говорить! — но такое происходит сплошь и рядом. И для сбора информации будущая известная писательница обратилась в ближайший отдел полиции. Таковой по чистой случайности оказался в американском Кембридже, городе-спутнике Бостона. Однажды в ноябре 1981 г, будучи в полицейском участке, Сюзан Келли разговаривала с двумя пожилыми детективами о «Бостон-

Слева: Сюзан Келли, автор книги «Бостонские душители».

Справа: Себастиан Джангер, автор другой, не раз упоминавшейся нами книги «Убийство в Белмонте». Без обсуждения этих книг сегодня невозможно анализировать ту серию убийств, что потрясла Бостон в 1962—1964 гг. Их чтение доставляет удовольствие не только потому, что они очень информативны и хорошо написаны, но и по совсем иной причине. Они остро полемичны и прямо противоречат друг другу. Келли считает ДеСальво не причастным к тем преступлениям, что приписывались «Бостонскому Душителю», а Джангер доказывает, что ДеСальво настоящий убийца и помимо известных жертв, с ним связано убийство Бесси Голдберг. В книгах Келли и Джангера можно найти подлинную игру ума и настоящую полемику, читать такие книги — истинный праздник!

ском Душителе» и простодушно призналась, что считает ДеСальво убийцей. Полицейские синхронно заулыбались — эта непосредственная реакция удивила Сюзан. Она стала расспрашивать собеседников о причине их очевидной иронии и услышала поразивший её рассказ про то, что никто из полицейских, знакомых с ходом рас-

следования, в виновность ДеСальво не верил ни в 1960-х гг, ни позже. Услышанное поразило воображение доктора философии и она засела за сбор любой доступной информации о расследованиях МакНамары и Боттомли.

Задача оказалась нетривиальной. Официальные инстанции отказывались предоставлять какие-либо сведения, ссылаясь на статус расследования, которое формально считалось не закрытым. Убийца ведь не был осуждён судом, а сие позволяло вести расследование столько, сколько прокуратура штата считала нужным. При этом понятно было всем, что в действительности никакого расследования не проводится, просто по итогам календарного года очередная стандартная справка подшивается в дело — и всё. Сюзан была вынуждена разыскивать и встречаться с людьми, являвшимися участниками или свидетелями событий четвертьвековой давности, и получать информацию от них. Многие из того, что она узнавала, впоследствии оказалось ошибочным и было отброшено, но общая совокупность получаемой информации всё более убеждала Келли в справедливости скептической оценки результатов расследования Боттомли.

Более 10 лет ушли у Сюзан на подготовку первой статьи с изложением её версии событий 1962 — 1964 гг в Бостоне. Первая публикация с изложением версии Келли, доказывавшей, что ДеСальво себя оговорил, имела место в апреле 1992 г в журнале «Boston magazine». Затем последовал ряд новых статей, развивавших идеи Сюзан. По мнению Келли, душевнобольной Алберт ДеСальво, будучи неспособным адекватно оценивать обстановку, решил сознаться в преступлениях, которые не совершал. Им двигала жажда славы и намерение заработать, он всерьёз полагал, что сознание не повлечёт уголовной ответственности, если он соответствующим образом договорится с Генпрокуратурой

штата. Его мистификация оказалась удобна всем — как адвокату Ли Бэйли, принявшему на себя защиту интересов Алберта, так и Генпрокурору Бруку, получившему возможность перед выборами в Сенат сообщить избирателям о разоблачении опаснейшего преступника. Нельзя не отметить того, что первоначально Сюзан Келли склонялась к мысли, что серийным убийцей мог быть Нассар, сокамерник ДеСальво в Бриджуотере, сообщивший последнему много точных деталей о преступлениях. Тогда Келли ещё не знала о многочисленных «ляпах» и грубых ошибках, которые содержались в признательных показаниях ДеСальво.

Публикация 1992 г в «Boston magazine» вызвала двоякую реакцию. Например, Фрэнсис Ли Бэйли, лично знакомый с Сюзан Келли, разорвал все отношения с нею, обвинив журналистку в превратном истолковании его слов и манипулировании фактами. Кто-то же наоборот, остался глубоко благодарен Келли за поднятую ею тему и постарался помочь. В числе таковых оказался Томас Самолук (Thomas Samoluk), помощник Генерального прокурора штата Массачусетс, который своей властью санкционировал ознакомление Сюзан Келли с материалами работы Бюро «Душитель». Келли получила 25 коробок с документами, содержащими различные отчёты, рапорта и т. д. Это была сравнительно небольшая часть документов архива группы Боттомли, менее 10% её наследия, но в этих коробках имелось самое ценное — большая часть аудиозаписей допросов ДеСальво в Бриджуотере и их дословная расшифровка.

Изучив эти материалы, Келли несколько видоизменила собственную версию. Она поняла, что Джордж Нассар не годится на роль «настоящего Бостонского Душителя», поскольку фотографии его предъявлялись свидетелям, видевшим в нескольких эпизодах предполагаемого убийцу. Кроме того, стало ясно, что описания

внешности «Фантома» довольно сильно разнятся, как, впрочем, и манера криминального действия убийцы. Ну и самым главным открытием явились те многочисленные нарушения, которыми сопровождалась допрос ДеСальво в Бриджуотере в июле, августе и сентябре 1965 г. Стало ясно, что ДеСальво очень много ошибался, а Боттомли фактически «натаскивал» его на нужные ответы, демонстрируя фотографии с мест преступлений и задавая наводящие вопросы. Всё это подтолкнуло Сюзан Келли к уточнению некоторых деталей своей первоначальной гипотезы.

Она пришла к выводу, что «Бостонских Душителей» было несколько и во время пребывания ДеСальво в Бриджуотере все они также находились в заключении. Собственно, именно поэтому после 4 января 1964 г новых убийств женщин посредством удушения не происходило. ДеСальво общался с этими людьми и именно это общение побудило его заявить о себе, как об убийце. Самооговором ДеСальво удовлетворил собственную жажду самоутверждения. Это звучит бессмысленно для нормального человека, сознающего всю тяжесть последствий, неизбежно следующих за такого рода «признаниями», но ДеСальво не был нормальным человеком и руководствовался собственной очень странной логикой.

В 1990-х гг теория Сюзан Келли получила в США широкую известность. Сюзан написала книгу «Бостонские душители» («The Boston stranglers»), вышедшую в печати в 1995 г и с тех пор выдержавшую большое число переизданий, каждое из которых дополнялось свежей информацией. Начиная с середины 1990-х гг был снят ряд документальных фильмов, излагавших более или менее последовательно точку зрения Сюзан Келли. Ознакомились с её умозаключениями, разумеется, и родственники как ДеСальво, так и его жертв. Именно их эмоциональная реакция в значительной сте-

пени предопределила ход дальнейших событий.

В какой-то момент идеи Сюзан Келли получили неожиданную поддержку, причём с такой стороны, откуда никто её не ждал. Речь идёт об академической науке, причём без всяких оговорок и кавычек.

В США в 1980-х гг стали активно развиваться различные направления криминальной психологии, судебной психиатрии, виктимологии и пр. смежных дисциплин, связанные с многоаспектным изучением феномена многоэпизодной сексуальной преступности. Той самой, что в просторечии именуется «серийной». В недрах ФБР, в Отделе следственной поддержки центрального аппарата, агентами Ресслером и Дугласом был разработан и успешно внедрён т.н. «метод построения поискового психологического портрета (профиля)», ныне широко известный под сокращенным названием «психологического профилирования». Эффективность и немалая прикладная ценность этого метода вполне заслуженно принесли его создателям славу, тема эта хорошо известна и вряд ли имеет смысл много об этом говорить, автор отсылает всех заинтересовавшихся историей вопроса к книгам Джона Дугласа, одного из создателей упомянутого метода. Книг этих много, их несложно отыскать.

Во многих странах, прежде всего в США, предпринимались многочисленные попытки усовершенствовать «метод построения поискового психологического портрета» или разработать иные, сравнимые с ним по эффективности прикладные методы и приёмы поиска и избличения серийных преступников. Например, проводились активные работы в области исследования психодинамики почерка, который всегда изменяется при описании человеком эмоционально значимых событий. В одной из предыдущих глав автором была упомянута методика проверки истинности письменных утверждений — это методика из категории т.н. психо-

лингвистических, впервые она была предложена криминальным психологом из ФРГ Удо Ундойчем в середине 1960-х гг, но значительно усовершенствована в 1980-1990-е гг. В России, несмотря на кризис, связанный с распадом Советского Союза, тоже проводились любопытные исследования в этой области. В этой связи, например, можно упомянуть работы профессора Г. Аминова по «психодиагностике почерка» подозреваемых. Или отечественного психиатра А. Бухановского, известного своим участием в разоблачении Чикатило, который в конце 1990-х гг провёл интересную исследовательскую работу, целью которой являлось выявление корреляции между психическим заболеванием сексуального преступника и характером специфического травмирования потерпевших (если точнее, травмирования глаз). Тогда были сделаны выводы о наличии связи между определенным типом повреждений глаз и вполне определенной душевной болезнью преступника. Понятно, что такого рода исследования имели большую ценность, поскольку вооружали следователей, занятых работой по конкретным преступлениям, важной ориентирующей информацией.

Ещё раз повторим, исследований, ориентированных на решение прикладных задач, в те годы проводилось множество в самых разных странах.

В том числе и в Канаде, где опытный полицейский из Ванкувера Дарси Ким Россмо (Darcy Kim Rossmo) разработал и обосновал довольно любопытную методику определения места жительства разыскиваемого серийного преступника, исходя из расположения мест его активности (прежде всего мест нападений или похищений, а также мест «сброса» трупов). Свой метод Ким Россмо по аналогии с «психологическим профилированием» назвал «географическим профилированием». Идея, положенная Россмо в основу, была, в общем-то, не нова

Ким Россмо.

и широко известна сыщикам ещё за сотню лет до него. Суть её в самом общем виде сводилась к следующему: сексуальный многоэпизодный преступник, разыскивая жертву, не может потратить на это занятие слишком много времени, другими словами, время активного поиска лимитировано неким пределом. Эмпирически считается, что интервал времени, в течение которого преступник подыскивает незнакомую жертву, составляет 40 минут. Разумеется, он может потратить на это чуть больше или чуть меньше, но в целом это тот зазор времени между началом «охоты» и встречей с жертвой, в течение которого

преступник не «перегорает». Если преступник сильно выбьется за этот лимит, то он либо откажется от нападения в этот день, либо совершит какое-то необдуманное действие в несвойственной ему манере. Понятно, что в процессе поиска жертвы злоумышленник отдалится от первоначальной точки своего маршрута (по умолчанию эта точка считается его жилищем) на некое расстояние, также неким образом лимитированное (поскольку лимитировано время поиска). Если он передвигается пешком эта величина составит несколько сотен метров, возможно, километр или пару километров, если едет на велосипеде — несколько больше, в пределах, скажем, 10 км, а если движется в автомашине — то ещё больше, тут счёт уже пойдёт на десятки километров. Поскольку расстояние, которое преступник может преодолеть в поиске жертвы жёстко детерминировано временем, то можно приблизительно понять откуда он начинал своё движение.

Всё сказанное относится и к расположению мест, в которых преступник оставляет тела убитых (в том случае, если жертвы похищались). Убийца не может бесконечно долго разъезжать с трупом в багажнике, выбирая место «сброса», он должен найти баланс между стремлением избавиться от тела поскорее и необходимостью отвезти его подальше от дома.

Аналогичные рассуждения можно применить к иным местам, связанным с активностью серийного преступника, скажем, к таким, где он совершал неудачные попытки нападений, вёл слежку за потенциальными жертвами и был замечен, и т. п.

Ким Россмо начал работу в штате полиции Ванкувера в 1980 г в возрасте 21 года. В 1987 г он получил диплом магистра криминологии в канадском Университете Саймона Фрезера, а в октябре 1995 г защитил диссертацию на соискание степени доктора философии. Защита про-

шла в Школе криминологии Университета Саймона Фрезера (School of criminology Simon Fraser university). Диссертация имела говорящее название «Географическое профилирование: целевые образчики серийных убийц» («Geographic profiling: target patterns of serial murderers»)¹. В ней объяснялся алгоритм построения «географического профиля» серийного преступника, делались обобщения, связанные с возможностью распространения этого метода для расследования не только многоэпизодных сексуальных преступлений, но и некоторых иных видов криминальной активности, объяснялась важная в рамках данного метода типология преступников по способу совершения посягательств («хищники», «бродяги», «эмбашеры») и т. п. Труд этот очень большой, серьёзный, пересказать его в рамках нашего повествования невозможно, но это по большому счёту и незачем делать. Нас интересуют практическое применение идей Россмо к случаю «Бостонского Душителя».

Научный поиск Кима вызвал неприятие части коллег, что обусловило уход Россмо из полиции в 2001 г. В последующем он переехал на жительство в США и, насколько известно автору, по состоянию на осень 2019 г живёт и работает в Техасе. Россмо возглавляет кафедру криминалистики Университета штата Техас.

Теперь несколько слов о сути метода «географического профилирования». Ким Россмо задумался над тем,

¹ Дословный перевод звучит несколько коряво, поэтому, пожалуй, следует привести точный в смысловом отношении: «Географическое профилирование основных типов серийных убийц». В диссертации помимо описания математического аппарата рассматривались многоэпизодные сексуальные преступники 3 категорий, обосновывалась их типология и приводились примеры конкретных расчётов с помощью разработанного Кимом Россмо калькулятора.

чтобы чисто эмпирическому правилу, описанному нами выше, придать вид математического закона. В самом деле, возможность жертвы встретиться с убийцей — это некая вероятность, которая в случае реализации составляет 1 (и, соответственно, 0 — в том случае, если встреча не состоялась). Если рассматривается единственный случай встречи жертвы и злоумышленника, то понятно, что последний может появиться с любого направления и в этом случае зона возможного его обитания является некая окружность, описанная вокруг точки встречи. Но если таких точек 2 и они не совпадают, то окружность трансформируется в некий овал, если 3 и более, то область возможного проживания преступника начинает приобретать всё более замысловатый вид. Чем больше точек активности преступника вовлекается в анализ, тем меньше становится район предположительного проживания преступника и тем точнее можно определить его границы.

Придать математический вид всем этим умозрительным рассуждениям Киму Россмо помогли методики расчётов, разработанные биологами, изучавшими статистику нападений акул на людей в районах океанских пляжей. Россмо несколько видоизменил их формулы. Решение задачи установления места жительства серийного преступника свелась к поиску общих решений системы уравнений, в результате получалось вероятностное распределение, позволявшее увидеть на карте местности те зоны, в которых с той или иной вероятностью мог проживать преступник. Для анализа необходимо было знать не менее 5 мест, достоверно связанных с активностью серийного преступника.

Жизнь предоставила Киму Россмо отличную возможность проявить себя в качестве криминального аналитика на практике. В конце 1990-х гг в Ванкувере при подозрительных обстоятельствах исчезали женщины, работавшие

проститутками в строго определенном районе города. Россмо, изучая статистику исчезновений и связанные с ними детали, а также сравнивая приметы пропавших, обратил внимание на схожесть между собою многих случаев. Типичность происходившего наводила на мысль о действиях во всех или многих случаях одного и того же похитителя. Когда число пропавших превысило два десятка, Россмо забил тревогу — он подготовил официальный доклад руководству городской полиции, в котором доказывал существование в территории города весьма активного серийного убийцы, похищавшего проституток и эффективно избавлявшегося от тел. Как мы теперь знаем, слишком умных в Ванкувере не любили, хотя неизвестно, догадывался ли об этом сам Россмо. Доклад его понимания не вызвал, руководство предложило детективу заткнуться и умерить энергию, Ким к руководящему совету не прислушался и в итоге вышел скандал, стоивший Россмо не только карьеры, но и самой службы. Ему пришлось уволиться из полиции, благодаря чему он получил возможность плотнее заняться своими математическими теориями¹.

Уже после защиты диссертации Россмо оставил Канаду и переехал в США

Имела ли предложенная Кимом Россмо методика ограничения? Безусловно. В нашем мире нет ничего аб-

¹ Всем, кого заинтересовала история бесследно исчезавших ванкуверских проституток, следует знать, что Россмо в своих подозрениях оказался прав. Женщин действительно похищали, убивали, а трупы скармливали свиньям. На авторском сайте «Загадочные преступления прошлого» имеется очерк, посвященный этой криминальной истории, называет он «Кладбище на свиноферме», автор рекомендует его прочесть всем, заинтересовавшимся этой невыдуманной драмой.

Source	Crime	Location	Year	Crime Trip Distance	Comments
Aitken et al. (1994)	sex motivated child murders	Great Britain	1960-1991	91.6% < 5 mi	> 5 mi if offender travel or victim abduction indicated
Alston (1994)	stranger serial sexual assault	British Columbia	1977-1993	31.1% < 0.5 km; 44.4% < 1 km; 55.6% < 1.5 km; 60.0% < 2 km; 75.6% < 3 km	distance to nearest offender activity node
Amir (1971)	rape	Philadelphia	1958-1960	72% within home area (5 blocks)	mobility triangles
Baldwin & Bottoms (1976)	property crime	Sheffield	1966	47% < 1 mi; 69% < 2 mi	
Baldwin & Bottoms (1976)	breaking offence	Sheffield	1966	54.4% < 1 mi; 74.8% < 2 mi	
Baldwin & Bottoms (1976)	larceny offence	Sheffield	1966	51.9% < 1 mi; 74.3% < 2 mi	
Baldwin & Bottoms (1976)	taking & driving offence	Sheffield	1966	45% < 1 mi; 63.3% < 2 mi	
Boggs (1965)	homicide & assault	St. Louis		most likely within residential area	

Из докторской диссертации Кима Россмо. Таблица распределения расстояний между местами криминальной активности и проживания многоэпизодного преступника в реальных уголовных расследованиях разных лет. Представлена только часть очень обширной таблицы, составленной по статистическим данным криминальной активности, полученным от правоохранительных органов Великобритании, Канады и США. Наиболее интересна графа «Crime trip distance», показывающая расстояние от места проживания преступника до места его криминальной активности. Легко можно заметить, что в абсолютном большинстве случаев даже опытный преступник не отдаляется от места проживания более чем на 2 мили (3,2 км). Воистину, преступники очень ленивы!

солютного и идеального, поэтому универсальных правил быть не может. Самым явным исключением, делающим невозможным применение «географического профили-

рования», является случай транзитного серийного убийцы. То есть такого, который совершает преступление, проезжая через некий регион, не предполагая в будущем туда возвращаться. Классический пример такого преступника — это серийный убийца, совершающий преступление, находясь в командировке. Или дальнобойщик, отправившийся в поездку по длинному маршруту и совершающий преступления в поездке. Это совершенно особый тип серийного преступника, к которому не применимы традиционные представления о «зоне комфорта», типологии и т. п.

Совершать преступления такого рода и не попадать долгое время в поле зрения правоохранительных органов очень сложно, таких преступников немного, но они исключительно опасны и каждый случай их разоблачения заслуживает особого рассказа. Андрей Чикатило был как раз из числа таких вот «транзитных» серийных убийц. Из иностранных серийных убийц такого рода можно упомянуть Кейта Хантера Джесперсона (Keith Hunter Jespersen), водителя-дальнобойщика, гражданина Канады, разъезжавшего по территории Северной Америки с грузами и убивавшего проституток во время поездок.

Дабы упредить возможный вопрос об использовании «географического профилирования» в отечественных условиях, отмечу, что есть определенные сомнения относительно применимости данной методики к российским реалиям. Дело заключается в особенностях отечественного городского ландшафта, в котором нет гетто. Или, выражаясь нейтрально, районов компактного проживания неблагополучных членов общества. Также в российских городах нет районов «красных фонарей», являющихся очагом притяжения лиц повышенной вкритимности. Городское население сосредоточено в многочисленных компактных микрорайонах, при этом общественный транспорт развит гораздо лучше, чем в США

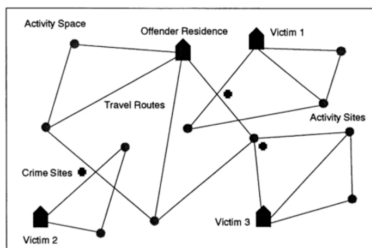

Figure 3. Raptor Target Pattern.

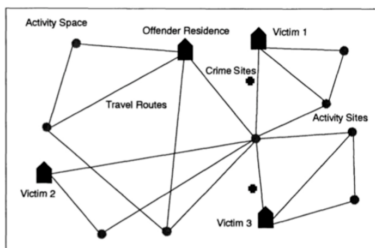

Figure 4. Stalker Target Pattern.

Из докторской диссертации Кима Россмо. Графическая схема взаимных перемещений жертв и многоэпизодных сексуальных преступников для разных типов последних: «хищника» (рисунок слева) и «бродяги» (справа). В случае «бродяги» имеется некая общая точка, в которой бывали преступник и жертвы (церковь, магазин, кинотеатр и т.п.). Именно от этой точки преступник начинал слежку за жертвой, и если детектив найдёт общее для всех жертв место, он автоматически поймёт какого преступника ему надлежит отыскать. В случае преступника-«хищника» мест пересечения маршрутов жертв нет. «Хищник» ведёт охоту в своей «зоне комфорта», подобно пауку, сидящему в центре паутины. Жертвы, между собой никак не связаны, их объединяет только то, что каждая из них в какой-то момент оказалась в «зоне комфорта» преступника и привлекла его внимание.

или иных криминализованных странах. Эти детали до некоторой степени обесценивают соображения, лежащие в основе «географического профилирования, хотя, разумеется, не отменяют их. В общем, методика эта в чистом виде вряд ли может быть корректно применена в России, хотя при некоторой адаптации ей вполне мо-

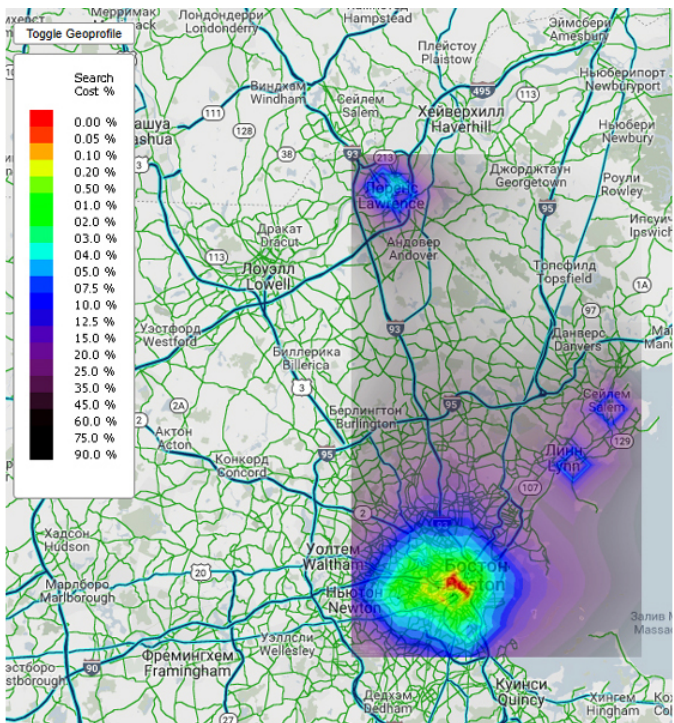
жет найтись место в арсенале современного уголовного розыска.

После этого вынужденного, но необходимого отступления, скажем о том, что важно в работе Россмо в контексте истории Алберта ДеСальво.

Ким Россмо рассмотрел некоторые известные случаи серийных убийств, продемонстрировав возможности применения разработанного им метода на практике. При этом он не анализировал работу следствия и не ставил под сомнение официальные результаты работы правоохранительных органов, считая их безусловно надёжными. Россмо брал результаты расследований и, используя разработанную им программу-калькулятор, показывал, насколько фактические места проживания преступников совпадали (или не совпадали) с предсказанными его методикой. Россмо построил «географический профиль» и для ДеСальво.

Получилось у него нечто очень странное. Вероятность того, что «Бостонский Душитель» проживал в пределах Бостона, оказалась очень небольшой и исчислялась процентами или долями процентов (менее 2%). При достижении границы города и её пересечении вероятность начинала увеличиваться и достигала 10%. Зона с такой вероятностью представляла собой узкое кольцо, окружавшее Бостон и отдаленное от его центральной части примерно на 6—10 км. При дальнейшем отдалении от города вероятность проживания «Бостонского Душителя» вновь снижалась. При этом вокруг городов Салем, Линн и Лоренс, в которых также совершались преступления, приписанные «Бостонскому Душителю», тоже существовали кольцеобразные зоны, в которых преступник мог проживать с вероятностью 7,5—10%. Расположение этих зон на карте Массачусетса можно увидеть на приведенной ниже иллюстрации.

Методика Россмо призвана давать результаты, пре-

Применив калькулятор Кима Россо к приписанным «Бостонскому Душителю» преступлениям, мы получаем довольно причудливое вероятностное распределение мест возможного проживания преступника. Четыре замкнутые и изолированные друг от друга кольцеобразные зоны расположены вокруг городов Бостон, Линн, Салем и Лоренс. Согласно официальной версии событий в каждом из этих городов отмечалась активность «Бостонского Душителя».

Вероятность того, что преступник проживал в одной из отмеченных кольцеобразных зон, не превышает 10%, что для методики Россо очень мало. Практической ценности для случая «Бостонского Душителя» «географическое профилирование» не имеет.

вышающие 50%, т.е. выше, чем сделанное наобум предсказание. И для большинства реальных случаев многоэпизодных преступлений такая точность действительно обеспечивается. Можно сказать, что калькулятор Россмо «обкатывали» для случаев серийных сексуальных преступлений, но и для банковских ограблений и полученный путём вычислений результат давал отличную сходимость с реальным адресом проживания преступника. Однако для случая «Бостонского Душителя» система уравнений не даёт совместных решений больших 0,1 (т.е. 10%). Подобный результат практической ценности не имеет. Такая величина ничего не даёт исследователю, кроме возможности сказать: «с вероятностью в 90% преступник не жил в отмеченной области».

Называя вещи своими именами, мы можем сказать, что методика «географического профилирования» для случая удушений женщин в Бостоне в 1962 — 1964 гг неприменима.

Почему?

Сам Ким Россмо в своей диссертации на это не даёт ответ, что понятно — сие не является его задачей. Его цель заключается в том, чтобы предложить и протестировать математический аппарат, а не в том, чтобы обсуждать условия решаемых задач. По умолчанию он считает, что следствие выполнило свою задачу безукоризненно и связало места нападений с конкретным преступником безошибочно. Но на самом деле это может быть совсем не так — следствие может грубо ошибаться, причём двояко: оно может считать нападения одного и того же преступника не связанными между собой, и наоборот — оно может приписать посягательства разных преступников одному и тому же лицу.

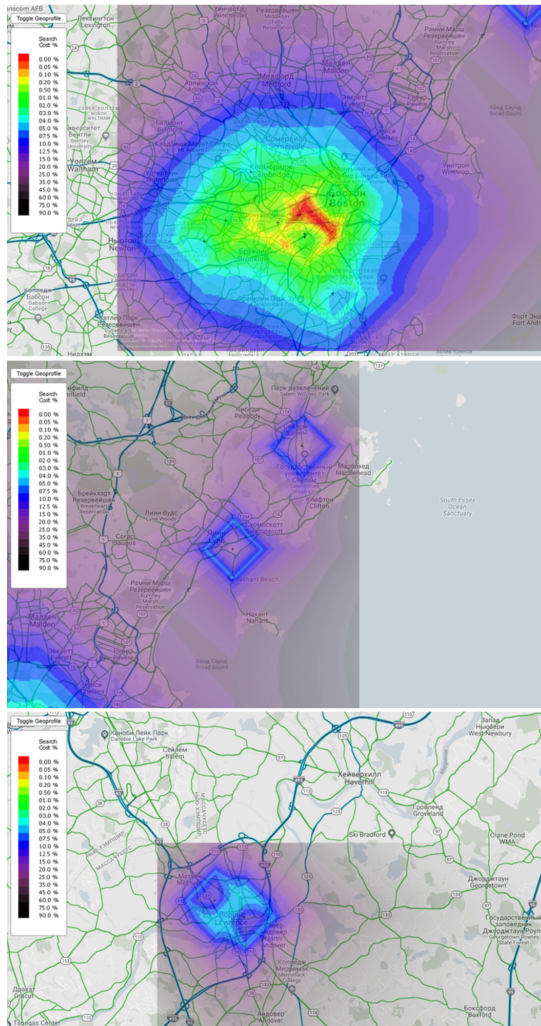
Результат этих ошибок будет одинаков — система вероятностных уравнений не получит надлежащих решений.

То, что методика «географического профилирования» оказалась неприменима к случаю «Бостонского Душителя», лучше всяких слов доказывает наличие принципиальных ошибок в формировании базы, используемой для вычислений. Другими словами, те 13 убийств, которые Боттомли связал с ДеСальво, на самом деле не связаны с одним человеком.

То, на чём настаивали в своё время начальник полиции Бостона Эдмунд МакНамара и глава Отдела расследования убийств BPD Джон Донован, в 1994 г получило математическое подтверждение. С этого времени гипотеза о существовании «Бостонского Душителя» в том виде, как её насаждала Генеральная прокуратура штата Массачусетс с января 1964 г, перестала существовать. Хотя об этом нигде громко не заявлялось, специалисты, разумеется, понимали неявные следствия работы Россмо. А они подтверждали справедливость предположений Сюзан Келли.

В какой-то момент уверенность в невинности Алберта ДеСальво толкнула навстречу друг другу людей, казалось бы, изначально настроенных абсолютно непримиримо. Речь идёт о родственниках Алберта и некоторых из предполагаемых жертв «Бостонского Душителя». Со стороны первых наибольшую активность демонстрировали Ричард, младший брат Алберта, его сын Тимоти, а также Майкл ДеСальво, сын Алберта. Они активно общались с журналистами, давали интервью, являлись на телевизионные ток-шоу, обычно приуроченным к памятным датам, так или иначе связанным с преступлениями «Бостонского Душителя». Ссылаясь на доводы Сюзан Келли Ричард, Тимоти и Майкл активно настаивали на невинности Алберта, доказывая, что тот стал жертвой «грязной игры» со стороны «законников».

В унисон с ними звучали голоса родственников некоторых жертв «Бостонского Душителя», прежде всего

Увеличенные фрагменты карты с обозначением вероятностного распределения мест возможного проживания «Бостонского Душителя», полученных на основании расчётов калькулятором «географического профилирования» Кима Россмо.

Ричард ДеСальво. Между этими фотографиями более 15 лет. Ричард и его сын Тимоти, а также Майкл ДеСальво во второй половине 1990-х гг стали активно продвигать идею полной невиновности Алберта, доказывая, будто тот стал жертвой «грязной игры» массачусетских «законников». При этом оба старательно обходили молчанием неоспоримую виновность Алберта ДеСальво в сексуальных нападениях «Человека в зелёных штанах».

Дайан Саллива Додд (Diane Sullivan Dodd), родной сестры Мэри Салливан, последней жертвы «Бостонского Душителя», убитой 4 января 1964 г. В последующем к Дайан присоединился Кейси Шерман, её племянник (и одновременно племянник убитой). Своеобразный союз Дайан и Кейси с одной стороны и Ричардом, Тимоти и Майклом ДеСальво — с другой, вызвал резкое неприятие части общества. Кто-кто видел в столь трогательном единении желание прославиться и заработать на скандальной теме, кто-то усматривал тривиальную глупость... Скандалы разделили также и членов семей

Салливан и ДеСальво. Когда дело дошло до найма адвокатов и политических инициатив, Хелен Салливан Рапоза (Helen Sullivan Rapoza), родная сестра Дайан Салливан Додд и убитой Мэри, заявила, что ненавидит Дайан за всё то, что она делает. Хватало конфликтов и между родственниками семьи ДеСальво, известно, что часть из них считала, будто Алберт действительно был убийцей и спорить в этом вопросе незачем, эту неприятную тему лучше закрыть и постыдное прошлое не ворошить.

Летом 1998 г Отдел по расследованию нераскрытых преступлений Департамента полиции Бостона, т. н. Отдел «холодных» дел, приступил к пересмотру материалов, связанных с убийствами 1962 — 1964 гг в Бостоне. Данные, собранные при расследованиях в других городах оставались за рамками этой работы. Старые материалы изучались с целью выяснения возможности их дополнения или уточнения с учётом возможностей, ставших доступными за последние десятилетия. Под этим понималась не только возможность назначить и провести новые или повторные экспертизы, но и сбор уточняющей информации, не существовавшей во время расследования в первой половине 1960-х гг. Например, собирались и изучались данные о последующей судьбе свидетелей и лиц, привлёкших внимание полиции в 1962 — 1964 гг, проверялись всевозможные версии, отклоненные ранее и т. п.

Эта кропотливая работа продолжалась в полной тайне около года, впервые о ней было сообщено широкой публике лишь 9 июля 1999 г. В тот день газета «Бостон глоб» опубликовала статью, в которой со ссылкой на BPD рассказала об обнаружении важных улик по делу «Бостонского Душителя». Из текста следовало, что Отдел «холодных» дел обнаружил 14 коробок с уликами, изъятыми с мест совершения убийств, в них находились

предметы, которых неизбежно должен был касаться преступник. Это открывало возможность проведения молекулярно-генетической экспертизы, способной с высокой точностью идентифицировать его личность.

Прошло 4 месяца и 7 ноября Майкл ДеСальво, сын Алберта, дал интервью бостонскому филиалу CBS, в котором призвал правоохранительное сообщество Массачусетса принять все меры, необходимые для проведения молекулярно-генетической экспертизы выявленных улик. Майкл выразил уверенность, что результат экспертизы приведёт к оправданию его отца.

Никакой видимой реакции правоохранителей на это обращение не последовало: ни полиция, ни прокуратура, ни бостонское управление ФБР словно бы ничего не заметили. Причины демонстративного равнодушия лежали, должно быть, в плоскости политической целесообразности, вернее, нецелесообразности активных действий. В самом деле, появилась возможность внести ясность в расследование почти 40-летней давности, но надо ли это делать? Если выяснится, что ДеСальво действительно себя оговорил, кому от этого станет хорошо? Сыну ДеСальво... А кому плохо? Бывшему сенатору Бруку, эталонному чернокожему, политкорректному лицу цветной общины Массачусетса. И всем, с кем он был связан!

В общем, после интервью Майкла ДеСальво повисла неловкая пауза и она, по-видимому, могла затянуться надолго, но далее последовало нечто такое, чего никто из представителей правоохранительного сообщества ожидать не мог. Разобщённые стороны — т.е. родственники убийцы и жертвы — неожиданно для всех объединились и выступили единым фронтом.

То, что союз родственников ДеСальво и Мэри Салливан стал возможен, является безусловной заслугой супругов Шарп — Илэйн и Дэниела (Elaine Whitfield

Кейси Шерман, племянник Мэри Салливан, последней жертвы «Бостонского Душителя». Кейси всегда был очень медийно активен и дал огромное количество интервью.

Между этими фотографиями более двух десятилетий, на протяжении всех этих лет Кейси не устал твердить о необходимости проведения нового полномасштабного расследования убийства его тётки.

Sharp, Daniel Sharp) — которые мало того, что во всём являлись единомышленниками, действовали как лицензированные юристы. Точнее, адвокатом была Илэйн Шарп, а её муж, военный пенсионер, отслуживший в армии 30 лет, официально считался её помощником и партнёром по юридическому бизнесу. Шарпы были наняты стороной ДеСальво — Ричардом, его сыном Тимоти и Майклом, сыном Алберта. Познакомившись поближе с теориями Сюзан Келли, выслушав Ричарда ДеСальво и почитав представленные им документы об осуждении Алберта, Илэйн и Дэниел Шарп надумали привлечь в союзники Кейси Шермана и Дайан Салливан-Додд, сестру Мэри Салливан. Мы можем только догадываться, к какой аргументации прибегли адвокаты, но цели своей они добились — родственники убитой де-

вушки согласились действовать совместно с родственниками ДеСальво.

11 мая 2000 г члены семей Салливан и ДеСальво в присутствии адвоката Элейн Шарп провели пресс-конференцию, во время которой заявили о намерении инициировать возобновление расследования убийства Мэри Салливан Генеральной прокуратурой штата¹. На пресс-конференции было предложено провести это расследование вне всякой связи с расследованиями прочих убийств, приписанных «Бостонскому Душителю». Илэйн Шарп заявила, что считает необходимым поставить перед следствием вопрос предельно конкретно — убивал ли Мэри именно ДеСальво? — при этом не должны приниматься во внимание никакие голословные утверждения или косвенные доводы. Ответ должна дать наука, если точнее, молекулярно-генетическая экспертиза.

Во время пресс-конференции Илейн Шарп распространила среди журналистов копии заявлений, направленных ранее в различные правоохранительные органы — полицию, ФБР, окружную прокуратуру округа Саффолк и Генеральную прокуратуру Массачусетса. Содержание всех этих заявлений было примерно одинаковым, в них содержалась просьба предоставить материалы, полученные в ходе расследования убийства Мэри Салливан в 1960-х гг. Речь шла как о следственных материалах, т.е. протоколах допросов и пр. документации, так и вещественных уликах.

Пиар-акция получилась эффектной и громогласной. Практически все средства массовой информации, в т.ч.

¹ Следует понимать, что действия Отдела «холодных» дел полиции Бостона в 1998 — 1999 гг, являлись не полноценным расследованием, а ревизией материалов, добытых полицией в ходе расследований 1960-х гг и сохраненных в архиве департамента.

и федеральные, отреагировали на произошедшее и разместили информацию о пресс-конференции. Согласованность действий родственников убийцы и жертвы сбивала с толку большинство обывателей, незнакомых с деталями истории расследования Боттомли, и вызывала вполне понятный интерес. Люди думали «в этом что-то есть!» и о том же самом подумали те, кому были адресованы заявления Элейн Шарп.

Уже на следующий день — 12 мая 2000 г — пресс-служба Департамента полиции Бостона распространило заявление, явно призванное нейтрализовать тот эффект, что возымел имевший место накануне демарш родственников ДеСальво и Салливан. Из документа следовало, что за давностью лет биологический материал на уликах, имевшихся в распоряжении BPD, деградировал. Представитель полиции заверил общественность, что состояние биоматериала таково, что на успех молекулярно-генетической экспертизы рассчитывать не приходится.

Заявление выглядело странным. Во-первых, из него можно было заключить, что некие анализы проводились и они показали неудовлетворительное состояние имеющихся биологических следов. Но о проведении подобных анализов никогда ранее не сообщалось. Почему? Во-вторых, удивляла быстрота реакции руководства Департамента. Ещё в июле предыдущего года появилась информация об обнаруженных в 14 коробках вещественных доказательствах и 10 месяцев никто никак не реагировал на вопросы, с ними связанные. А тут стало родственникам ДеСальво и Салливан объединиться и пригласить журналистов, как должностные лица засуетились и моментально нашли долгожданные ответы. Или отговорки, не суть важно. Откуда такая быстрая реакция, неужели полицейское руководство чего-то испугалось?

Согласитесь, вопрос резонный!

Дальше стало только интереснее. Не прошло и суток, как пресс-конференцию провёл Генеральный прокурор штата Массачусетс Томас Рейли (Thomas Reilly). Тема пресс-конференции никак не касалась «Бостонского Душителя», но уже после окончания мероприятия тележурналист канала CBS подбросила Генпрокурору удачный вопрос. Рейли выходил из зала и журналист поймала его, что называется, на отходе. Вопрос о том, следует ли родственникам ДеСальво и Салливан разрешить ознакомиться с материалами расследования 1964 г, явно застал Генпрокурора врасплох. Не особенно задумываясь, Рейли не без напускного пафоса ответил, что сочувствует близким Мэри Салливан и не видит в передаче им документов ничего страшного, а потому он склонен удовлетворить подобную просьбу, если только она поступит. Он явно был не в курсе событий предшествующий дней! Может быть, болел... может быть, отдыхал... но ответил он совершенно невпопад!

Прошло несколько дней, запрос Элейн Шарп, посланный 10 мая, поступил в Генеральную прокуратуру, но никто никаких документов Дайан Салливан Тодд, родной сестре Мэри Салливан, не выдал. И не пригласил в прокуратуру, чтобы ознакомить с материалами расследования. Сначала на запрос был направлен ответ, из которого следовало, что документы изучаются работниками прокуратуры для решения вопроса об их последующем рассекречивании, а когда по прошествии двух месяцев поступил новый запрос, в недрах Генпрокуратуры созрел отрицательный ответ.

В итоге 14 сентября 2000 г родственники Салливан и ДеСальво ещё раз собрали пресс-конференцию и заявили, что подают коллективный иск, ответчиками по которому должны выступить Генеральная прокуратура штата, Служба окружного шерифа округа Саффолк и Департамент полиции Бостона. В числе ответчиков

был поименован и лично Генеральный прокурор Рейли, сочувствие явно вышло ему боком! Когда в тот же день его перехватили тележурналисты и спросили, как он может прокомментировать иск родственников ДеСальво и Салливан, Генпрокурор ответил, что несмотря на признания ДеСальво, убийство Мэри Салливан остаётся открытым, что является основанием для отклонения просьб о разглашении следственных материалов. Томас Рейли явно забыл, что четырьмя месяцами ранее говорил нечто прямо противоположное.

Но мир не без добрых людей! Чем упорнее правоохранительные органы сопротивлялись инициативам родственников Салливан и ДеСальво, тем активнее играли против них разного рода недоброжелатели. Система сдержек и противовесов проявила себя в те дни во всей красе. Некто неизвестный передал Илейн Шарп копию протокола судебно-медицинского вскрытия трупа Мэри Салливан. Понятно, что это было некое должностное лицо, имевшее возможность получать документы ограниченного допуска, но его имя и фамилию никто никогда не называл. Вполне возможно, что и сама адвокатесса не знала кем же именно был этот доброжелатель, явно не желавший снижения градуса накала разгоравшегося противостояния.

Документ оказался очень интересен, можно даже сказать, сенсационен. Из его содержания следовало, что картина умерщвления Мэри реально отличалась от той, что следовала из показаний ДеСальво, данных Боттомли. Алберт утверждал, будто в конце нападения ударил Мэри по волосистой части головы, оглушил её и уже после этого задушил. Однако травм на голове убитой не оказалось. ДеСальво уверял, будто осуществил эякуляцию (семяизвержение) во влагалище жертвы, но судебно-медицинское исследование трупа в январе 1964 г этого не подтвердило. Алберт рассказывал, как душил Мэри руками,

но при описанном им охвате шеи с большой вероятностью должна была сломаться подъязычная кость. Согласно же акту судебно-медицинского вскрытия, подъязычная кость убитой оказалась цела.

Документ этот, конечно же, рождал массу вопросов к Джону Боттомли, некритично принявшему на веру болтовню ДеСальво, но в 2000 г рассуждать на эту тему уже не имело практического смысла. Зато имело смысл произвести эксгумацию трупа Мэри и осуществить его повторное судебно-медицинское исследование. Какие в этом могли быть резоны? Во-первых, эксгумация позволяла уточнить количество и характер телесных повреждений, описанных экспертизой 1964 г. Это было возможно просто в силу появления нового оборудования, приборов и методов исследований. Во-вторых, в случае выявления серьёзного несоответствия данных судмедэкспертизы 1964 г фактическим повреждениям, можно было потребовать от правоохранительных органов разобраться в причинах, обусловивших такое несоответствие. В любом случае, эксгумация и последующее судебно-медицинское исследование позволяли дать ценную информацию, на основании которой можно было требовать от прокуратуры возбуждения нового уголовного расследования ввиду установления «вновь открывшихся фактов».

В Америке существует давняя традиция бальзамировать тела умерших. Для этого ещё со времён Средневековья европейская медицина использовала весьма ядовитые растворы — хлорид цинка, соли аммония, различные соединения свинца и т. п. Эти растворы через крупные кровеносные сосуды вводятся в организм, кровь предварительно выпускается. В результате имбибиции бальзамирующий раствор с течением времени проникает сквозь стенки кровеносных сосудов в ткани и остаётся в них. Получается своеобразная ядовитая «консерва», уж

извините за такое выражение, оно представляется автору довольно точным. Гнилостные процессы полностью останавливаются и если тело хорошо защищено от воды и уничтожителей трупов (насекомых, грызунов и животных-падальщиков), то его сохранности ничего не будет грозить многие десятилетия и даже столетия.

Уже к середине 19-го столетия бальзамирование в США достигло широкого распространения. Для того, чтобы читатель понял какова эффективность описанного выше достаточно примитивного бальзамирования, можно привести такой пример. При вскрытии в начале XXI столетия захоронений времён Гражданской войны в США, т.е. относящихся к 1860-х гг, у хорошо забальзамированных трупов наблюдалась полная сохранность кожи, волосы на голове не отделялись, глазные яблоки не были высохшими. Забор биологического материала для проведения молекулярно-генетических экспертиз производился у таких трупов именно из глаз¹. Интересно то, что на трупах, пролежавших в могилах 130—140 лет, зачастую истлевала обувь и одежда, но сами тела были практически лишены каких-либо посмертных изменений. Понятно, что при такой сохранности тел их эксгумация имеет смысл и судебно-медицинские исследования могут оказаться очень результативны².

¹ Автор имел возможность видеть тела, сохраняемые в склепах Псково-Печерской лавры и должен признать, что их состояние совсем иное. Тела эти за исключением некоторых, принадлежащих представителям богатых дворянских родов, не бальзамировались, в песчаных пещерах они подвергались мумификации со всеми элементами, присущими этому процессу: образованием пергаментной кожи, высыханием, потерей веса. Сохранение тел обусловлено особыми условиями Печерских пещер — стабильной среднегодовой температурой, хорошей вентиляцией, сухостью воздуха.

В сентябре 2000 г тело Мэри Салливан было извлечено из могилы на кладбище в Сентервилл и доставлено в частное похоронное бюро, где его осмотр провёл судебно-медицинский эксперт Майкл Баден (Michael Baden). Сохранность тела была определена как очень хорошая. Баден с использованием подвижной рентгеновской установки проверил целостность костей, расшив хирургический шов, произвёл осмотр оставленных внутри после судебно-медицинского вскрытия 1964 г фрагментов внутренних органов и осуществил забор образцов для запланированных в дальнейшем токсикологических и молекулярно-генетических исследований. Также эксперт вырвал 68 волос с головы вместе с луковицами. Работа специалиста растянулась более чем на 8 часов, от её начала до конца адвокатом Илейн Шарп осуществлялась непрерывная видеосъёмка.

Результаты этой работы долгое время скрывались, чуть ниже мы скажем почему так произошло. Мы же на-

² Чтобы закончить с этим вопросом, автор считает нужным добавить, что с течением времени американская традиция бальзамирования лишь укоренялась и развивалась. Американский бальзамировщик Кларенс Страб, живший и работавший в первой половине и середине XX-го столетия написал более 1000 статей и практических руководств по технике бальзамирования, принятых практически без изменений по всему миру. При этом нельзя не отметить заслуг отечественных специалистов в этой области, именно русский хирург-бальзамировщик Д. И. Выводцев сконструировал первое устройство для автоматизации работы по бальзамированию человеческого тела. Всем, кому интересна история этого вопроса, автор рекомендует книгу Кузнецова Л.Е и Хохлова В. В. с говорящим названием «Бальзамирование и реставрация трупов», изданную в 1999 г. Написана она очень доходчиво, популярным языком, читать можно ночь напролёт!

Могильный камень на семейном участке Салливанов на кладбище «Сейнт Фрэнсис Ксавьер семетери» («Saint Francis Xavier cemetery») в г. Сентервилл. Захоронение Мэри Салливан вскрывалось в 2000 г с целью проведения эксгумации её тела.

рушим сейчас хронологию событий и сразу расскажем о том, что удалось установить Бадену, дабы не возвращаться к этому вопросу в дальнейшем.

Выяснилось, что судебно-медицинское вскрытие 1964 г оказалось довольно точным и исчерпывающе полным. Убийца действительно не наносил Мэри Салливан ударов по голове, её подъязычная кость осталась цела, следов спермы во влагалище не оказалось. Убитая была трезва и в момент нападения не находилась под воздействием наркотических веществ и не принимала снотворного. Таким образом, было исключено предположение о возможной неточности в работе судебно-медицинских специалистов, допущенной в 1964 г. А значит, неточен

был именно ДеСальво.

При этом мужская ДНК была обнаружена! Причём, происходившая от 2-х мужчин! Один образец был взят с лобка убитой, другой — с надетого на неё белья (без уточнений, какого именно и на каком участке). Один из образцов после кропотливых исследований удалось связать в мужчиной, работавшим в похоронном бюро и готовившим в январе 1964 г тело к погребению. Второй образец не удалось соотнести ни с одним из известных мужчин. При этом представлялось маловероятным, чтобы вторая ДНК происходила от убийцы. Дело заключалось в том, что труп Салливан по крайней мере дважды обмывали — после вскрытия в судебно-медицинском морге и вторично — при подготовке к погребению в морге похоронной компании. Если биологические следы убийцы и были на теле, то они с почти 100%-ой вероятностью должны были быть уничтожены в ходе этих манипуляций. По-видимому, ДНК второго мужчины попала на тело после второго обмывания тела и принадлежала она кому-то, кто был связан с похоронной компанией¹.

Хотя... определенные сомнения всё же оставались. Для того, чтобы их однозначно отбросить, надлежало провести эксгумацию ДеСальво и осуществить забор биологического материала от трупа.

¹ Здесь напрашиваются подозрения в совершении неизвестным мужчиной неких некрофильских действий, но ввиду принципиальной недоказуемости таковых, автор не считает возможным их обсуждать и вообще углубляться в эту тему. Хочется лишь заметить, что некрофилия распространена гораздо шире, нежели это признаётся. Данное отклонение в силу понятных причин жёстко табуировано и открыто не обсуждается, но практически у каждого, связанного с работой морга хотя бы на протяжении несколько лет, обязательно найдётся своя история о человеке с подобной девиацией.

Когда об эксгумации Мэри Салливан стало известно, начались интересные телодвижения. Генеральный прокурор Массачусетса Томас Рейли распорядился тщательно изучить все хранилища в архиве подчиненного ему ведомства, дабы найти все документы и улики, имеющие хоть какое-то отношение к расследованию убийства Мэри Салливан. Речь шла не только о документах, оставленных Бюро «Душитель», но и тех бумагах, которые могли в разное время попасть в Генпрокуратуру из других ведомств, а также связанную с расследованием переписку. Напомним, что до этого розыск в своих сусеках проводил Департамент полиции Бостона (именно тогда то и были найдены 14 коробок в вещдоками, которые упоминались ранее). Теперь в собственных залежах принялась копаться Генпрокуратура и — о, чудо! — результат не замедлил последовать.

Как стало известно в начале 2001 г, в хранилище Генпрокуратуры оказались найдены улики, изъятые на месте убийства Мэри Салливан, в т.ч. и содержавшие высохшую сперму. Насколько можно было судить по материалам расследования, сперма эта могла происходить только от убийцы, ибо, напомним, Мэри переехала в квартиру буквально за несколько дней до собственной гибели и ни с кем из мужчин по этому адресу не встречалась. Сперма была обнаружена в виде по меньшей мере 6 крупных засохших пятен на свёрнутом одеяле, лежавшим в ногах трупa. То, что это именно сперма, а не что-то иное, было установлено ещё в январе 1964 г, тогда же это одеяло было передано для хранения на склад улик. Об этой улике забыли более чем на три десятилетия, пока совершенно случайно улику не обнаружили в хранилище Генеральной прокуратуры штата.

В самом конце 2000 г началась не до конца понятная история, связанная с «посредническими усилиями» судьи окружного суда Уильяма Янга (William Young).

В ногах кровати, в которой было найдено тело убитой Мэри Салливан, лежало сложенное одеяло, запачканное спермой. То, что это именно сперма, а не какие-то иные биологические выделения, было установлено ещё в 1964 г. Как мы помним из описания этого преступления в книге I, преступник осуществил эякуляцию в рот и на грудь убитой им девушки, а об одеяло он, судя по всему, вытер пенис и руки. Благодаря этому на ткани остались по меньшей мере 6 крупных пятен, обозначенные на приведенной фотографии цифрами. Особого внимания заслуживало пятно, обозначенное №3 — это был мазок длиной более 5 см. Большое количество спермы, оставленной убийцей на месте преступления, давало надежду на успешную идентификацию его личности в результате молекулярно-генетической экспертизы.

14 декабря он заявил, что готов предложить помощь для достижения компромисса между семьями ДеСальво и Салливан с одной стороны и правоохранительным сообществом Массачусетса — с другой. Смысл миссии этого человека не совсем ясен, он вроде бы, пытался отстаивать интересы ДеСальво и Салливан и даже призвал Генеральную прокуратуру допустить родственников к материалам расследования, но при этом объективно действовал против них. Во всяком случае, когда Джеймс Старрс, специалист по «ДНК-профилированию», работавший с биоматериалами, полученными при эксгумации Мэри Салливан, вознамерился рассказать о результатах своей работы, судья Янг рекомендовал ему не делать этого. Старрс попал в преглупое положение — он анонсировал пресс-конференцию в рамках съезда Американской академии криминалистических наук в городе Сиэттле, выслушать его собралось около 200 человек, как журналистов, так и участников съезда, а он вышел к ним и, разведя руки, сообщил, что о проделанной работе ничего сказать не может, поскольку судья приказал ему «не говорить». Задумайтесь сами, как это выглядело со стороны!

20 февраля 2001 г Генеральный прокурор штата Томас Рейли официально заявил, что проводившиеся по инициативе его ведомства молекулярно-генетические экспертизы пока что оказались безрезультатны. Если быть совсем точным, то он употребил слово «непродуктивны» («nonproductive»). Генеральный прокурор заверил, что работа ещё не закончена и продлится около 4-х недель.

Заявление Генерального прокурора вызвало вспышку негодования супругов Шарп. В тот же день они собрали пресс-конференцию, в ходе которой заявили, что прокуратура под видом проведения экспертиз занимается уничтожением улик. Серьёзное — что и говорить! — заявление. На следующий день Дэн Шарп подал ходатайство

в окружной суд, в котором просил вынести судебный приказ, запрещающий Генеральной прокуратуре продолжить экспертиз. Ходатайство было оставлено без удовлетворения, что, кстати, следует признать совершенно логичным.

По риторике Шарпов несложно догадаться, что ни о каком компромиссе между конфликтующими сторонами не могло быть и речи. В чём именно заключалась миссия упомянутого выше судьи Янга по примирению сторон понять решительно невозможно.

Эксперты, занятые молекулярно-генетическими исследованиями по поручению Генеральной прокуратуры штата, закончили свою работу, так и не добившись желаемого результата. На протяжении более чем трёх десятилетий улики хранились в условиях, мало подходящих для биологических образцов — во-первых, в негерметичной таре (в большом бумажном мешке), а во-вторых, при комнатной температуре. Поэтому отрицательный результат следует считать ожидаемым. Для экспертиз в 2001 г была использована часть изъятого с места преступления одеяла, другую сохранили для повторного изучения через несколько лет, когда, быть может, могли появиться новые, более продвинутые технологии.

Неудача молекулярно-генетических экспертиз, назначенных Генпрокуратурой, оказалась для родственников ДеСальво и Салливан своего рода стимулом к активизации деятельности. Эта группа пребывала в твёрдой уверенности, что ведомство Томаса Рейли не заинтересовано в раскрытии убийства Мэри Салливан, а преследует лишь узко-корпоративные цели. То есть, пытается защитить от критики светлый образ Эдварда Брука и с этой целью всячески выгораживает чудовищно некомпетентную и прямо преступную деятельность Джона Боттомли и подчиненной ему группы следователей. В силу этого родственники убийцы и жертвы видели свою задачу

в том, чтобы доказать общественности невиновность Алберта ДеСальво, что автоматически должно было убедить всех в предвзятости как Генеральной прокуратуры штата, так и прочих правоохранных ведомств.

Как это можно было сделать?

Выход казался очевидным — взять ДНК, однозначно происходящую от Алберта ДеСальво, и сравнить её в ДНК неизвестного мужчины, выделенной в ходе молекулярно-генетических экспертиз биоматериалов с тела Мэри Салливан. Если совпадения не будет — а все участники группы родственников и их единомышленники были уверены, что его не будет! — то появятся юридически корректные основания заявить, что ДеСальво не находился на месте преступления во время убийства Мэри Салливан. Но для этого нужна была ДНК именно ДеСальво, ни брат, ни сын на роль донора не годились, поскольку их использование позволяло усомниться в чистоте эксперимента.

Нужна была эксгумация трупа Алберта. В принципе, родственники по закону могли извлечь тело из захоронения, но работе с ним могли помешать правоохранительные органы, которые могли заявить, что труп ДеСальво — это улика. После довольно долгих колебаний и споров, растянувшихся чуть ли не на 10 месяцев, родственники ДеСальво и адвокаты Шарп решили что называется «затупить». Поскольку формальный запрет на эксгумацию не накладывался, этой оплошностью надлежало воспользоваться, а чтобы полученные биологические образцы Генпрокуратура штата не смогла изъять, все исследования следовало проводить вне пределов Массачусетса.

После долгих согласований и конспиративных переговоров со всеми предполагаемыми участниками, операция по эксгумации началась 26 октября 2001 г. Гроб Алберта ДеСальво был извлечён из земли кладбища

Извлечение из земли гроба с телом Алберта ДеСальво 26 октября 2001 г на кладбище в Пибоди.

в Пибоди спустя почти 28 лет со времени похорон. При вскрытии захоронения выяснилось, что могила суха и гроб полностью сохранился. То есть мероприятия, оплаченные Ричардом при предании земле тела брата, полностью себя оправдали.

Гроб на кладбище не вскрывался. Его погрузили в арендованную автомашину, не являющуюся катафалком (маскировка!), и повезли в Пенсильванию, именно там, вне юрисдикции массачусетских правоохранителей и планировалось осуществить все необходимые действия. Гроб всё время сопровождали Ричард ДеСальво и его сын Тимоти, помимо них в этом мероприятии участвовала довольно большая группа людей, в числе которых находились как супруги Шарп, так и Сюзан Келли. Происходившее фиксировалось видеозаписью. На протяжении всего пути к границе штата Массачусетс участники небольшого кортежа из 3 автомашин ожидали появления полиции. Они опасались, что кладбищенские работники сообщат прессе о вывозе тела знаменитого «Бостонского Душителя» и сообщение об этом попадёт в телевизионные новости. Однако к всеобщему удивлению, задуманное прошло на удивление гладко и никто

не проговорился. Правоохранительные органы Массачусетса ничего не знали об эксгумации до тех самых пор, пока об этом не заявили сами участники операции.

Осмотр трупа и забор биологических образцов проводился в колледже г. Йорк, штат Пенсильвания. Тело ДеСальво, как стало ясно после открытия гроба, находилось в несколько худшем состоянии, нежели тело Мэри Салливан. В теле прошли процессы частичной мумификации, кожа почернела и высохла. В гробу находились в большом количестве засохшие насекомые. Но не это явилось главной неприятностью! При вскрытии стало ясно, что отсутствуют все внутренние органы трупа, за исключением мочевого пузыря. Здесь надо уточнить, что по американским правилам тело умершего, как и его внутренние органы, являются собственностью наследников, судебно-медицинские эксперты изымают фрагменты органов, необходимые для исследований, а оставшееся помещают в пакеты с формалином и возвращают в тело (либо в ёмкости, которые должны находиться в гробу и подлежат погребению).

Ричард ДеСальво утверждал, будто при выдаче тела брата из судебно-медицинского морга, его заверили в том, что весь органокомплекс (т.е. внутренние органы, извлекавшиеся судмедэкспертом для взвешивания, осмотра и описания) должным образом сохранены и находятся в полости трупа. Спустя 28 лет выяснилось, что подобные заверения оказались ложью. Отсутствие внутренних органов не позволило проверить некоторые выводы судебно-медицинской экспертизы (прежде всего, связанные с наличием в организме убитого морфина и его концентрации в различных органах. По особенностям распределения вещества во внутренних органах можно было бы сделать определенные выводы о том, на какой стадии расщепления оно находилось и, соответственно, уточнить время наступления смерти.).

Это открытие, конечно же, было очень неприятным,

но выяснение обстоятельств убийства ДеСальво не являлось приоритетом для той операции, что затеял Ричард и его группа поддержки. Главной её целью являлся забор биологического материала, позволявшего получить «ДНК-профиль» предполагаемого «Бостонского Душителя». Эту манипуляцию осуществил Дэвид Форан, профессор Университета Джорджа Вашингтона, тот самый, что работал с трупом Мэри Салливан. Он же вместе с группой специалистов чуть позже проводил и молекулярно-генетическую экспертизу.

29 октября 2001 г гроб с телом ДеСальво был возвращён на кладбище в Пибоди тем же самым порядком, каким он был вывезен оттуда 3 днями ранее.

Генпрокурор Массачусетса Томас Рейли, узнав о почти шпионской операции по эксгумации и вывозу трупа ДеСальво за пределы штата, назвал произошедшее «пугающим спектаклем». Высказался и бывший окружной прокурор Барк, тот самый, что упоминался в предыдущей главе. В ноябре и декабре 1973 г этот человек возглавлял расследование убийства ДеСальво в «Уолполе». Бывший прокурор, а ныне частнопрактикующий адвокат, не без раздражения отреагировал на слова о невозможности прояснить обстоятельства убийства ввиду отсутствия в эксгумированном трупе внутренних органов. Барк заявил, что в истории убийства ДеСальво прояснить и расследовать нечего — в этой истории всё давно уже расследовано и фамилии убийц названы. Правда, он не объяснил, почему в этой ясной истории якобы убийцы вину свою так и не признали и остались без всякого наказания. А журналисты всех новостных передач и изданий приготовились к сенсации, поскольку даже на фоне террористической атаки 11 сентября происшедшее на кладбище в Пибоди выглядело экстраординарно.

Молекулярно-генетическая экспертиза вполне ожи-

даемо доказала, что ДНК Алберта ДеСальво не соответствует неизвестной мужской ДНК, обнаруженной на теле Мэри Салливан. Почему ожидаемо? Да потому, что этот результат был загодя известен всем заинтересованным лицам — Шарпам, родственникам Салливан и самого ДеСальво. ДНК Алберта и Ричарда были очень близки, поскольку братья имели общих родителей, поэтому Ричард, заблаговременно предоставив собственный биоматериал для исследований, знал каким будет ответ. В этом смысле эксгумация трупа Алберта ДеСальво была явно избыточна, но с точки зрения получения неоспоримых доказательств важно было провести исследование ДНК именно Алберта ДеСальво, а не его родного брата.

Что и было проделано благодаря октябрьской эксгумации.

Шарпы решили использовать сложившуюся ситуацию с максимальной выгодой для своего клиента (т. е. Ричарда ДеСальво).

Во-первых, они публично заявили о непричастности Алберта ДеСальво к убийству Мэри Салливан, из чего по умолчанию делался вывод о том, что ДеСальво — не «Бостонский Душитель». Новость эта без преувеличения оказалась сенсационной и вызвала огромный интерес как к Сюзан Келли и её теории, так и всей истории бостонских убийств 1962 — 1964 гг.

Во-вторых, Илейн Шарп 18 декабря 2001 г вчинила иск Генеральной прокуратуре штата Массачусетс, полиции штата и Судебно-медицинской службе штата (Office of the medical examiner), обвинив их в «грубой небрежности», выразившейся в утрате в ходе судебно-медицинской экспертизы трупа Алберта ДеСальво в ноябре 1973 г его внутренних органов. Упомянутые инстанции обвинялись не только в том, что была допущена утрата органов, но и в том, что данное происшествие было скрыто от родственников убитого. Ответчиками по иску

предполагались руководители упомянутых ведомств — Томас Рейли, Генпрокурор Массачусетса, Ричард Эванс, начальник полиции штата и Томас Роббинс, главный судмедэксперт, доктор медицинских наук. В иске подчёркивалось, что отсутствующие органы могли бы предоставить важную информацию об убийстве Алберта ДеСальво. Ну и само собой подчёркивалось, что всё произошедшее явилось причиной тяжёлого эмоционального стресса у родственников убитого. Ну, этот момент, наверное, не нуждается в каких-либо пояснениях, поскольку, чем больше ты рассказываешь о перенесённом стрессе, тем большую потом потребуешь в качестве компенсации.

Особенно интересно то, что в иске содержалось требование передать Ричарду ДеСальво автобиографическую рукопись, над которой работал — или якобы работал — Алберт. Это довольно странный пассаж, поскольку иск, вообще-то, совсем про другое... И ощущение странности только возрастает, если мы примем во внимание недоказанность самого факта существования упомянутой рукописи. Алберт ДеСальво был шизофреником, болтуном и мифоманом, он мог рассказывать и обещать что угодно кому угодно, но из этого вовсе не следует, что сказанному им надлежит верить. Мы хорошо все знаем, что обещать жениться не значит жениться!

Кроме того, даже если таковая рукопись и существовала, она являлась важной уликой в расследовании убийств «Бостонского Душителя». Причём независимо от содержания.

Таким образом, мы видим, что исковое требование от имени Ричарда ДеСальво сформулировано нарочито невыполнимым. И сделано это не случайно, Илейн Шарп, будучи опытным уголовным адвокатом, изначально заявляла завышенные требования, в расчёте на последующий торг с ответчиками.

Что же происходило далее?

Шли годы и один за другим уходили из жизни люди, так или иначе связанные с историей «Бостонского Душителя». 23 сентября 2004 г умер Эймс Роби. 9 декабря 2009 г умер Джон Эсгейрссон (Jon A. Asgeirsson), первый адвокат ДеСальво, работавший с ним со времени его ареста осенью 1964 г. Напомним, что ещё в январе 1965 г, т.е. задолго до Ли Бэйли, Эсгейрссон сообщал Отделу расследования убийств ВРД о том, что его клиент признаётся в том, будто он якобы является «Бостонским Душителем». Проверка, проведенная детективами, выявила многочисленные несоответствия рассказов ДеСальво материалам расследований, о чём адвокат, разумеется, был проинформирован. Обо всём этом упоминалось в соответствующем месте этой книги. Эсгейрссон после 1973 г отказывался говорить о ДеСальво, не давал интервью и ничего не комментировал. Единственным исключением явилась его беседа с Сюзан Келли в 1991 г. В ней адвокат заявил о своём недоверии рассказам знаменитого клиента. Эсгейрссон похоронен на том же кладбище, что и ДеСальво.

Дэниел Шарп, муж и помощник Илейн, скончался 13 февраля 2010 г, а через 2 года — 6 февраля 2012 г — умер Фрэнсис Ньютон (Francis C. Newton), последний из адвокатов, работавший с ДеСальво при жизни. Как и большинство других юристов — за исключением, пожалуй, Боттомли, Брука и Ли Бэйли — он считал ДеСальво невиновным в убийствах.

Всё это время ни шатко, ни валко тянулась тяжба по иску Илейн Шарп, поданному от имени Ричарда ДеСальво. В принципе, перспективы у ответчиков были не очень хорошие — внутренние органы Алберта действительно исчезли, родственники об этом действительно не были поставлены в известность и никто никакой компенсации им за это не предложил. У истца имелись

очень неплохие шансы отсудить у казенных ведомств какие-то деньги. Вряд ли бы Ричарду выплатили большую сумму, поскольку братец его по факту являлся сексуальным преступником и страдания Ричарда выглядят несколько неестественными, но оспаривать нарушение процедуры было сложно в конце концов законники пошли бы на частичное удовлетворение материальных претензий.

Но получилось несколько иначе. Илейн Шарп в 2012 г заявила, что Ричард готов рассмотреть предложения по внесудебному урегулированию спора и его интересуют не столько деньги, сколько доступ к материалам расследования по «Бостонскому душителю». Схема урегулирования выглядела следующим образом: мы отзываем свой иск, а вы открываете все материалы, с которыми мы пожелаем ознакомиться, и назначаете экспертизы, которые мы предложим.

Честно говоря, такой размен представляется чрезмерным, прокуратуре разумнее было бы выплатить деньги и сохранить полный контроль над своими материалами, чем подпускать к ним совершенно посторонних людей (причём людей, настроенных явно недружественно). Такого рода уступка означает и репутационный ущерб, и разглашение тайны следствия... Какой разумный Генеральный прокурор пойдёт на такое? Никакой!

Инициатива Илейн Шарп побудила Генеральную прокуратуру штата объявить о новом изучении всех вещественных улик по делам, связанным с «Бостонским Душителем», с целью определения того, возможно их использование для молекулярно-генетических исследований. По всем эпизодам рассматривались все предметы, которых мог касаться убийца. Внимание специалистов опять привлекло одеяло с места убийства Мэри Салливан — на нём находилась сперма убийцы и лучшего исходного биоматериала в этом расследовании, по-видимо-

му, отыскать было невозможно.

В 2001 г сперму с одеяла уже пытались исследовать, однако, как отмечалось выше, результата тогда получить не удалось ввиду сильной деградации исходного материала. Однако за прошедшие с той поры годы криминалистические технологии совершили колоссальный рывок, что вселяло надежду на успех повторного исследования.

Такое было проведено осенью 2012 г и в ходе него из спермы на одеяле удалось выделить центроядерную ДНК. Генеральная прокуратура штата официально обратилась к Ричарду ДеСальво с предложением предоставить свой биоматериал для сопоставления. Ричард, всегда заявлявший, о том, что он приветствует любые криминалистические исследования в рамках расследования истории «Бостонского Душителя», неожиданно заявил о нежелании сотрудничать с прокуратурой. Его логику можно понять — он судился с этим ведомством, так для чего, спрашивается, он должен ему помогать? Понять-то можно, а вот согласиться — нет... Ведь Ричард убеждал всех, что бьётся не за деньги, а за правду — вот, казалось бы, замечательная возможность помочь этой самой правде восторжествовать! Ан нет!

Тогда представители Генпрокуратуры обратились с аналогичным предложением к Тимоти ДеСальво, племяннику Алберта и сыну Ричарда. Тимоти всегда был очень активен в поддержке борьбы отца за восстановление честного имени Алберта, он участвовал в эксгумации его трупа в 2001 г и при его повторном захоронении даже привёл на эту церемонию собственного сына. В общем, кому как не Тимоти, отозваться на просьбу о помощи в установлении истины? Тимоти согласился помочь, всячески приветствовал инициативу Генпрокуратуры, вёл с её сотрудниками телефонные разговоры на протяжении 3-х недель, а потом... заявил, что передумал и сдавать свой биоматериал не будет. Причину объяснять не стал,

Справа: красное одеяло, сложенное в ногах кровати, на которой было найдено тело Мэри Салливан, хранилось как ценнейший вещдок на протяжении многих десятилетий. На нём находились по меньшей мере 6 крупных пятен спермы, происходившей от убийцы. В 2001 г часть запачканного спермой материала использовалась для молекулярно-генетических исследований, оказавшихся безрезультатными. В 2012 г другую часть было решено направить на новую экспертизу. Слева: кусочки одеяла со спермой убийцы в прозрачных герметичных п/этиленовых пакетах перед отправкой в лабораторию.

не будет — и всё!

Получалось как-то не очень красиво, с языка прямо срывалось: господа ДеСальво, вы за правду или за выгоду?

В октябре 2012 г стало ясно, что с получением ДНК от ближайших родственников дело застопорилось. Между тем, было важно понять, имеется ли хоть какое-то совпадение между ДНК с места убийства Салливан и ДНК ДеСальво? Ответ на этот вопрос помог бы прокуратуре сориентироваться и решить, в правильном ли направлении велётся расследование?

Чтобы преодолеть возникший тупик, было решено воспользоваться уловкой, к которой правоохранительные органы прибегают порой в ходе своей оперативной работы, а именно — получить ДНК негласно. То есть, без ведома человека, являющегося её носителем. В качестве потенциальных доноров рассматривались несколько кандидатур, но в конечном итоге всё внимание сосредоточилось на племяннике — он был наиболее активен и поэтому наиболее доступен, а кроме того, его Y-хромосома по законам наследования должна была совпадать с таковой у отца и дяди. За ним было установлено негласное наблюдение и когда он однажды выбросил в мусорный бак бутылку из-под воды, выпитую на глазах осуществлявших слежку полицейских, бутылка эта была бережно поднята сотрудником полиции в штатском и отправлена в криминалистическую лабораторию.

Быстро сказка сказывается, да нескоро дело делается! Особенно в Массачусетсе... Прошло целых 5 месяцев, пока в лаборатории очередь на молекулярно-генетическое исследование дошла до стаканчика из-под кофе. Но всё-таки дошла...

Жаль, что на результат этого исследования нельзя было принимать ставки! Интересно, на какой исход поста-

вил бы читатель: на то, что совпадение обнаружится или на то, что нет? Совпадение обнаружилось! Не очень высокое, примерно 1 на 2000000 человек, но ясно стало, что убийца Мэри Салливан находился в родстве с тем, кто пил кофе из стаканчика. На этот результат нельзя было нигде сослаться, о нём в тот момент нельзя было даже рассказывать журналистам, но всем в Генеральной прокуратуре стало ясно, что розыск идёт в правильном направлении.

Убийцей являлся именно Алберт ДеСальво, теперь было важно доказать это юридически безупречно.

Для этого уже не годился ДНК родственников. Нужен биологический материал, происходящий именно от Алберта ДеСальво.

По ордеру судьи прекрасным июльским утром 11 июля 2013 г, в четверг, была произведена эксгумация тела. Она во многом напоминала то, что происходило в 2001 г, с тем только отличием, что происходившее на кладбище не являлось тайной, а скорее, наоборот. О её проведении заблаговременно были проинформированы средства массовой информации, поэтому хотя журналисты официально и не присутствовали при эксгумации, прямую трансляцию с барражировавшего над кладбищем беспилотника телевидение обеспечило. Само собой, не обошлось и без телевизионных бригад за воротами кладбища.

Далее последовала молекулярно-генетическая экспертиза, проводившаяся в Криминалистической лаборатории Бостонского департамента полиции (Boston Police Crime Lab) с использованием уникальной технологии британской компании «Cellmark Forensics». Первые результаты стали известны уже к вечеру, из них следовало, что сперма на одеяле с места убийства Мэри Салливан неоспоримо происходит от Алберта ДеСальво.

Вечером 11 июля 2013 г Генеральный прокурор Мас-

Кадры видеозаписи, сделанной с квадрокоптера над местом повторной эксгумации трупа ДеСальво на кладбище в Пибоди. На фотографии справа можно видеть свёрнутые полиэтиленовые мешки, брошенные в могилу для того, чтобы судмедэксперты могли их разложить под ногами.

сачусетса Марта Коакли (Martha Coakley) собрала пресс-конференцию и не без пафоса заявила: «Возможно, мы только что раскрыли одно из самых печально известных в стране серийных убийств!» (дословно: «We may have just solved one of the nation's most notorious serial killings!») Строго говоря, госпожа Генпрокурор несколько поторопилась, выдав желаемое за действительное, поскольку раскрыта оказалась не серия убийств, а лишь одно. Но её оптимизм понять можно. Доказательство того, что Алберт ДеСальво действительно убийца, фактически лишило иск Ричарда ДеСальво каких-либо судебных перспектив. Одно из другого как бы не следует, но понятно, что

победителей не судят и ни один судья никогда не удовлетворит претензии брата убийцы на раскрытие тайны следствия и никакой заметной денежной компенсации не назначит.

На следующий день, в пятницу, перед журналистами появился Дональд Хейнс (Donald Haynes), директор лаборатории, проводившей молекулярно-генетическую экспертизу как спермы с одеяла, так и биоматериала, взятого от трупа ДеСальво. Хейнс заверил, что случайное совпадение можно исключить полностью и безоговорочно, по его словам, возможность случайного совпадения равна 1 случаю на 28 миллиардов человек, что в 4 раза превышает численность всего населения Земли. Также Хейнс признал, что ещё до начала работы с биоматериалом Алберта ДеСальво в лаборатории уже поработали с биоматериалом его племянника. Фактически Хейнс первым сообщил о том, что полиция Бостона вела слежку за родственниками ДеСальво по мужской линии и обеспечила лабораторию нужным материалом. Также директор упомянул вскользь о наличии в Y-хромосоме мужчин из рода ДеСальво какой-то редкой аномалии, но какой именно, не уточнил¹.

В общем, сенсация состоялась. Публика осталась довольна, а Генеральная прокуратура в одночасье покончила с иском, который досаждал ведомству на протяжении более чем 11 лет. В каком-то смысле мы должны быть благодарны неуступчивости Ричарда ДеСальво, ведь если бы тот оказался менее настойчив и удовлетворился бы денежной компенсацией, то раскрытия тайны с большой вероятностью пришлось бы ждать ещё многие годы.

¹ Дословно он сказал: «Мужчины из рода ДеСальво должны иметь Y-хромосому редкого типа» («DeSalvo males' must have a rare Y chromosome type»).

И совсем не факт, что мы её дождались бы.

Тайна бостонских убийств, потрясших город в 1962 — 1964 гг, сегодня считается раскрытой. Разумеется, с многочисленными оговорками, поскольку судом это не признано, а вина Алберта ДеСальво доказана лишь для случая убийства Мэри Салливан, последней из жертв пресловутого «Фантома». Будет ли в этой истории поставлена окончательная точка неясно, официально следствие продолжается и вероятность его успеха отнюдь не нулевая. С течением времени биоматериал убийцы, оставленный на уликах, неотвратимо деградирует, но при этом возрастают возможности молекулярно-генетических исследований.

Возможно, что через год — два или пять лет, мы получим некий исчерпывающий ответ и узнаем всю историю «Бостонского Душителя». От её начала до самого конца.

Эпилог. Ответы на незадаанные вопросы

Но для того, чтобы получить ответы на вопросы, надо, чтобы эти вопросы были заданы. А вот с этим как раз есть проблемы, точнее говоря, некоторые недоговорённости. Многие детали и аспекты истории «Бостонского Душителя» представляются противоречивыми, нелогичными и непонятными. Особенно в контексте того невероятного захватывающего сюжетного кульбита, что имел место в 2012 — 2013 гг.

В силу этого автор принял на себя труд в конце повествования сформулировать ряд вопросов, которые могут возникнуть у внимательного читателя при знакомстве с обстоятельствами серии убийств, приписанных Алберту ДеСальво. И сам же попробует дать на них ответы. Разумеется, оговорив, что ответы эти проистекают сугубо из жизненного опыта автора и его собственного понимания всей этой запутанной истории.

Итак, по порядку:

1) Возможна ли фальсификация результатов сенсационных экспертиз 2012 и 2013 гг, доказавших происхождение спермы на одеяле из кровати Мэри Салливан от Алберта ДеСальво? Известно, что репутация криминалистических служб США далеко не безупречна, серия серьёзных скандалов 1990-х гг, связанная с фальсификацией улик в расследованиях ФБР, серьёзно подорвала доверие к некоторым видам исследований (например, к сравнительному исследованию волокон, которым очень увлекались американские криминалисты в 1980-х гг). Можно ли допустить, что молекулярно-генетические экспертизы 2012 и 2013 гг сфальсифицированы в интересах Генеральной прокуратуры штата?

Подобная фальсификация в давно «остывшем» расследовании, связанным с «Бостонским Душителем», представляется не только маловероятной, но и бессмысленной по большому счёту. Результаты молекулярно-генетических экспертиз проверяемы, а в случае с ДеСальво можно не сомневаться, что проверки последовали и при-

том не одна. Ричард ДеСальво имел большую группу поддержки и не испытывал материальных затруднений, финансируя многолетнюю тяжбу с Генпрокуратурой. В этих условиях затевать какие мутные игрища на научном поприще было бы в высшей степени неосмотрительно.

Можно допустить, что в 1960-1970-х гг «законники» могли бы реализовать какие-то свои «карманные заготовки», подбрасывая или, наоборот, уничтожая улики, но в XXI веке никто из разумных людей этим заниматься не стал бы. Сменились поколения чиновников, пришли другие люди... Ну зачем им рисковать карьерой? Разоблачение подлога равносильно изгнанию из профессии — оно надо кому-то из криминалистов «Boston Police Crime Lab»? Нет, конечно же!

Поэтому автор категорически не верит в подлог или фальсификацию молекулярно-генетических экспертиз.

Сомнений нет никаких, Алберт ДеСальво действительно изнасиловал и убил Мэри Салливан.

2) Если ДеСальво действительно убил Мэри Салливан, то почему он, рассказывая об этом преступлении Джону Боттомли, допустил большое количество фактических ошибок? Допускал ли он эти ошибки умышленно?

Невозможно сомневаться в том, что ДеСальво присутствовал в комнате Мэри Салливан во время её убийства. Однако его рассказ об этом преступлении явно не соответствует деталям, известным следствию по результатам осмотра места преступления и проведения судебно-медицинской экспертизы. Одно из важнейших расхождений заключается в том, что по словам ДеСальво он эякулировал во влагалище жертвы, однако судебно-медицинская экспертиза в 1964 г не обнаружила в вагине жертвы спермы. На самом деле она была найдена во рту убитой, на её груди и на одеяле в ногах кровати.

Молекулярно-генетическая экспертиза 2001 г не выявила ДНК ДеСальво ни в теле, ни на теле Мэри Салли-

ван. Что хорошо объяснимо — тело дважды омывали, поэтому на теле спермы не осталось, а во влагалище спермы никогда и не было. Молекулярно-генетическая экспертиза 2013 г неоспоримо доказала, что сперма, найденная на одеяле, находившемся на кровати на месте преступления, происходила от ДеСальво.

Как мог ДеСальво забыть о подобных деталях? Никак не мог... Он и не забывал.

По-видимому, убийца умышленно ввёл Боттомли в заблуждение, сообщив информацию, не соответствовавшую действительности. Поступить так ДеСальво мог по нескольким причинам. Например, он мог умышленно допустить ошибку, чтобы понаблюдать за реакцией допрашивавшего его прокурора. Поведение последнего могло о многом рассказать ДеСальво. По реакции прокурора на ложь ДеСальво мог понять, насколько сильно Боттомли заинтересован с договоренности с ним. Ведь если прокурор продолжает слушать, несмотря на очевидную ахинею, заливаемую в уши, значит, ему очень надо, чтобы допрашиваемый продолжал говорить. С точки зрения находящегося в заключении уголовного такая игра имеет смысл.

Причём ДеСальво, ломая эту комедию, даже не и не рисковал особо. Если бы Боттомли надумал прервать допрос, заявив, что не видит смысла в его продолжении, ДеСальво всегда мог отыграть назад, сказав, что-то вроде: «Ладно-ладно, я просто прикалывался, давайте расскажу как было на самом деле». Но Боттомли проглотил наживку и ничего ему объяснять не пришлось.

Помимо такого вот упрощённого объяснения, может быть и другое. Оно, кстати, представляется автору более вероятным. ДеСальво, затеявая свою хитроумную как ему казалось игру, с самого начала допускал отказ от сделанных признаний. Не забываем, что это был нарцисс, всерьёз считавший себя умнее всех. Он твёрдо верил в то,

что всех запутает и переиграет, сначала признается в убийствах и заработает на этом, а потом откажется от всех признаний... и заработает ещё раз. Вместо тюрьмы, просидит несколько лет в Бриджуотере, и выйдет на свободу с кучей денег, которые ему даже не придётся зарабатывать — всё принесут писатели, журналисты и «киношники».

Именно для облегчения предполагаемого в будущем отказа от признательных показаний, он и мог вставлять в них совершенно нелепые и неправильные детали. В последующем он мог заявить: «Я нёс полнейшую чепуху, я ведь не был на местах преступлений, почитайте внимательно мои слова, я не знаю почему прокурор мне повелел!» И любой адвокат ДеСальво в любом суде мог ссылаться на неточности в его рассказах как доказательство невиновности. И подобный аргумент выглядел бы вполне логичным.

В такой задумке есть здравое зерно, просто в случае с Албертом задуманная им комбинация не сработала. И, следует признать, что сработать она вряд ли могла. Судебная система очень инертна и именно в силу инертности обмануть её подобным образом очень сложно. Хотя можно и примеры тому имеются.

Прекрасным образчиком такого вот необычного дуализма в стиле «признался — всех запутал — обманул — посадил себя в тюрьму» являлся никто иной, как хорошо всем известный американский серийный убийца Генри Ли Лукас. Он в точности реализовал описанный выше алгоритм. Ли Лукас совершал убийства и, по-видимому, довольно много, по меньшей мере 11, но при этом сознался в огромном количестве вымышленных убийств. В общей сложности он приписал себе убийства более чем 300 человек. Его приговорили к смертной казни и после этого он написал прошение о помиловании. И когда стали разбираться с его признаниями, то выяснилось, что

95% из того, что он наговорил — или около того — вообще не находит подтверждения. Тех людей, которых Ли Лукас якобы убил, не существовало вовсе.

Этот случай произвёл на Джорджа Буша-младшего, тогдашнего Губернатора Техаса, такое сильное впечатление, что тот помиловал Ли Лукаса. Это было единственное помилование приговоренного к смерти за всё время губернаторства Буша-младшего (а это почти 6 лет).

То есть такие фокусы возможны.

ДеСальво был тяжёлым шизофреником, он жил в плену очень причудливых представлений. Он мог верить, что в нужный момент отыграет назад, признается, что оговорил себя и будет жить дальше, как ни в чём ни бывало.

К таким людям невозможно подходить с обычной человеческой логикой, в их головах причинно-следственные связи работают не так, как у здоровых людей. На «YouTube» сейчас есть образовательные кинофильмы о душевнобольных, снятые для студентов медицинских ВУЗов. Посмотрите как-нибудь на досуге, очень познавательное зрелище! Обратите внимание на то, как рассуждают душевнобольные, какие они проводят аналогии, как оценивают себя и свои поступки. Причем, имейте в виду, что люди эти находятся не в бреде, а в состоянии ремиссии, т.е. их можно считать адекватными. И тем не менее, что и как они говорят, как мыслят!

Посмотрев такое, вы лучше поймёте Алберта ДеСальво. У него были очень серьёзные проблемы с мышлением и потому предположение о существовании у него замысла оговорить себя, а впоследствии отказаться от сказанного, не следует считать чем-то совсем уж фантастичным и невозможным. При всей абсурдности такого замысла в глазах нормального человека.

3) Если ДеСальво в самом деле убил Мэри Салливан, то означает ли это, что все опровержения версии существова-

Алберт ДеСальво имел очень серьёзные проблемы с мышлением и потому предположение о существовании у него замысла оговорить себя, а впоследствии отказаться от сказанного, не следует считать чем-то совсем уж фантастичным и невозможным.

ния «Бостонского Душителя» ошибочны и таковой преступник действительно совершал преступления в период с июня 1962 г по январь 1964 г включительно?

То, что ДеСальво убил Мэри Салливан, отнюдь не означает, что он убил и всех тех женщин, что в конечном итоге оказались приписаны «Бостонскому Душите-

лю». Довольно очевидно, что в этот мартиролог внесены жертвы несвязанных преступлений. Например, почти нет сомнений в том, что убийство Маргарет Дэвис (погибла в ночь на 11 июля 1962 г, найдена в номере отеля) или Модесты Фримен (погибла в ночь на 13 октября 1962 г, найдена на улице) отношения к пресловутому «Бостонскому Душителю» не имеют. Аналогичное утверждение может быть высказано и в случае убийства Беверли Саманс (найдена 8 мая 1963 г), которая, строго говоря, вообще была зарезана ножом, а не задушена. Наверное, подробно обосновывать данный тезис незачем, читатели вполне понимают это сами.

При более внимательном анализе из списка следует убрать и убийство Эвелин Корбин, задушенной в Салеме около полудня 8 сентября 1963 г. Помните эту историю с пончиком на подоконнике?

Обращает на себя внимание то, что жертвы якобы одного убийцы чётко делятся на две группы по возрастному критерию. Есть очень молодые и весьма пожилые.

С большой вероятностью можно предположить, что пожилые женщины — по крайней мере, некоторые из них — действительно были убиты одним человеком. У них имелись точки пересечения — больницы и концертные залы. В этом месте самые внимательные читатели могут припомнить схему из докторской диссертации Кима Россмо, воспроизведенную на стр.238 этой книги. И эти читатели будут правы — наличие у жертв общих мест посещения указывает на действия серийного убийцы — бродяги («сталкера»). Это не значит, что убийца ходил на концерты органной музыки или лечился в больнице — нет! — это означает всего лишь, что он периодически появлялся возле этих мест и, случайно повстречав жертву, провожал её до дома.

Ввиду закрытости следственных материалов, детальный анализ сейчас вряд ли возможен.

Но мы не сильно ошибёмся, предположив, что никакого «Бостонского Душителя» на самом деле не существовало. По крайней мере, в том виде, как это живописали журналисты в 1960-х гг. Был некий преступник, совершивший несколько убийств пожилых женщин, скорее всего, 4-х. Потом появился другой, убивавший молодых девушек и женщин. Но это уже под большим вопросом, нельзя исключать того, что убийства молодых женщин совершались разными лицами. При этом в некоторых случаях убийцы могли быть хорошо знакомы жертвам.

Поэтому картина, по-видимому, выглядела приблизительно так: в 1962 г в Бостоне появился серийный сексуальный преступник — геронтофил, совершивший 3 или 4 убийства пожилых женщин. Он быстро исчез из города, но ему на смену появился либо другой убийца, преследующий молодых, либо... вообще никто не появился. Ввиду возникшей паники, убийцы в Бостоне и городах — спутниках принялись имитировать манеру криминального действия убийцы-геронтофила. Фактически «Бостонского Душителя» слепили журналисты — алармисты, поднявшие панику и подтолкнувшие преступников подделывать стиль другого.

В том, что это предположение близко к истине, нас убеждают современные представления криминальной психологии о таком явлении, как геронтофилия. Сексуальное влечение к женщинам пожилого и старческого возраста демонстрируют мужчины молодые, эмоционально незрелые и социально неадаптированные. Бытовой аспект данных особенностей выражается в том, что у этих мужчин обычно нет собственного жилья, автомашины, они заняты на непрестижных работах и очень стеснены в деньгах. Эти люди не женаты. В пожилых женщинах их привлекают опытность и раскрепощённость, возможность заняться сексуальными экспериментами. Возраст геронтофилов обычно не превышает

30 лет, при этом их основная масса много моложе (18 — 24 года). Чем моложе геронтофил, тем он более склонен к садо-мазо-экспериментам. Тот, кто прочёл книгу I, помнит, что пожилые женщины умерщвлялись с крайней жестокостью, что с точки зрения современных представлений свидетельствует о действиях весьма молодого убийцы — до 25 лет.

Как видим, даже такой вот краткий набросок указывает на преступника весьма мало похожего на ДеСальво.

4) Если ДеСальво действительно серийный убийца, то означает ли это, что результат применения «географического профилирования» к случаю «Бостонского Душителя» ошибочен?

История «Бостонского Душителя» никак не опровергает результат «географического профилирования». Как отмечено выше, факт существования такого преступника в его каноническом виде весьма сомнителен и это означает справедливость идей Кима Россмо о детерминированности мест активности преступника местом его проживания.

Для того, чтобы подправить тот результат, что был получен при применении калькулятора Россмо, надлежит провести правильную селекцию исходных данных, соответственно изложенным выше соображениям (то есть, нет преступника, убившего 11 женщин, а есть некий молодой геронтофил, убивший всего 3-х или 4-х). Возможно ли такое изменение, сказать сложно, сам Россмо заявлял, что для получения корректного результата необходима работа не менее чем с 5 точками.

В любом случае, проводящие ныне расследование сотрудники Генеральной прокуратуры Массачусетса все эти нюансы знают, а стало быть, учитывают в своей работе.

Будет ли найден серийный убийца — геронтофил или же имя его останется под спудом, сказать сложно.

По-видимому, имя его хорошо известно правоохранительным органам. С большой вероятностью мы можем утверждать, что он привлекал к себе внимание полиции и его проверяли в 1962 — 1964 гг. Более того, он находился в Бриджуотере вместе с ДеСальво и близко общался с последним.

Поэтому современные следователи, повторим, наверняка его знают и даже не очень сильно сомневаются в собственной правоте. Вопрос состоит в том, что собственную уверенность следует подкрепить фактами и уликами, а с этим в 2019 г имеются очевидные проблемы. Огрехи старого расследования спустя почти шесть десятилетий исправить крайне сложно.

А заявить журналистам «мы знаем убийцу!», не имея доказательств, нельзя.

Поэтому убийцей будет оставаться ДеСальво. Ведь в том, что он действительно убийца сомнений уже нет.

Оглавление

Часть V. Складывая пазл	3
Признания ДеСальво	5
Персональная война Алберта ДеСальво	61
Так кто же убил Бесси Голдберг?	103
Слава, побег и смерть	132
После ДеСальво	218
Эпилог. Ответы на незаданные вопросы	279

Алексей Ракитин

История Бостонского Душителя
Хроника подлинного расследования. Книга II

Ракитин Алексей Иванович – автор большого числа документальных исследований по истории криминалистики и уголовного сыска, как отечественной, так и иностранной. Проживает в Санкт-Петербурге. В 1999 г. явился одним из создателей русскоязычного сайта «Загадочные преступления прошлого», где размещены многие из его документальных работ.

Вторая книга дилогии. В начале 1960-х гг. американский город Бостон и его пригороды были потрясены серией жестоких убийств, жертвами которых становились женщины всех возрастов. Таинственный убийца вошёл в мировую историю сыска и криминалистики под прозвищем «Бостонский душитель». В книге анализируются известные преступления, изложен ход расследования, рассмотрены персоналии подозреваемых. Автором привлечен большой объём малоизвестной информации, на основании которой сделаны неожиданные выводы.

Rideró

Rideró.ru – издай
книгу бесплатно!